

Пять военных цветов

История дружбы
длиною в жизнь

Ливай Гиллард

Ливай Гиллард

**Пять военных цветов. История
дружбы длиною в жизнь**

«Автор»

2026

Гиллард Л.

Пять военных цветов. История дружбы длиною в жизнь /
Л. Гиллард — «Автор», 2026

Одна старая фотография — и тридцать лет исчезают. Пять подруг снова видят себя юными девушками в военной форме, только начинающими службу в Китае конца 1970-х. С этого момента роман возвращает читателя в годы, когда дружба рождалась из общего быта, дисциплины, надежд и первых взрослых испытаний. Перед нами большая история о людях, которые взрослеют, расходятся по своим дорогам, делают выборы, переживают разлуки и всё равно несут через десятилетия память о тех, с кем начиналась их жизнь. «Пять военных цветов» — тёплая многолетняя сага о товариществе, молодости и связи, которую время меняет, но не всегда способно разрушить.

© Гиллард Л., 2026

© Автор, 2026

Ливай Гиллард

Пять военных цветов. История дружбы длиною в жизнь

В древнем Лунчжуне царила весенняя атмосфера.

Три женщины средних лет, весело болтая, подошли к старинной чайной беседке. Хотя фигуры каждой из них были слегка полноваты, а в уголках глаз проступили несколько едва заметных морщинок, они по-прежнему были одеты по последней моде, и в их облике все еще проглядывала та очаровательная грация, которая была у них в молодости.

Ван Лин: с зачесанными назад завитыми волосами, в модном и элегантном черном костюме-юбке, сверху — черный кашемировый свитер с высоким воротником, украшенный оранжевым шелковым шарфом — просто, изящно, модно.

Цзи Бин — с простой причёской, в серых брюках, белой блузке и нежно-розовом шалике — нежная, спокойная и женственная.

Тянь Сяоси — с энергичной короткой стрижкой, в небесно-голубом спортивном костюме — изящная, полная энергии и солнечного настроения.

Вдали подъехал черный автомобиль и плавно остановился. Чжун Нань, мужчина за пятьдесят, одет в белый спортивный костюм, выглядит энергичным и элегантным, с изящными манерами, он с грацией открыл дверцу автомобиля.

Чжоу Юймей — в темно-зелёном платье, с длинным жемчужным ожерельем, на плечах — длинный бежевый шарф из тонкого флиса; она выглядит благородно, модно и по-международному. Правой рукой она держала за руку свою восьмилетнюю дочь Аньци, живую и сообразительную, а за ней следовал сын Питер, семнадцатилетний юноша ростом метр семьдесят, одетый в красную футболку с круглым вырезом и джинсы, который вылез из машины и помахал всем рукой. Чжун Нань ласково похлопал сына по плечу: «Behave (не шуми)!»

Увидев семью Чжоу Юймей, все радостно подошли к ней, обменялись приветствиями и потянулись посмотреть на любимую дочь Чжоу Юймей — Аньци. Атмосфера была поистине радостной.

Кофе и чай уже источали нежный аромат, изысканные пирожные и разнообразные фрукты были разложены по отдельным блюдам, и все горячо общались, с ностальгией вспоминая былые времена.

Цзи Бин с умилением сказала: «Как быстро летит время, вот уже более тридцати лет пролетело».

Чжоу Юймей с глубоким чувством поддержала его: «Да, даже представить себе не могу!»

Как раз в этот момент Ван Лин заметила вдали чёрный «Ауди» и с улыбкой взглянула на Цзи Бина: «Смотри, вот и он». Все устремили взоры вдаль...

Ван Фэй, которому «почти шестьдесят», с пышными седыми волосами, зачесанными на большой пробор, в верблюжьем свитере, с элегантными манерами и улыбкой на лице подошёл к ним, чтобы поздороваться! С первого взгляда он заметил Чжоу Юймей и тепло спросил: «Здравствуйте! В пожилом возрасте обрести дочь — это повод для особых поздравлений!» Сказав это, он протянул Цзи Бину светло-серый свитер, который держал в руках, и заботливо добавил: «Наденьте, не простудитесь». Затем он направился прямо к Чжоу Юймей и протянул девочке руки: «Иди-ка, давай дядя тебя поднимет!»

Чжоу Юймей улыбнулась и сказала: «Она уже такая большая, а ты сможешь её поднять?»

Ван Фэй шутливо ответил: «Конечно, подниму!» Сказав это, он радостно поднял ребёнка на руки и высоко поднял в воздух: «Как тебя зовут?»

«Аньци», — с улыбкой ответила девочка.

Ван Фэй радостно воскликнул: «М-м-м, маленький ангелочек, как мило! И какая красавица! Прямо как мама в детстве, такая же красивая!»

Цзи Бин улыбнулся Юй Мэй и сказал: «Ну, как? Позволишь дочери взять крестного отца?»

Чжоу Юймей многозначительно взглянула на Чжун Нана, а затем шутливо ответила: «Это зависит от того, согласится ли её папа?»

Ван Фэй улыбнулся Чжун Нану: «Нет проблем, правда?» Затем он обратился к девочке на руках: «Нет проблем, правда?» Девочка улыбнулась, крепко обняла Ван Фэя и поцеловала его.

Ван Фэй был в восторге и радостно воскликнул: «Смотрите, как дочка ко мне привязалась! Маленький ангелочек согласилась, у меня появилась ещё одна дочь!» Говоря это, он радостно кружился с ребёнком на руках...

Чжоу Юймей заботливым, но с легкой долей озорства в голосе сказала: «Поставь её на землю, она довольно тяжелая, не потяни спину, а то я не смогу отчитаться перед Цзи Бином». Сказав это, она подмигнула Цзи Бину.

Все рассмеялись.

В одном углу чайного зала Тянь Сяоси тихонько достала из сумочки фотографию — групповой снимок «Пяти военных цветов», сделанный в тот момент, когда они только что надели красные галстуки и красные значки на фуражки. Эта старая фотография мгновенно перенесла всех в прошлое, более чем на тридцать лет назад.

Цзи Бин взволнованно воскликнул: «Как здорово, что ты её сохранила!»

Ван Лин тоже с большим волнением сказала: «Посмотрите, какие мы тогда были невинные!»

Все взволнованно обменивались комментариями.

В это время в другом углу чайного зала Питер, который всё это время рылся в сумочке Чжоу Юймей, тоже наткнулся на старую фотографию. Посмотрев то на левую, то на правую сторону, он вдруг восторженно воскликнул: «Смотрите, это фото моего папы и мамы, когда они стали чемпионами!»

Все потянулись к нему. Увидев фотографию, Чжоу Юймей, Цзи Бин, Чжун Нань и Ван Фэй на мгновение замерли, но тут же разразились смехом...

Глава 1

Конец 1970-х годов.

Один из городов на юге Китая — Хубинь.

Утром в начале января, когда только начинало светать, звезды ещё высоко висели в небе, тихо мигая и сверкая.

На спортивной площадке аккуратно выстроились шесть военных грузовиков марки «Цзяба». Многие родители провожали своих детей, которые вот-вот должны были поступить на военную службу; на нежных и невинных лицах читалось волнение и трепет, и все они махали рукой на прощание своим папам и мамам.

В те времена самым модным занятием было пойти служить в армию. Надеть зелёную военную форму и стать солдатом, особенно солдаткой, — это была самая большая мечта молодёжи, особенно в шестнадцать-семнадцать лет. Зелёная военная форма в сочетании с красным воротником и красным значком на фуражке — вот что было самым красивым и вызывающим зависть символом!

Среди провожающих была одна девушка с двумя косичками, невысокого роста, с румяными щечками, выглядящая немного простовато, но при этом ловкая и проворная, словно спортсменка; она немного отличалась от других детей, прощающихся с родителями. Рядом с ней стояла только одна скромно одетая женщина средних лет с аккуратной короткой стрижкой, в темно-синей китайской хлопковой куртке с перекрещивающимися полочками. Она без устали складывала вареные яйца в рюкзак девочки и тихо наставляла её: «Там, на службе,

береги себя, слушайся начальства и поддерживай хорошие отношения с товарищами». Девочка серьезно ответила: «Запомню, мама!»

Шесть военных грузовиков марки «Цзябао» петляли по горной дороге.

Из салона время от времени доносился оживлённый гомон и смех.

То все вместе напевали «Я люблю Пекин, я люблю Тяньаньмэнь»;

то «Срубим ятаманов большими саблями»;

то «На золотой горе Пекина»...

На лицах всех сияли чистота, солнечность, озорность, восторг и волнение; хотя они и не были знакомы друг с другом, общие песни естественным образом сблизили всех. После 12 часов пути через горы и долгих переходов шесть военных грузовиков марки «Жэфан» въехали в военный лагерь, окруженный холмистыми горными хребтами и заснеженными вершинами.

«Молодые солдаты» в восторге спрыгнули с грузовиков.

Первой с большого грузовика спрыгнула милая и сообразительная девочка с двумя косичками, глубоко вдохнула свежий воздух, а затем повернулась, чтобы помочь остальным сойти.

Сразу же девушка с овальным лицом, короткими волосами и милой улыбкой, слегка испуганно, обратилась к той, что только что спрыгнула: «Можешь меня поддержать?»

Не успела девушка с двумя косичками-щеточками обернуться, как та девушка с румяными щечками, похожая на спортсменку, ловко спрыгнула с грузовика и вежливо сказала девушке с овальным лицом: «Иди сюда! Я тебя поддержаю!»

В этот момент худенькая девушка с хвостиком начала громко кричать: «Кто-нибудь, помогите мне!»

Девушка, похожая на спортсменку, тут же протянула руку и буквально обняла девушку с хвостиком, помогая ей спуститься с грузовика. Как только она собралась пойти дальше, сзади снова раздался голос: «Можешь меня поддержать?» Она обернулась и увидела девушку с круглым лицом и двумя маленькими ямочками на щеках, которая была почти последней на грузовике, и поспешила к ней, говоря: «Протяни руку, осторожнее!» Девушка с грузовика спрыгнула и сказала: «Спасибо. Меня зовут Тянь Сяоси, зови меня просто Сяоси». Девушка, похожая на спортсменку, тоже улыбнулась и ответила: «Не за что, меня зовут Чжоу Юймэй, так что зови меня Юймэй».

В этот момент девушка с овальным лицом, глядя на горы, взволнованно воскликнула: «Ах, новая жизнь, жизнь в казарме, начинается!»

Первые три дня в роте новобранцев девушки с любопытством и удивлением относились ко всему, что касалось казарменной жизни, особенно к тому, что они надели зелёные военные ватные куртки, штаны, шапки и большие ватные сапоги. Они смотрели то на одну, то на другую и находили друг друга такими милыми! Но не прошло и недели, как начали возникать разные проблемы: смех и щебетание исчезли, некоторые плакали, некоторые говорили, что скучают по дому, некоторые не вставали по утрам, а некоторые не слушались команд при построении...

Ротный командир Ван испытывал к этой группе новобранцев одновременно и раздражение, и симпатию, и беспомощность.

«Ду-ду, ду-ду!»

«Сбор!» Все вышли из своих казарм и вяло побежали к плацу.

«Первый взвод, отчитаться!»

«Второй взвод, отчитайтесь!»

«Третий взвод, отчитаться!»

«Докладываю ротному, первый взвод выстроился!»

«Докладываю ротному, во втором взводе не хватает 5 человек».

«Докладываю ротному, в третьем взводе не хватает 3 человек».

«Все на месте, смирно, по правому краю, смотрите вперед! Покой!»

«, что за дела? Уже 8 минут прошло, командиры второго и третьего взводов, быстро идите искать людей».

В этот момент из казарм роты новобранцев то выбегал кто-то с застегнутыми пуговицами, то с причёсанными волосами, то в фуражке... А у кого-то фуражка свалилась, и он возвращался, чтобы поднять её — картина была весьма неловкой и нелепой. Ротный командир Ван наблюдал за всем этим, не произнося ни слова. Неизвестно, сколько времени прошло, но, наконец, все взводы собрались в полном составе, а лицо ротного командира Вана от злости почти посинело.

Холодный ветер дул без перерыва. Все смотрели то на одного, то на другого: кто-то высывал язык, а кто-то, понимая, что ротный Ван рассердился, не смел произносить ни слова, несмотря на сильный холод, и лишь взглядами давал друг другу знаки: «Стой ровно», «Не говори».

Спустя некоторое время ротмистр Ван подошёл к солдатам, оглядел их со всех сторон, хотел что-то сказать, но передумал, и вдруг строго объявил: «Внимание! Смирно! Распуститься!»

В мгновение ока в рядах, где до этого царил строгость и тишина, снова поднялся шум: одни жаловались, другие ворчали... Ротный командир Ван смотрел на этих разбросанных и избалованных солдат, слушал их жалобы и пересуды и про себя думал: «Как же с этой кучкой солдат справиться!» Через мгновение ротный командир Ван решительно дал сигнал свистком и громко крикнул: «Внимание, все взводы! Срочный сбор!» Под звуки стремительного свистка ротный командир Ван быстро побежал к площадке перед казармой, с серьёзным выражением лица глядя на часы.

В казарме раздались крики; у той худенькой девушки распустился хвост, а маленькое личико под большой ватной фуражкой сжалось в гримасу: «Зачем это? Так делать нельзя». Стоявшая рядом солдатка с круглым лицом тихо дала знак: «Не говори!» Среди ропота новобранцы снова прибежали к казарме и выстроились в шеренгу.

«Смирно, выровняться направо, смотреть вперед, покой, смирно!» Некий высокий, с короткой стрижкой и весьма энергичный молодой человек, явно командир роты новобранцев, подбежал к ротному командиру Ван: «Докладываю, ротный командир, рота новобранцев собрана, должно быть 60 человек, на месте 60 человек, жду приказа».

Ротный командир Ван подошёл к колонне, окинул взглядом весь роту, а затем решительно отдал приказ: «Всем! Цель — вершина заднего холма, поворот направо, бегом!» Все одновременно переглянулись, а затем посмотрели на невысокую и ненизкую вершину позади себя. «Боже мой», — не успели они ничего сказать, как вся колонна двинулась в сторону заднего холма.

Этот внеплановый сбор и короткий марш-бросок по пересечённой местности лишили этих девушек-военнослужащих достоинства. Весь отряд выглядел жалко: большая группа отстала, и в конце концов только 16 человек смогли вернуться вместе с ротным командиром Ван на плац, среди них была девушка, похожая на спортсменку, а также девушка с двумя маленькими косичками и овальным лицом — обе они на протяжении всего пути плотно держались рядом с той, что напоминала спортсменку. Но девушка с двумя маленькими ямочками на щеках и хвостиком где-то отстала... Ротный командир Ван похвалил этих 16 человек и объявил перерыв на месте. Девушка с двумя маленькими косичками-щетинками открыто обратилась к девушке, похожей на спортсменку: «Ты просто молодец! Похожа на спортсменку. Давай познакомимся. Меня зовут Ван Лин, а тебя?»

«Меня зовут Чжоу Юймэй», — немного застенчиво ответила девушка, похожая на спортсменку.

Девушка с овальным лицом, стоящая рядом, тоже вступила в разговор: «Ты бегаешь очень быстро. Меня зовут Цзи Бин. Сегодня благодаря тебе я смогла добежать до конца, иначе я бы точно не выдержала. Впредь я буду бегать за тобой, так точно не отстану».

Ван Лин тоже радушно обратилась к Цзи Бин: «Меня зовут Ван Лин, давай тоже познакомимся».

Цзи Бин тоже улыбнулась и сказала: «Меня зовут Цзи Бин, очень рада познакомиться со всеми».

После того как трое представились друг другу, все были рады познакомиться с новыми товарищами по команде.

Ротаный командир Ван стоял посреди плаца, наблюдая за теми, кто тяжело дышал, жаловался на боли в животе, ворчал на ходу... Последней на плац вернулась девушка с хвостиком; задыхаясь, она сказала: «Как можно так организовывать? Даже не предупредить заранее? Так поступать неправильно». Девушка с круглым лицом, стоящая рядом, непрерывно давала ей знаки: «Не говори больше».

Девушку с хвостиком звали Чжан Сяоин. Она была миниатюрной, с узкими глазками, не следила за внешним видом, говорила прямо, без обиняков, не умела идти на уступки и любила свободу; обожала математику, а в делах и разговорах поступала, как при решении математических задач: говорила только то, что нужно, и ни слова лишнего; никогда не заботилась о чувствах других, была милой, а порой и вызывала раздражение; у неё была классическая фраза: «Так поступать неправильно». Всегда виноваты были другие, что часто вызывало смех и слёзы одновременно; она была Водолеем, и позже все дали ей прозвище «Малышка».

Ротаный командир Ван строго смотрела на этих «остатки отряда», ожидая, пока они сами выстроятся в строй на холодном ветру.

В этот момент к ним подошла молодая женщина-офицер. Это была политический инструктор роты новобранцев Фэн, чуть за тридцать, среднего роста, энергичная и ловкая, с хвостиком. В руке она держала список личного состава, тихо сказала несколько слов на ухо ротному командиру Ван, а затем подошла к колонне: «Внимание, все! Смирно! Разбор». Сегодня нам понадобилось два раза, чтобы собраться. Первый раз сбор занял 8 минут 16 секунд, и это днём. Если бы это было ночью или в боевых условиях, вы все уже давно стали бы пленниками». Услышав это, все невольно усмехнулись.

«Смеетесь? Чего смеетесь? Это смешно? Это не шутка. Все должны понять: мы теперь военные! Военные должны быть готовы прибыть по первому вызову, быть готовыми к бою и одерживать победу. Военные несут на своих плечах миссию по защите родины и страны — они не просто «вазочки». Каждый из вас должен дорожить честью военного и как можно скорее осуществить два преобразования: во-первых, переход от обычного студента к военному, во-вторых, переход от обычного гражданина к военному, чтобы как можно скорее стать полноценным военным! После розового сигнала вернитесь и за 5 минут приведите в порядок свои вещи, а затем по отрядам проведите тщательный анализ. Розовый сигнал».

Чжоу Юймэй — девушка, похожая на спортсменку: у неё две вечно румяные щечки, косички заплетены в очень простом стиле, а в речи слышен сильный шаньсянский акцент, поэтому все прозвали её «маленькая деревенская девчонка». Она простая, солнечная и всегда готова помочь! Во время этого короткого марш-броска она шла впереди всех, чем заставила всех по-новому взглянуть на неё. Знак зодиака — Лев.

Ван Лин — девушка с двумя маленькими косичками, невысокого роста, всегда улыбающаяся, с милым и очаровательным характером. Обычно она не слишком разговорчива, но её глазки, похожие на глазки ласточки, словно всегда рассказывают всем о маленьких секретах её сердца. Знак зодиака — Весы.

Цзи Бин — девушка с овальным лицом, Рак по знаку зодиака. Она умная и сообразительная, немного хитрая, умеет налаживать отношения с окружающими. На её лице всегда играет сладкая улыбка, она очень симпатична, и от неё как будто исходит нежное материнское тепло.

С тех пор как Ван Лин и Цзи Бин познакомились с Чжоу Юймэй во время первой короткой тренировочной поездки, постепенно все трое стали сближаться.

Девушка с круглым лицом и двумя маленькими ямочками на щеках звали Тянь Сяоси — талантливая девушка, перфекционистка, типичная Дева, любящая рисовать и часто выражающая свои эмоции с помощью кисти. Постепенно она тоже сблизилась с Чжоу Юймэй, Ван Лин и Цзи Бин. Поскольку она всегда заботилась о Чжан Сяоин, которая носила хвост, все с улыбкой прозвали её «тётей» Чжан Сяоин. А Чжан Сяоин в роте новобранцев слушалась только «тётушку» Тянь Сяоси, поэтому всякий раз, когда возникала какая-то проблема, все в один голос говорили ей: «Иди к «тёте», пусть она всё уладит!» Постепенно даже политический руководитель роты новобранцев Фэн привык ассоциировать «малышку» с «тётей» и даже официально поручил Тянь Сяоси взять на себя ответственность за Чжан Сяоин. Именно так Чжан Сяоин, сама того не подозревая, была «тётей» приведена в группу «Пять военных цветов».

Эти пять девушек одного возраста, но разных знаков зодиака, с разными характерами, но все одинаково простодушные, солнечные, искренние и озорные, часто проводили время вместе, помогали друг другу, были неразлучны и постепенно стали яркой достопримечательностью женской роты, получив прозвище «Пять военных цветов».

В соответствии с требованиями все быстро привели в порядок свои помещения, а затем собрались по взводам для подведения итогов.

Чжан Сяоин не согласилась с этим: едва только началось подведение итогов, как она тут же подняла руку и попросила слово: «Надо было заранее предупредить, как можно так мучить людей? Только что распустили, а через несколько минут снова собрали — так поступать неправильно. И зачем вообще складывать одеяла в виде кубиков? Не понимаю». У Чжан Сяоин в голове были одни только вопросы, причём во всех случаях виноваты были другие.

Тянь Сяоси тихонько сказала Чжан Сяоин: «У тебя слишком много оправданий. Ты же знаешь, что теперь ты — будущий военнотруженик? Нужно действовать решительно и без промедления, выполнять приказы без вопросов, понятно?»

Ван Лин не удержалась и с улыбкой сказала: «Если следовать логике нашей „малышки“, то в будущем, перед тем как враг начнёт атаку, он должен сначала предупредить: „Внимание, мы собираемся атаковать“, верно?» Все рассмеялись.

Чжоу Юймэй стояла в стороне, не произнося ни слова, и просто смотрела на этих милых девочек.

Прошло больше месяца, и после строгих и изнурительных тренировок эта рота девушек-военных начала приобретать вид настоящих солдат, а озорство «пяти военных цветочков» время от времени приносило веселую атмосферу в напряженные тренировки.

Однажды, в солнечный день, по программе занятий предстояла тренировка маршировки. Ротный командир Ван с серьёзным видом подошла к строю: «Воль! Смирно! Сегодняшняя тема занятия: маршировка. Основные приёмы: левую ногу вынести вперёд примерно на 75 сантиметров (нога должна быть выпрямлена, носок прижат к земле, стопа параллельна полу, на высоте около 25 сантиметров от земли), с умеренным усилием поставить на землю всю стопу, одновременно перенести центр тяжести тела вперёд; правую ногу выполнить таким же образом; верхняя часть тела должна быть прямой, с лёгким наклоном вперёд; пальцы слегка сжать, большой палец выпрямить и прижать ко второму суставу указательного пальца; при махе рук вперёд локти согнуты, предплечья находятся в положении, близком к горизонтальному, ладони обращены внутрь и слегка опущены, нижний край запястья поднимается на высоту примерно на 10 сантиметров выше самой нижней пуговицы, на расстоянии около 10 сантиметров от тела; при махе рук назад (ладонь левой руки направлена вправо, ладонь правой — влево) передняя

сторона запястья находится на расстоянии примерно 30 сантиметров от шва брюк. Скорость марша — 110–116 шагов в минуту. Всё ясно?»

«Поняли!» — хором ответила вся рота.

«Напоследок ещё раз подчеркну: строевой шаг — это манера передвижения колонны, которая в основном используется военнослужащими во время парадов и других торжественных мероприятий. Его цель — продемонстрировать присущую военным маршу величественность и внушительность. Наша армия всегда придавала большое значение обучению строевому шагу, считая его важной формой укрепления армейской дисциплины и проявления военного величия. Разбивайтесь на взводы и приступайте к тренировке», — подчеркнул ротный командир Ван важность обучения строевому шагу.

Прошло два часа тренировки, и ротный командир Ван отдал приказ: «15 минут отдыха».

Сразу же раздались возгласы: «Ужасно устал!», «Ой, ноги!» Чжан Сяоин сидела на траве, не шевелясь.

Политический инструктор Фэн, глядя на нелепые выражения лиц всех присутствующих, не смог сдержать улыбку. Внезапно ему пришла в голову идея, и он громко предложил: «Давайте поиграем в „Орел ловит цыплят“, как вам?» «Да!» — раздался хор ответов, и у многих боль в ногах мгновенно прошла, и они побежали к политическому инструктору Фэну. Политический инструктор Фэн стал «курицей», все сразу выстроились в ряд, превратившись в «цыплят» за его спиной, а Ван Лин сама вызвалась быть «орлом». На плацу весело развернулась игра «Орел ловит цыплят», и в мгновение ока вся усталость, боль в ногах и стоны исчезли. Ротный командир Ван, наблюдая за этим, про себя восхитился: «Политический инструктор Фэн всё-таки знает, как выручить».

Чжоу Юймей играла в жанцзы, и её разнообразные трюки заставляли всех заворуженно смотреть, восхищаясь этой «девчонкой из деревни». Цзи Бин стояла рядом, аплодируя и подбадривая её, а Тянь Сяоси достала из сумки маленькую кисточку и набросала эскиз этой живой и оживлённой тренировочной сцены.

В этот момент «малыш» подбежал к «тёте» и что-то шепнул ей на ухо. Тянь Сяоси, услышав это, улыбнулась, а затем, выступая в роли «тёти», обратилась ко всем: «Внимание, ребята! «Малыш» задаст вам математическую задачку. Любители математики — скорее сюда! За правильный ответ — приз, опоздавшие останутся ни с чем!» Услышав это, все с любопытством подбежали к ней.

Чжан Сяоин восторженно посмотрела на всех и громко сказала: «Это будет сложная математическая задача, а тем, кто ответит правильно, достанется награда. Кстати, открою вам маленький секрет: слышала, что сегодня на ужин будут баоцзы, так что наградой будут именно баоцзы». Все громко зааплодировали!

«Тише! Тише! Начинаю, слушайте внимательно! Рядом с плацем для обучения новобранцев растёт высокая и большая ива, на которой сидят шесть воробьёв и щебечут. В этот момент издалека прилетели ещё семь. Вдруг маленький мальчик, взяв рогатку, незаметно выстрелил в одного из воробьёв на дереве. Знаете, что произошло? Этот воробей, к сожалению, был убит и упал с дерева на землю. А теперь я спрашиваю вас: сколько воробьёв осталось на дереве?»

Худой и высокий солдат по имени Чжан Хун, на котором явно была слишком большая шапка и который выглядел немного неряшливо, тут же поднял руку и громко ответил: «Осталось 12». Все присутствующие сразу же расхохотались, и Чжан Сяоин радостно объявила результат: «Сегодня вечером Чжан Хун не только не получит булочек, но и должен будет вымыть весь коридор».

Чжан Хун с недоумением спросил: « $6 + 7 - 1$ — разве это не 12?» Все снова громко рассмеялись.

Чжан Сяоин взяла на себя роль учительницы: «А теперь прошу „тётушку“ объявить правильный ответ и объяснить его».

Тянь Сяоси с удовольствием пошла навстречу «малышке», прочистила горло и сказала: «Счёт Чжан Хун верный, но вопрос «малышки» заключался в том, сколько воробьёв осталось на дереве? Чжан Хун не внимательно прочитала условие задачи. Подумай сама: если туда полетит камешек, разве воробьи не улетят все?»

Чжан Хун всё поняла и воскликнула: «Ой, да это же вовсе не математическая задача! Не считать, не считать!»

Ван Лин, улыбаясь, сказала Чжан Сяоин: «“Малышка”, это вовсе не математическая задача, это явно головоломка».

Цзи Бин, перешепнувшись с Ван Лин, громко сказал: «„Малышка“, я задам тебе сложную головоломку. Если ответишь правильно, сегодня вечером получишь два булочки, а если нет — вместо Чжан Хун будешь вытирать лестничную площадку».

«Ладно! Пусть Цзи Бин задаст сложную головоломку», — с беспомощной улыбкой сказала Чжан Сяоин.

Цзи Бин громко произнес: «Слушайте внимательно! Наша рота новобранцев прошла курс обучения метанию гранат, и все значительно продвинулись в этом деле. Однако в конце курса, когда мы завершали занятия по метанию, граната, брошенная Ван Лин, не взорвалась. Почему?»

Чжан Сяоин поспешила ответить: «Эй, это же просто — Ван Лин не потянула за шептало».

Цзи Бин тут же ответил: «Неправильно!»

Чжоу Юймэй тоже с любопытством спросила: «Конечно, она не потянула за шнур, разве может быть что-то ещё?»

Цзи Бин оглядела всех и с гордостью объявила: «Товарищ Ван Лин использовала учебную гранату. Поэтому, товарищ Чжан Сяоин, пожалуйста, замените товарища Чжан Хун в уборке лестничной клетки! Извините!» Все рассмеялись, а Чжан Сяоин не знала, смеяться ей или плакать!

Ротный командир Ван и политический инструктор Фэн, глядя на эту группу наивных и жизнерадостных солдат, не смогли сдержать выражения одобрения и восхищения на лицах. Политический инструктор Фэн с восторгом сказал ротному командиру Вану: «Всего лишь чуть больше месяца, а прогресс просто огромный, они уже начинают по-настоящему походить на солдат!»

Ротный командир Ван кивнул в знак согласия, но с некоторой озабоченностью добавил: «На следующем этапе, согласно учебной программе, мы перейдем к стрелковой подготовке. Интересно, как у нас пойдут дела?»

Политический инструктор Фэн с полной уверенностью ответил: «Никаких проблем, все будут на высоте!»

Вечером прозвучал сигнал отбоя. После напряжённого дня тренировок все чувствовали себя очень уставшими, но всё же были вынуждены обсудить, не будет ли посреди ночи экстренного сбора.

«Я, во всяком случае, одежду снимать не буду, а то из-за медлительности опять всех задержу».

«Думаю, сегодня ночью не будет, ведь на этой неделе это уже третий раз».

Обычно «пять военных красавиц» служили для всех ориентиром, и каждое их движение давало остальным важные подсказки. В этот момент все заметили, что Чжоу Юймэй и Ван Лин уже погрузились в сон, а «тётя» как раз собиралась лечь, поэтому все переглянулись и тоже поочередно сняли одежду и улеглись. Только Чжан Сяоин всё ещё колебалась: обычно она двигалась медленнее всех, а при экстренном сборе всегда нервничала, поэтому за почти два месяца службы ей приходилось спать в одежде почти каждый день, и при этом она каждый раз оказывалась в числе последних! Тянь Сяоси перевернулась и, увидев, что Чжан Сяоин

всё ещё колеблется, улыбнулась и сказала: «Малышка», судя по сегодняшнему наблюдению «тёти», ротный командир и политический инструктор сегодня в отличном настроении, да и ты сегодня неплохо себя проявила, создав весёлую атмосферу во время напряжённых тренировок. Тебе, как минимум, пора хоть раз выспаться как следует, так что спи спокойно!» Чжан Сяоин наивно спросила: «Правда?» Тянь Сяоси, притворившись взрослой, ответила: «Цзи Бин стоит на посту, если что-то случится, она обязательно заранее нас предупредит, да и „тётя“ же здесь!» Сказав это, Тянь Сяоси уснула. Чжан Сяоин всё ещё колебалась, но в конце концов всё-таки легла в одежде.

Во всей казарме воцарилась тишина.

Часы показывали 10, 11, 12... Чжан Сяоин тоже постепенно погрузилась в сон.

На следующий день в 4:30 утра Цзи Бин, преодолевая сонливость, смутно разглядела вдали две фигуры и насторожилась: «Пароль!» «Янцзы!» Узнав ротмистра Ван и политического инструктора Фэна, Цзи Бин сразу поняла, что произошло что-то неладное. Не успела она это осознать, как ротмистр Ван дал сигнал свистком: «Внимание, рота! Срочный сбор!» Затем ротный командир Ван встал посреди плаца перед казармой и посмотрел на часы... Политический инструктор Фэн торопливо стучал в двери каждой спальни: «Срочный сбор!» «Срочный сбор!» Цзи Бин полностью проснулась, осталась на своём посту и настороженно осматривала всё вокруг.

В каждой спальне сразу же поднялся шум.

Чжоу Юймэй и Ван Лин быстро встали, оделись и стали собирать рюкзаки.

Чжан Сяоин прыгнула с кровати и, собирая рюкзак, тихо пробормотала: «“Тетя”, ты опять просчиталась, хорошо, что я не разделась».

Все напряжённо собирали рюкзаки, накидывали сумки через плечо и приводили в порядок военную форму и внешний вид. Чжоу Юймэй и Ван Лин, взвалив рюкзаки на плечи, сказали Тянь Сяоси и Чжан Сяоин: «Быстрее! Мы уходим первыми!»

Тянь Сяоси помогла Чжан Сяоин привести в порядок рюкзак и сказала: «Пошли!» Обе вместе выбежали из дверей общежития, а остальные тоже один за другим выбежали на спортивную площадку. Цзи Бин, увидев, что Чжан Сяоин сегодня снова значительно улучшила свой результат, радостно улыбнулся.

«Всем внимание, выровняться по правому флангу, смотреть вперед, покой, смирно! Докладываю ротному командиру, рота собрана, жду приказа!»

«Товарищи, в деревне Сяотунь на задней горе обнаружена вражеская активность. Я получил приказ от вышестоящего командования — отправиться на подкрепление местному ополчению. В направлении деревни Сяотунь на задней горе, бегом вперед!» Ротный командир Ван сразу же отдал приказ о выходе.

Сначала весь женский взвод бежал, а затем перешёл на ускоренный марш; весь женский взвод пробирался по горным тропам. Постепенно начали отставать некоторые, другие задыхались, а третьи просто не могли идти дальше...

Небо постепенно светлело, и основные силы роты под командованием ротного командира Ван в стройном порядке вернулись быстрым маршем на центральную площадку перед казармой, сбросили рюкзаки и отдохнули на месте. Последними на площадку прибыли три девушки: Чжан Сяоин в сопровождении «тёти» и политического инструктора Фэна. Рюкзак Чжан Сяоин полностью развалился, и «тётя» практически несла военное одеяло на руках, таща «малышку» за собой, — они выглядели крайне нелепо.

Ротный командир Ван провёл разбор, похвалил Чжоу Юймэй, Ван Лин, Цзи Бин и других за быстроту действий и тщательную упаковку рюкзаков, а тех, у кого рюкзаки были упакованы неаккуратно, подверг строгой критике, не называя имён, потребовал попрактиковаться в складывании одеял и упаковке рюкзаков, и строго сказал: «Застелить постель и сложить военное одеяло в виде кубика — это первая задача дня для военного. Успешное выполнение этой

задачи придаст вам бодрости и энергии на весь день, а также укрепит понимание того, что мелочи в жизни не менее важны: только хорошо выполняя мелочи, можно добиться успеха в важных делах. То же самое касается и укладки рюкзака: если военнослужащий не может даже правильно уложить рюкзак, как он тогда продемонстрирует военную выправку? Если вы хотите стать настоящим военнослужащим и осуществить свои великие мечты, начните с ежедневного застилания постели, складывания военного одеяла в виде «кубика тофу» и тщательной укладки рюкзака». Сказав это, она объявила о роспуске.

Едва только отбой прозвучал, «малышка» расплакалась и с грустью сказала: «Почему я всегда такая неуклюжая?» Тянь Сяоси, утешая Чжан Сяоин, пошла в общежитие: «Не плачь, пойдём попрактикуемся в упаковке рюкзака».

Время летело быстро, прошло уже несколько месяцев, и эта рота, в которой раньше служили расслабленные и избалованные девушки-военнослужащие, добилась значительного прогресса: они быстро и аккуратно выстраивались в строй, маршировали ровным шагом, стояли, как растущие молодые сосны, а сидя — как маленькие настольные часы. Рота-командир Ван и политический инструктор Фэн наблюдали за этим и радовались в душе. Вскоре предстояло начало нового этапа обучения — стрельба боевыми патронами!

Ротаный командир Ван шаг за шагом объяснял основы обращения с винтовкой и принципы стрельбы: «В заключение я ещё раз подчеркну четыре момента: 1. При удержании винтовки руки должны прилагать равномерное усилие, рукоятка должна защелкиваться в ладони, указательный палец — расслаблен. 2. Запястья и предплечья должны быть выпрямлены, предплечья должны вести за собой кисти. 3. Прицеливание и зона прицеливания: при колебании визир, прорезь и мушка должны находиться на одной линии. На мишени с грудным кольцом на расстоянии 50 метров цельтесь в нижний край круга 10-го кольца. 4. Техника нажатия на спусковой крючок: указательный палец должен равномерно и прямо нажимать на спусковой крючок, с намеренным предварительным нажатием, но без непреднамеренного спуска; дыхание во время стрельбы: вдох перед выстрелом, задержка дыхания во время выстрела, выдох после выстрела».

Эти военнослужащие-женщины впервые брали в руки винтовку; у некоторых рост был примерно равен длине винтовки, поэтому поднять оружие им было, естественно, очень тяжело, что вызвало у ротного командира Ван серьезные опасения, что результаты стрельбы могут повлиять на общие оценки по подготовке новобранцев.

Все снова и снова упорно отрабатывали в холодном северном ветре технику и движения при стрельбе из положения лежа, стоя и на коленях. В конце концов, ротный командир Ван и политический инструктор Фэн, учитывая ход подготовки, решили сосредоточить весь урок стрельбы боевыми патронами на стрельбе из положения лежа. После двух недель упорных тренировок настал день первой стрельбы боевыми патронами.

Вся рота выстроилась и направилась на стрельбище, у каждого было по три патрона. Глядя на настоящие патроны в руках, все выглядели чрезвычайно напряжёнными и серьёзными. Ротный командир Ван неоднократно подчеркивал: «Строго следуйте предписанным правилам и движениям, ни в коем случае не снимайте предохранитель без необходимости!»

Чжоу Юймэй и Тянь Сяоси во время тренировок демонстрировали эмоциональную устойчивость, ловкость движений, смелость и внимательность, поэтому им было поручено стрелять первыми и вторыми.

Чжоу Юймэй, казалось, совсем не боялась: приняв положение лежа, она быстро выполнила все приготовления к стрельбе.

Когда ротный командир Ван отдал команду «Огонь», Чжоу Юймэй задержала дыхание и уверенно выстрелила первый раз! Пуля улетела, Чжоу Юймэй закрыла глаза и с облегчением выдохнула.

«Восемь очков!» — воскликнули все.

«Превосходно!» Ротный командир Ван тоже был очень доволен, ещё раз напомнил об основных правилах выполнения упражнений, а затем отдал команду: «Внимание, приготовиться, огонь!»

«Бах!» — прозвучал второй выстрел Чжоу Юймей. Все с нетерпением ждали результатов. Вскоре из туннеля выбежал счетчик и показал жестом результат. Никто не мог поверить в то, что он объявил, и все тут же спросили ротного: «Сколько очков?» Ротный Ван и политический инструктор Фэн взволнованно хором воскликнули: «10 очков! Просто великолепно!»

«Вау, 10 очков? Это просто невероятно, деревенская девчонка, ты действительно молодец», — воскликнула Чжан Сяоин. Ван Лин посмотрела на Чжоу Юймей и искренне похвалила и подбодрила её: «Юймей, ты просто молодец!»

«Чжоу Юймей, стреляй именно так», — продолжил поощрять Чжоу Юймей ротный Ван, а затем отдал приказ: «Приготовиться, огонь!»

«Бах!» Едва ротный командир закончил говорить, как последний патрон из ствола Чжоу Юймей с свистом вылетел наружу. Счетчик снова объявил результат, вызвавший бурные аплодисменты и восторг всей аудитории: «9 кругов!»

Вся площадка закипела: «Такой отличный результат с самого первого раза!» «„Маленькая деревенская девчонка“ просто молодец!» Чжоу Юймей быстро встала и покинула стрелковую позицию, словно только сейчас осознав, что только что стреляла по-настоящему, из настоящего ружья!

«Второй номер, Тянь Сяоси, готовься!»

«Есть!» — ответила Тянь Сяоси и быстро заняла стрелковую позицию. Следуя правилам техники стрельбы, она легла на живот, ровно взяла ружьё в руки, зажав рукоятку между большим и указательным пальцами, расслабила указательный палец, устремила взгляд прямо перед собой и приготовилась к выстрелу.

«Готов, огонь!» По команде ротного командира Ван из ствола ружья Тянь Сяоси уверенно вылетела первая пуля.

«10 кругов!» — объявил счетчик, назвав ещё более воодушевляющий результат.

«Первый выстрел — и сразу 10 очков, просто великолепно!»

«„Тетя“, ты просто супер!» — воскликнула Чжан Сяоин.

Все взволнованно обсуждали происходящее, ротный командир Ван махнул рукой, призывая всех к тишине, и в этот момент вылетела вторая пуля!

«Десятка!» — снова объявил судейский помощник, сообщая об воодушевляющем результате.

«Вау! Ещё один 10-й круг, просто замечательно!» Тянь Сяоси повернулась, слегка улыбнулась всем, а затем снова внимательно скорректировала позу, приготовившись к третьему выстрелу. «Свист!» — и Тянь Сяоси чётко и ловко выпустила третью пулю! Вскоре вдали судейский помощник поднял табличку с надписью «9-й круг», и весь зал взорвался аплодисментами!

«Три выстрела — 29 очков!» Тянь Сяоси взглянула на ротного командира Ван, и тот поднял в её сторону большой палец!

Сразу за ней выступили Ван Лин — 25 очков за три выстрела — и Цзи Бин — 22 очка за три выстрела. Было немало тех, кто не набрал ни одного очка, а многие даже нажимали на курок с закрытыми глазами. Чжан Сяоин «осталась с нулем»!

Были объявлены результаты первой стрельбы боевыми патронами: 10 человек показали отличные результаты, проходной балл набрали лишь немногие, а более половины вообще не попали в мишень. На подведении итогов ротный командир Ван попросил Чжоу Юймей и Тянь Сяоси поделиться своими впечатлениями от первой стрельбы боевыми патронами.

Чжоу Юймэй встала и сказала: «Сначала я очень боялась, но просто повторяла про себя основные приёмы, которым нас обычно учит командир роты. Эх, пусть лучше Сяоси расскажет». Сказав это, она села.

Затем ротный командир Ван попросил Тянь Сяоси, лучшую стрелку этой стрельбы, поделиться своими впечатлениями. Под бурные аплодисменты Тянь Сяоси покраснела, смущённо встала и, слегка улыбнувшись, сказала: «Мне особо нечего сказать. Главное — правильно держать ружьё, чтобы глаза, прицельная линия и мушка находились на одной линии». Сказав это, она сделала небольшую паузу и с озорной улыбкой добавила: «Эй, я же „тётя“, так что должна вести себя как „тётя“!» Эта фраза рассмешила всех до слез.

«Ты же только „тётя“ для „малышей“, как так получилось, что это так раздулось?» — эта фраза Ван Лин снова вызвала у всех взрыв смеха.

В заключение ротный Ван строго обратился ко всем: «Товарищи, теперь вы солдаты, бойцы, военные. Если боец или военный не умеет стрелять, можно ли его называть бойцом или военным? Не смейтесь. Сейчас я должен строго сообщить вам: только что поступило распоряжение из вышестоящего командования — всех новобранцев, не прошедших проверку по итогам обучения, подлежит отчислению».

«Уволить?»

«Что это значит?»

Стоявший рядом политический инструктор Фэн строго подошёл к строю: «Внимание! Смирно! Вправо! Вперёд! Смирно! Трёхмесячная подготовка скоро закончится, и очень скоро состоится парад. Как вы можете так расслабляться? Это недопустимо! Военный должен выглядеть как военный, иначе это порочит звание военного! Вы — новобранцы, пришедшие из разных семей, со всех концов страны, вступившие в большую семью армии, ставшие солдатами и взявшие на себя миссию защищать родину — это не повод для шуток и веселья. За эти три месяца обучения новобранцев каждый из вас добился прогресса, но до требований и стандартов настоящего военного вам ещё очень далеко. Поэтому по указанию вышестоящего командования все, кто не пройдёт проверку по итогам трёхмесячной подготовки новобранцев, будут без исключения уволены из армии!»

Политический инструктор Фэн сделал паузу, оглядел всех присутствующих и продолжил: «Это очень серьёзное дело, а не детская забава! Не относитесь к этому как к шутке. Я посоветовался с ротным командиром Ван: на заключительном этапе обучения мы будем предъявлять к вам ещё более строгие требования. Надеюсь, вы будете усердно тренироваться, обязательно постараетесь показать хорошие результаты на последних стрельбах боевыми патронами и продемонстрируете на параде по случаю окончания обучения новобранцев достойный военный облик!»

Политический инструктор Фэн посмотрел на девушек-солдат всего рота, с которыми он прожил бок о бок более двух месяцев, и в заключение с некоторым волнением сказал: «Мы с ротным командиром Ван не хотим, чтобы кого-то из вас уволили из армии. Мы хотим, чтобы каждая из вас стала полноценным солдатом, настоящим военным! У нас, ветеранов, есть поговорка: «Один день в казарме — дружба на всю жизнь!» Мы уже почти три месяца проводим вместе каждый день и ночь, мы стали боевыми товарищами. Каждая из нас должна ценить эти священные звания — «военнослужащая» и «боевой товарищ», — ведь они будут сопровождать нас всю жизнь!» Услышав это, все сразу же стали серьёзными и впервые по-настоящему осознали значение слов «военнослужащая» и «боевой товарищ».

Вечером «Пять военных цветов» впервые крепко сжали руки пяти «товарищей по оружию», символизируя, что они всегда будут вместе и ни один из них не будет отчислен...

Правило «не соответствует требованиям — увольняется» действовало как стимул: каждый приложил все силы, чтобы отточить свои навыки, и в лагере новобранцев на мгнове-

ние воцарилась атмосфера сплочённости, напряжённости, серьёзности и сосредоточенности. Вскоре настал день последней стрельбы боевыми патронами.

Ранним утром небо было голубым, по нему плыли белые облака, а утренние лучи озаряли всё вокруг.

После завтрака весь новобранческий взвод выстроился в строй. Боевые девушки, полные юношеской энергии, с гордой осанкой и решительным видом, шагая твёрдым и ровным шагом, направились к стрельбищу.

Звуки песни «Я — солдат» громко раздавались под небом.

«Раз, два, три, четыре»...

Добравшись до стрельбища, все заняли свои места по взводам.

Ротный командир Ван официально объявил: «Эта стрельба боевыми патронами — это большие соревнования по стрельбе». Эта новость взбудоражила боевой дух каждой из них, и в отрядах и взводах началась предбоевая мобилизация.

Стрельба боевыми патронами вот-вот начнётся. Каждый получил по 9 патронов. Все были полны уверенности, и их движения при зарядании оружия были ловкими и отточенными.

Звуки выстрелов «свист... свист—» и крики радости, раздающиеся раз за разом от счетчика очков, наполнили стрельбище энергией и оживлением, создав воодушевляющую картину.

Тянь Сяоси первым показал высокий результат — 86 очков!

Цзи Бин восторженно воскликнула: «Сегодня я чувствую себя просто великолепно!»

Ван Лин радостно подпрыгнула: «Результаты сегодняшней стрельбы боевыми патронами просто потрясающие!»

Чжоу Юймэй уверенно заявила: «Мы все должны стать настоящими военными и товарищами по оружию на всю жизнь!»

Все были в восторге!

Чжан Сяоин заняла позицию для стрельбы, её лицо было серьёзным и сосредоточенным. Она быстро зарядила патрон, выполняя движения по правилам, шаг за шагом следуя инструкциям, и при этом тихо повторяла про себя основные принципы выполнения упражнений. Вскоре Чжан Сяоин выпустила все 9 патронов! Чжоу Юймэй, Ван Лин, Цзи Бин, и особенно «тетя», с нетерпением ждали объявления результатов.

Счетчик объявил результат: «Чжан Сяоин, результат: 9 выстрелов, 83 очка».

Цзи Бин в удивлении воскликнула: «Что? Чжан Сяоин, 83 очка?»

Ван Лин просто не могла в это поверить: «Вы не ошиблись?»

Чжоу Юймэй молчала.

Тянь Сяоси была очень удивлена.

Чжан Сяоин была в полном замешательстве: «83 очка? Это... это... это моя мишень?»

Все вокруг зашумели от удивления и потребовали пересчитать результаты. Инструктор Фэн громко сказал: «Пересчитайте мишень № 3!»

Счетчик снова спустился в туннель и через мгновение вышел, объявив: «Мишень № 3, 9 выстрелов, 83 очка!»

«83 очка! Чжан Сяоин просто потрясающая!» — раздались восторженные возгласы. «Тетя», которая всегда отлично стреляла, была особенно рада хорошему результату «малышки».

По итогам стрельбы боевыми патронами, помимо общепризнанной «снайперши» Тянь Сяоси, набравшей 86 очков, Чжоу Юймэй набрала 84 очка, Ван Лин — 81, Цзи Бин — 79, а Чжан Сяоин действительно преподнесла всем большой неожиданный сюрприз, набрав 83 очка. Во время подведения итогов инструктор Фэн с большой радостью похвалил весь взвод за прогресс и призвал всех продолжать усердно тренироваться, чтобы успешно выполнить задачу по подготовке к параду.

В столовой для всех устроили дополнительный обед в честь успешных результатов стрельбы боевыми патронами! «Пять военных красавиц» подняли бокалы и поклялись, что ни одна из них не попадет в список отчисленных и что они останутся «товарищами по оружию» на всю жизнь! Все особенно поздравили «малышку» с быстрым ростом и прогрессом.

Вскоре началась подготовка к парадным репетициям — оставалось всего 15 дней. Все с нетерпением ждали парада, но в то же время боялись его. С нетерпением ждали, потому что день парада означал, что наконец-то можно будет надеть красные воротнички и красные значки на фуражках; ради этого дня каждая усердно тренировалась, надеясь как можно скорее стать настоящей, достойной военнотружущей! Но в то же время боялись: вдруг что-то пойдет не так, и их внесут в список отчисленных — это было бы слишком унижительно. С этими противоречивыми и сложными чувствами все подбадривали друг друга, усердно тренировались и вскоре вступили в финальный трехдневный рывок подготовки к параду.

В холодном ветре военнотружущие-женщины, отрабатывающие марш-бросок, выглядели мужественно и энергично;

в казармах — военные постели, сложенные в виде «блоков тофу», с четкими углами; во время марш-броска зеленые рюкзаки выглядели аккуратными и прочными; на территории части — порядок, чистота и аккуратность...

Тянь Сяоси написала на доске объявлений сильными и выразительными буквами: «Товарищи по оружию, давайте продемонстрируем наш дух на параде!»

Утром все выстроились в ровные ряды, громко пели «Гимн Народно-освободительной армии Китая» и ждали торжественного момента. Ровно в 9 часов началась церемония вручения красных воротничков и красных значков на фуражки: каждый получил из рук инструктора Фэна долгожданный красный воротничок и красный значок на фуражку. Надев военную форму с красным воротничком и фуражку с красной пятиконечной звездой, все сразу же бросились к зеркалам — их радость была неопределима. «Тетя» помогала «малышкам» поправить фуражки, Чжоу Юймэй и Ван Лин взаимно приводили друг друга в порядок, Ван Лин помогала Цзи Бин правильно расположить красный галстук-значок; они смотрели то на одну, то на другую, мило улыбались и договорились в выходные пойти в фотоателье, чтобы сделать совместный снимок на память и запечатлеть этот священный и торжественный момент, когда началась их «мечта».

Вся рота с восторгом собралась на плацу. Ротный командир Ван и политический инструктор Фэн смотрели на этот отряд чистых, солнечных, озорных, живых и милых военнотружущих — группу когда-то свободолюбивых и избалованных девушек, которые после трёх месяцев строгой подготовки превратились в этот отряд, полный мужества и энергии, и были переполнены радостью и гордостью! Ротный командир Ван и политический инструктор Фэн поочередно тщательно проверили внешний вид и дисциплину каждой из них. Ротный командир Ван подошёл к Чжан Сяоин, и она, вставая по стойке смирно, отдала ему стандартный военный салют.

Вдали подъехал джип и остановился у дороги, идущей вдоль плаца. Из машины вышел молодой, элегантный офицер, остановился у тополя и с удовольствием наблюдал за этим отрядом воинственных девушек.

Ван Лин, стоящая в строю, сразу заметила этого офицера и невольно помахала ему рукой. Офицер тоже помахал ей рукой издали. Стоявшая рядом с Ван Лин Чжоу Юймэй с любопытством тихо спросила: «Кто это?» Ван Лин взволнованно прошептала: «Мой брат». Чжан Сяоин была очень удивлена: «Твой брат? Тоже военный? Или офицер четвертого ранга?» Цзи Бин невольно воскликнула: «Какой красавец!» Ротный командир Ван строго предупредил: «В строю не разговаривать».

Колонна ровным строем вышла на середину плаца, и началась последняя перед парадом тренировка.

Вся рота новобранцев выглядела бодро и энергично, строящиеся в аккуратные ряды, шагали в ногу.

Рота-командир Ван: «Товарищи, здравствуйте!»

Женский рот громко ответил: «Здравствуйте, командир!»

Рота-командир Ван: «Товарищи, спасибо за ваш труд!»

Женский взвод громко ответил: «Служим народу!»

Старший брат Ван Лин, Ван Фэй, техник наземного обслуживания в одной из воинских частей, 22 года, рост 1,82 метра, красив и элегантен. Его часть расположена примерно в четырёх часах езды от места тренировок сестры, и, поскольку у него как раз была служебная поездка, он решил заехать, чтобы посмотреть, как тренируется его сестра в роте новобранцев. Посмотрев на репетицию парада, Ван Фэй невольно зааплодировал и бросил на сестру восхищённый взгляд.

Водитель с улыбкой спросил: «Техник Ван, это ваша сестра машет рукой?»

Ван Фэй с гордостью ответил: «Да, она очень изменилась, стала совсем другим человеком. Армия — это действительно настоящий плавильный котёл!»

Водитель спросил: «Их обучение скоро закончится, да?»

Ван Фэй посмотрел на свою сестру вдали, и на его лице появилась довольная улыбка: «Да, скоро будет парад и распределение по частям».

Ротный командир Ван: «Подведение итогов, смирно. Сегодня в целом всё прошло неплохо. Через три дня нас ждёт официальный парад, поэтому все должны приложить все усилия, чтобы обеспечить успешное завершение задачи по подготовке новобранцев. Сейчас 15 минут отдыха на месте, а потом мы ещё раз пройдем весь маршрут. Свободны».

Ван Лин, не в силах сдержать волнение, подбежала к ротному командиру: «Ротный командир, мой брат приехал, я пойду поздороваюсь с ним, можно?» — и указала в сторону брата. Ротный командир взглянул на часы: «Иди! Но следи за временем». Ван Лин снова осторожно указала на своих лучших подруг, стоящих рядом: «А они могут пойти со мной?» Ротный командир Ван взглянул на «Пять военных красавиц»: «Иди быстро и возвращайся!» «Есть!» — радостно ответила Ван Лин и обратилась к Чжоу Юймэй, Цзи Бин, Тянь Сяоси и Чжан Сяоин: «Пошли, пойдёмте со мной поздороваться с братом». «Пять военных красавиц» радостно побежали в сторону брата Ван Лин.

Ван Лин издали помахала брату рукой: «Брат, брат!» Ван Лин, полная восторга, первой подбежала к брату и кокетливо спросила: «Брат, почему ты так долго не приходил меня навестить?»

Брат радостно ответил: «М-м, ты выросла, уже выглядишь как настоящий солдат».

Ван Лин кокетливо сказала: «Ноги просто отваливаются». Затем она указала на подруг, которые подбегали вместе с ней, и сказала: «Брат, это все мои лучшие подруги». Цзи Бин бежала впереди, Тянь Сяоси держала Чжан Сяоин за руку, а Чжоу Юймэй присела, чтобы завязать шнурки.

Ван Лин указала на Цзи Бин и сказала: «Её зовут Цзи Бин». Цзи Бин улыбнулась и сказала: «Привет!» Её взгляд всё время был прикован к Ван Фэю, и на её лице читалось восхищение.

Ван Лин указала на Тянь Сяоси и Чжан Сяоин: «Это „тётя“ и „малышка“». Тянь Сяоси и Чжан Сяоин почти хором сказали: «Какая ты зануда».

Брат великодушно поздоровался со всеми: «Привет всем!»

Ван Лин обратилась к завязывающей шнурки Чжоу Юймэй: «Поторопись!» Затем она представила брату: «Её зовут Чжоу Юймэй, она мастер спорта, ротный командир и политический инструктор часто её хвалят».

«Чжоу Юймэй?» — брат на мгновение замер, подняв глаза и устремив взгляд на подбегающую девушку. В этот момент Чжоу Юймэй, словно маленькая ласточка, прибежала, не

переставая бежать. Ван Фэй пристально смотрел на эту военнотружашую. Чжоу Юймэй была в восторге, но, увидев Ван Фэя, остолбенела: «Ты?» «Как это ты... хулиган?»

Ван Лин огляделась по сторонам: «Что? Какой хулиган? Вы знакомы?» Все ошеломились. С тех пор как днём она увидела Ван Фэя, Чжоу Юймэй не проронила ни слова.

Вечером, лежа в постели, она крепко зажмурила глаза.

Все тихо перешептывались, не понимая, в чём дело. Цзи Бин тихо спросила Ван Лин: «Что происходит? Они знакомы?» Ван Лин ответила: «Я тоже не знаю, мой брат ничего не говорит».

У Чжоу Юймэй, лежащей в постели, в голове словно прокручивался фильм: она вспомнила свои школьные годы...

На школьных спортивных соревнованиях Чжоу Юймэй бежала изо всех сил и стала чемпионкой в беге на 60 метров среди девушек;

еще раз, стремительно мчась, она вновь стала чемпионкой в беге на 100 метров среди девушек;

Вся трибуна взорвалась аплодисментами, а Ван Фэй, одетый в форму той же команды, с энтузиазмом помог только что финишировавшей Чжоу Юймэй.

Через мгновение на старт вышел Ван Фэй, и весь стадион затаил дыхание, наблюдая за напряжённой борьбой на трассе.

Ван Фэй первым пересек финишную черту, став чемпионом в беге на 100 метров среди мужчин, и весь стадион взорвался аплодисментами.

Через мгновение началась смешанная эстафета 400 метров.

Чжоу Юймэй и Ван Фэй, представляющие среднюю школу «Ба-Инь», полные энергии, встали на стартовые позиции. Ван Фэй бежал первым, а Чжоу Юймэй — последней.

: «На старт, внимание, марш!»

По шести дорожкам пронеслись ловкие фигуры, а со всего стадиона раздавались крики: «Вперёд! Вперёд!»

Подумав об этом, Чжоу Юймэй, лежа в постели, невольно затаптывала.

Друзья, увидев эту сцену, остолбенели.

Чжан Сяоин была очень удивлена: «Что происходит?»

Цзи Бин тоже была совершенно озадачена: «Что же происходит?»

Ван Лин высказала предположение: «Похоже, она знакома с моим братом».

Тянь Сяоси, казалось, была вполне уверена: «Судя по всему, тут явно что-то не так, и «тете» придётся раскрыть это дело».

Все пристально уставились на Чжоу Юймэй.

Чжоу Юймэй снова перевернулась на бок и продолжила свой сон...

Ван Фэй, Чжоу Юймэй, а также ещё один юноша и одна девушка стояли на пьедестале почёта и принимали награды. Ван Фэй смотрел на девушку рядом с собой и был очень взволнован.

Ван Фэй и Чжоу Юймэй сфотографировались на пьедестале — именно эта фотография была найдена сыном Чжоу Юймэй в её сумочке в самом начале истории.

Дойдя до этого момента в своём сне, Чжоу Юймэй улыбнулась, а наблюдавшие за ней Ван Лин, Цзи Бин, Тянь Сяоси, Чжан Сяоин и другие девушки-военнотружашие ещё больше удивились.

Чжан Сяоин, казалось, что-то догадалась: «Она наверняка видит сон — и кошмар, и прекрасную мечту одновременно».

Цзи Бин с полным недоумением спросила: «Почему?»

Тянь Сяоси, уверенно ответила: «Какое тут „почему“? „Малышка“ на этот раз права, и это обязательно связано с тем, кого мы сегодня видели...».

Ван Лин занервничала и спросила: «Что же здесь происходит? Это просто с ума сводит».

Тянь Сяоси таинственно прошептала: «Не торопись, разгадка скоро станет ясна».

Внезапно выражение лица Чжоу Юймэй снова стало серьёзным...

Вечером, на спортивной площадке средней школы «Ба-И», тренировка только что закончилась. Чжоу Юймэй взвалила рюкзак на плечи и собралась возвращаться в общежитие.

Ван Фэй поспешно накинул рюкзак на плечи, догнал Чжоу Юймэй и спросил, не устала ли она сегодня на тренировке. Чжоу Юймэй кивнула. Ван Фэй достал из рюкзака шоколадку, которая в то время была большой редкостью, и протянул её Чжоу Юймэй. Чжоу Юймэй взглянула на неё: «Спасибо, лучше съешь сам». Ван Фэй настаивал: «У меня есть, я взял это специально для тебя». Ван Фэй внезапно схватил Чжоу Юймэй за руку и вложил шоколадку ей в ладонь: «Возьми, Чжоу Юймэй, ты мне нравишься». Чжоу Юймэй удивлённо посмотрела на Ван Фэя и поспешно вырвала руку: «Хулиган!» — и, сказав это, убежала.

Чжоу Юймэй внезапно заерзала на кровати, бормоча: «Хулиган! Хулиган!»

Стоявшие рядом друзья снова остолбенели и переглянулись: «Что происходит?»

На следующий день на спортивной площадке зазвучал мощный «Гимн Народно-освободительной армии Китая». Руководство военного округа заняло места на трибуне для парада. Издалека Ван Лин и Цзи Бин увидели своих отцов, которых не видели уже три месяца. Оказалось, что отец Цзи Бина — политический работник военного округа, сопровождающий руководство округа на сегодняшнем параде, а отец Ван Лин — один из руководителей военного округа.

Чжоу Юймэй, Тянь Сяоси и Чжан Сяоин переглянулись и поняли, кто такая Ван Лин: дочь военного, да ещё и с братом-кадровиком, носящим форму с четырьмя карманами. Одновременно они узнали, что Цзи Бин тоже дочь военного, и бросили на неё завистливые взгляды.

Ротный командир Ван и политический инструктор Фэн тщательно проверили военную форму и внешний вид каждой из солдат роты, а затем возглавили эту полную энергии роту девушек-военнослужащих, которая бодро и с высоко поднятой головой вышла на плац для парада.

Начался парад, и раздалась команды: «Раз, два, три, четыре». Под звуки решительных, уверенных, энергичных и ритмичных шагов рота женщин-военнослужащих, демонстрируя свою мужественную и энергичную осанку, прошла мимо трибуны, где их осматривали высшие начальники.

«Здравствуйте, товарищи!»

«Здравствуйте, командиры!»

«Спасибо вам, товарищи!»

«Служим народу!»

«Стук-стук... стук-стук... стук-стук», — равномерный стук шагов разносился по небу, вызывая непрерывные бурные аплодисменты.

Парад прошёл успешно, вызвав бурный резонанс и получив высокую оценку.

После торжественного ужина, устроенного по случаю парада, Ван Лин и Цзи Бин были «поручены» всеми выяснить, не «отстают» ли войска, а также собрать отзывы о параде и передать информацию. Ван Лин и Цзи Бин пригласили троих своих лучших друзей и вместе пришли в гостевой дом воинской части. Командиры, увидев этих крепко выросших юных солдат, особенно отцы Ван Лин и Цзи Бин, были очень рады, глядя на своих дочерей — крепких и загорелых.

Ван Лин представила отцу своих сослуживцев и близких друзей. Чжан Сяоин, не проявляя ни капли страха, одним рывком подошла вперед и отдала образцовый военный салют: «Здравствуйте, командир! Я набрала 83 балла из 9 выстрелов боевыми патронами, значит, я уже полноценный военный, да? Меня же не отчислят...» Отец Ван Лин был немного озадачен: «Отчислят?» Ван Лин поспешила объяснить: «Нам недавно сказали, что тех, кто не пройдет отбор, отчислят. Чжан Сяоин очень старалась, папа, её же не отчислят?»

Отец Ван Лин всё понял, громко рассмеялся, но тут же серьёзно сказал: «Сегодня на параде вы проявили себя хорошо, но трёхмесячная подготовка — это только начало. Чтобы стать настоящими военными, нужно упорно оттачивать свои навыки. На плечах военных лежит миссия защищать родину и охранять страну. Сегодня я очень рад видеть ваши успехи и надеюсь, что вы оправдаете ожидания нас, старых военных. Сегодня вы только что надели красные воротнички и красные значки на фуражках — обязательно цените это, цените это священное звание военного». «Пять военных цветов» внимательно слушали и часто кивали.

Отец Ван Лин продолжил: «Скоро начнётся распределение по службе, и вы должны отнестись к этому правильно. Главный долг военного — подчиняться приказам и выполнять команды. Куда бы вас ни направили и чем бы вы ни занимались, вы должны решительно подчиняться!»

Чжан Сяоин взволнованно спросила: «А мы будем вместе?»

Отец Цзи Бина, стоявший рядом, строго сказал: «Подчиняйтесь распределению!» Отец Цзи Бина был политическим работником, и его речь часто напоминала «напутственную речь». Он строго добавил: «Сегодня вы сделали лишь первый шаг в своём долгом пути. На параде мы увидели ваш прогресс — вы уже выглядите как настоящие солдаты, и командование очень довольно. Однако вам ещё очень далеко до требований, предъявляемых к настоящим военным. Вы обязательно должны хорошо закалиться в этой большой плавильной печи, которой является армия, обрести революционный дух, не боящийся ни лишений, ни смерти, и одновременно быть готовыми к тому, что «революционный боец — как кирпич: его переносят туда, где он нужен». Как только он дошел до этого места, все как по команде бросили взгляд на Цзи Бина, а тот кокетливо заметил: «Только-только встретились, а уже начинают читать лекции по политике». Эта фраза рассмешила всех.

Однако по поводу того, стоит ли «уходить из армии», оба отца хранили молчание. Интересно, что оба отца знали, что Тянь Сяоси — отличная стрелка, и поощряли её при первой же возможности принять участие в соревнованиях по стрельбе военного округа. Затем они также поздравили Чжан Сяоин с блестящим выступлением на последних стрельбах боевыми патронами. Услышав похвалу, Чжан Сяоин была необычайно взволнована: «Спасибо, дядя Ван, спасибо, дядя Цзи, ой, нет, я ошиблась, нужно было сказать: „Смирно, командир!“» Сказав это, она встала по стойке смирно и отдала честь. Ван Лин, Цзи Бин и Тянь Сяоси не смогли сдерживать смеха, а Чжоу Юймэй стояла в стороне, не произнеся ни слова.

«Пять военных красавиц» покинули гостевой дом. По дороге Цзи Бин вспомнила о Чжоу Юймэй и Ван Фэе и с любопытством спросила Чжоу Юймэй, в чём же дело. Тянь Сяоси загадочно сказала: «Юймэй, я думаю, вы наверняка где-то встретились, и он домогался тебя, верно?» Чжан Сяоин тоже взволнованно воскликнула: «Да, «тётя» права, иначе от чего бы ты вчера так испугалась, было такое ощущение, будто там привидения...» Чжоу Юймэй оглядела всех и серьёзно, но с бессильной улыбкой сказала: «Какая вы надоедливая!» Ван Лин ни словом не обмолвилась и молча шла впереди.

Увидев, что «Пять военных красавиц» вернулись, все поспешили собраться, чтобы расспросить о «отступлении войск». Узнав, что никаких новостей не поступило, они не могли не разочароваться. Чжан Хун взволнованно спросила: «Неужели не удалось раздобыть ни одной новости?»

Чжан Сяоин, получившая похвалу от начальника, была немного самодовольна и сказала: «Ничего страшного, войска точно не отступят». Но, увидев, как Чжан Хун беспокоится и волнуется, ей вдруг пришла в голову «злая идея», и она тут же с серьёзным видом заявила: «Правда, слышала, что решение об отступлении войск зависит от результатов экзамена по математике».

Чжан Хун взволнованно спросила: «Экзамен по математике? Почему? Но я не боюсь».

Чжан Сяоин улыбнулась: «Чжан Хун, ты не боишься экзамена по математике?»

Все, увидев, что Чжан Сяоин снова подшучивает над Чжан Хун, рассмеялись. Тянь Сяоси не выдержал: «„Малышка“, я прошу тебя, не пугай Чжан Хун, ладно?»

Чжан Хун всё же, как будто поверив в это, спросила: «А экзамен действительно будет? Когда?»

Ван Лин с улыбкой сказала Чжан Хун: «Чжан Хун, задает вопросы и проверяет работы — это всё „малышка“, поняла?» Все сразу же рассмеялись.

Пока все ещё беспокоились о том, не отправят ли их обратно, «Пять военных красавиц» уже начали обсуждать вопрос о распределении — им так хотелось остаться вместе. В пределах военного округа было три госпиталя, плюс связистский полк и медпункт части — как же в итоге распределят? Ван Лин и Цзи Бин, выросшие в армии с детства, знали, что девушки-военнослужащие в основном становятся либо санитарками, либо связистками, а вот Чжоу Юймэй, выросшая в уездном городке, и девочки из гражданских семей — Тянь Сяоси и Чжан Сяоин — считали, что «подчиняться распределению» — это священный долг военного, и тут не о чем думать. Чжан Сяоин просто надеялась, что её не отчислят из армии. Цзи Бин в шутку сказала Чжан Сяоин: «Пока „тетя“ рядом, тебе нечего бояться». Чжан Сяоин же с полной наивностью ответила: «Но, кажется, я только сейчас поняла: я не боюсь именно потому, что рядом есть ты и Ван Лин, верно?» Цзи Бин и Ван Лин в один голос удивлённо воскликнули: «Сяоин, ты просто молодец!» Тянь Сяоси, стоящая рядом, в шутку заметила: «Теперь вы, наконец, поняли, что Чжан Сяоин — настоящая конъюнктурщица». Все рассмеялись, а Чжан Сяоин изо всех сил пыталась оправдаться...

Увидев, что Чжоу Юймэй всё ещё молчит, Ван Лин спросила: «Юймэй, а ты что думаешь?» Чжан Сяоин поспешила ответить: «А что тут говорить? Революционный боец — как кирпич: его переносят туда, где он нужен». Ван Лин не удержалась и со смехом сказала: «„Малышка“, если бы папа Цзи Бина узнал о твоём поступке, он наверняка бы тебя снова похвалил. Смотри, высокий идеологический уровень, отличные навыки стрельбы — кто знает, может, тебя сразу же включат в резервный состав будущих политических работников нашей армии». Цзи Бин продолжил: «Да, да, да, Сяоин, у тебя блестящее будущее!»

Прозвучал сигнал отбоя.

Политический руководитель Фэн обошёл все комнаты, проверил, как у всех дела, и сказал: «Все хорошо выспитесь!» Чжан Сяоин с подозрением посмотрела на Фэна, а тот улыбнулся и ответил: «Сяоин, эти три месяца были для тебя действительно тяжёлыми, так что сегодня ночью выспись как следует». Сказав это, он ушёл.

После ухода политического инструктора Фэна все быстро уснули, только Чжан Сяоин продолжала переживать: «Эй, эй, а вы как думаете, сегодня ночью действительно ничего не случится?» Тянь Сяоси, глядя на озабоченную Чжан Сяоин, сказала: «Спи уже, завтра нас распределят. Обучение новобранцев закончилось, о чём ты ещё беспокоишься? Хорошо выспись, а завтра жди распределения».

Чжан Сяоин пробормотала про себя: «Мне всё время кажется, что именно сегодня ночью, скорее всего, будет экстренный сбор. Подумайте сами: любая война начинается именно тогда, когда люди больше всего расслабляются, не говоря уже о том, что сегодня здесь присутствуют все руководители, а ночной экстренный сбор — важная часть военного парада. Да, я уверена, что сегодня ночью обязательно будет экстренный сбор! Не верите — не верите, но я уверена, что так и будет. Чем больше люди расслабляются, тем больше нужно усиливать бдительность и быть готовыми к бою!» Пока Чжан Сяоин бормотала про себя, в общежитии уже давно воцарилась тишина — все погрузились в сладкий сон. Чжан Сяоин стало скучно, и она просто собрала рюкзак, легла в одежде, уставилась в потолок и постепенно тоже заснула, не снимая одежды.

Рано утром, когда только начинало светать, луна ещё висела высоко в небе.

Раннее весеннее утро, воздух был очень свежим. Ван Лин, стоя на холодном ветру, почувствовала прилив бодрости. Внезапно появились две фигуры, и Ван Лин с острым чутьем

поняла: «Снова будет экстренный сбор!» Не успели эти мысли промелькнуть, как ротмистр Ван и политический инструктор Фэн молча помахали Ван Лин рукой, а затем осторожно подошли к входу в казарму, на их лицах отразилось выражение, будто им очень не хотелось дуть в свисток, но они были вынуждены это сделать. Политический инструктор Фэн слегка улыбнулся и кивнул ротмистру Вану. Ротмистр Ван привел в порядок свою форму и дунул в свисток, объявляя экстренный сбор! «Рота новобранцев, всем внимание, экстренный сбор!»

Многие инстинктивно сразу же приподнялись с кроватей, но все же с некоторым сомнением: «Это по-настоящему?» Даже Чжоу Юймэй, которая обычно реагировала быстрее всех, на мгновение замерла. Только Чжан Сяоин быстро вскочила, спрыгнула с кровати и, не сдерживая некоторого самодовольства, тихо пробормотала: «Я же говорила: чем больше празднуем победу, тем больше нужно опасаться нападения врага. Вы не слушаете «советы старших», да простите, я иду в бой!» Только-только собравшись уйти, она ещё раз строго и внимательно привела в порядок военную форму, заправив все волосы под фуражку, выглядя при этом очень энергично, а затем обратилась к Тянь Сяоси, которая всё ещё нервно собирала рюкзак: «Малышка, тебе нужна помощь от „тёти“?» Тянь Сяоси не знала, смеяться ей или плакать, и, продолжая собирать рюкзак, ответила: «Иди-ка скорее в бой!»

Чжан Сяоин ещё раз взглянула на Чжоу Юймэй и Цзи Бина, только хотела что-то сказать, как её прервала Чжоу Юймэй: «Скорее иди в бой! Поздравляю с первым местом сегодня!»

Чжан Сяоин оглядела всех и торжественно объявила: «Тогда я иду в бой!» С этими словами она первой выбежала из дверей общежития, первой оказалась в центре спортивной площадки и приняла боевую стойку!

Ротанный командир Ван и политический инструктор Фэн, увидев, что первой выбежала Чжан Сяоин, выразили на лицах сильное удивление.

Чжан Сяоин, полностью вооруженная, с высоко поднятой головой и выпрямленной спиной стояла в центре плаца — это ощущение, что ты первая, было просто потрясающим!

Ротанный командир Ван и политический инструктор Фэн обменялись улыбками и посмотрели друг на друга. Ротанный командир Ван с воодушевлением сказал: «Наша армия — настоящий пламенный котёл революции! Все ребята — настоящие молодцы!»

Трехмесячная подготовка новобранцев официально завершилась.

На собрании по вручению приказов о распределении все девушки-военнослужащие выглядели мужественно и энергично, демонстрируя торжественность и святость военного долга — безусловное подчинение приказам и выполнение команд.

Был оглашен приказ о распределении, и «пять военных красавиц» расстались.

Чжоу Юймэй, Цзи Бин и Чжан Сяоин были направлены в полевой госпиталь, расположенный в отдалённом горном районе, где условия были суровыми;

Ван Лин была направлена в санаторий, где в основном проходят регулярный отдых военнослужащие;

Тянь Сяоси была направлена в главный госпиталь военного округа, расположенный в городе, где условия проживания и обслуживания были отличными.

Перед расставанием «пять военных красавиц» вместе пришли в фотоателье, чтобы сделать «групповую фотографию товарищей по службе». Затем они вместе отправились в «Старинный Лунчжун», где поддерживали друг друга и, следуя словам политического инструктора Фэна, заключили договор на всю жизнь: «Однажды встретившись в казарме, мы останемся товарищами по оружию на всю жизнь!» Пятеро сидели вместе, вспоминая три месяца, 12 недель и 92 дня, проведённые бок о бок, — от полного незнакомства до того, как они стали неразлучными товарищами по оружию...

Цзи Бин прервала молчание: «Мы останемся в одном военном округе, будем часто видеться. Конечно, я, Юй Мэй и Сяо Ин будем служить в одном подразделении, пусть и в отдалённом месте, но...» Не договорив, Цзи Бин расплакалась.

Чжоу Юймэй продолжила: «Ничего страшного, мы втроём будем помогать друг другу».

Чжан Сяоин с грустью сказала: «“Тетя”, ты действительно так безжалостно бросаешь меня...»

Тянь Сяоси взяла Чжан Сяоин за руку и сказала: «Что ты говоришь? «Тетя» уже серьезно поговорила с ними: во-первых, они должны выполнять обязанности «тети», заботиться о тебе; во-вторых, им запрещено обижать тебя. Не волнуйся, если они будут вести себя плохо, сразу пиши письмо и сообщай об этом «тете». Чжан Сяоин сразу же воодушевилась и обратилась к Чжоу Юймэй и Цзи Бин: «Вы слышали?»

Цзи Бин вытерла слёзы и внезапно сменила тему, обратившись ко всем: «Эй, а чем вы все хотите заниматься? Телефонистками? Санитарками? Или...»

Ван Лин, считая, что выбора особо нет, ответила: «Если нас направят в больницу, то это будет санитарка».

Чжоу Юймэй невольно воскликнула: «Я с детства боюсь крови...»

Чжан Сяоин обратилась к Тянь Сяоси: «„Тетя“, ты же умеешь рисовать, тебе стоит стать военной художницей».

Тянь Сяоси посмотрела на всех и, приняв вид «тёти», сказала: «Мы только что поступили на военную службу, так что будем подчиняться любому распределению».

«Пять военных цветов» почти в один голос сказали: «Революционный боец — как кирпич: туда, где нужен, туда и переносится!»

Цзи Бин с улыбкой посмотрела на всех и в шутку заметила: «Не ожидала, что в последнее время все так стремительно прогрессируете».

Хорошие подруги поддерживали друг друга, обсуждая свои революционные идеалы: добиться успехов, заслужить награды, как можно скорее вступить в партию и получить повышение, а также поспорить, кто первым сменит военную форму с двумя карманами на форму с четырьмя! Мечты были такими простыми, понятными и прямыми; счастье — это цель, и если ее достичь, то и счастье придет!

В день расставания «пять военных красавиц» с тяжелым сердцем вновь крепко сжали друг другу руки.

Ротный командир Ван и политический инструктор Фэн были очень довольны тем, что все в основном правильно отнеслись к распределению.

Ротанный командир Ван обратился к ним: «Хорошо служите в войсках, мы с политическим инструктором Фэном надеемся как можно скорее услышать хорошие новости о ваших заслугах и наградах!»

Политический инструктор Фэн посмотрел на всех и помахал рукой на прощание: «Чаще пишите!»

Чжоу Юймэй, Цзи Бин и Чжан Сяоин снова сели в военный грузовик марки «Цзябао» и после более чем четырёх часов долгого пути прибыли в полевой госпиталь, расположенный в горной лощине.

Всю дорогу трое не проронили ни слова.

У входа в полевой госпиталь висел большой красный плакат: «Терпеливо приветствуем новых товарищей по оружию!» Увидев руководство госпиталя и строй солдат, тепло приветствующих их по обеим сторонам дороги, Чжоу Юймэй, Цзи Бин и Чжан Сяоин напомнили друг другу: «Быстрее приведите в порядок военную форму и внешний вид».

Чжан Сяоин с восторгом заметила: «Здесь мы будем жить и сражаться впредь».

Чжоу Юймэй и Цзи Бин переглянулись: «Давайте вместе постараемся!»

Чжоу Юймэй направили в политический отдел на должность киномеханика.

Цзи Бин направили в отделение анестезиологии в качестве санитарки.

Чжан Сяоин направили в телефонный взвод на должность телефонистки.

Старые товарищи с энтузиазмом делились с ними своим опытом, благодаря чему девушки быстро освоили основные навыки и вскоре начали работать самостоятельно!

В конце концов, это были девочки-подростки. Для Цзи Би и Чжан Сяоин, которые всю жизнь прожили в городе, внезапное попадание в отдалённые горные районы, где повсюду можно было увидеть повозки, запряжённые лошадьми и ослами, где ранним утром из леса медленно поднимались струйки дыма от разжигаемых очагов, а петухи кукарекали — всё это сельский пейзаж, наполненный новизной и любопытством, — было чем-то совершенно новым, но для Чжоу Юймэй, выросшей в уездном городке, всё это было очень знакомо.

Чжан Сяоин, сама не зная с каких пор, проявила живой интерес к муравьям. Она часто сидела на корточках на земле в одиночестве по часу-другому, с увлечением наблюдая, как муравьи строят гнезда, добывают пищу и дерутся, а иногда даже раскапывала землю, чтобы посмотреть, как устроены муравьиные норы, и время от времени снова и снова подсчитывала количество муравьев.

Однажды в полдень небо было мрачным, словно собирался дождь.

Чжан Сяоин вчера работала в ночную смену и проспала всё утро. После обеда она снова в одиночестве пришла к большому дереву на небольшом холме рядом с офисным зданием и начала пристально наблюдать за муравьями, густо выстроившимися в длинные колонны на земле, и пытаться их сосчитать. Она считала муравьев, но снова и снова терпела неудачу, потому что, пока она считала, откуда-то появлялась новая группа, и ей приходилось думать, нельзя ли найти более эффективный способ... Чжан Сяоин бегала туда-сюда, постоянно следуя за длинной колонной муравьёв, пытаясь найти их источник. Муравьи непрерывным потоком суетились, переноса пищу по стволу дерева и по земле, но, казалось, всегда двигались туда-сюда по одному и тому же маршруту. «Как же эти муравьи прокладывают путь между своим гнездом и источником пищи?» — Чжан Сяоин очень заинтересовался этим вопросом.

Через некоторое время Чжан Сяоин, казалось, что-то обнаружила и сама улыбнулась: «О, так вот где ваш вожак, ха-ха, наконец-то нашла! Должно быть, это он. Какого он уровня? Как ему удалось отдать приказ, чтобы столько муравьёв — больших и маленьких — действовали сообща? У него потрясающие лидерские качества». Бормоча про себя, она внимательно наблюдала за этой длинной колонной муравьёв, суетливо снующих туда-сюда. Рядом с кучкой травы из земли выступало песчаное муравейник, в которое множество муравьёв торопливо втискивались. «Насколько велико это улей? Сколько же муравьёв там внутри? Как они живут? Лежат на боку? Или один на спине у другого? Или... Интересно, очень интересно». Чжан Сяоин сделала отметку у входа в муравьиный улей и ушла.

За ужином Чжан Сяоин живо и увлекательно рассказала Чжоу Юймэй и Цзи Бин о своём важном открытии, нарисовав при этом захватывающую картину, которая сразу же пробудила их любопытство, и они решили после ужина отправиться на место для осмотра.

Втроем, полные воодушевления, они направились к холмику, который Чжан Сяоин отметила. Раздался гром, и вскоре должен был обрушиться ливень, а длинная колонна муравьёв ещё более суетливо переносила пищу. Чжан Сяоин привела Чжоу Юймэй и Цзи Бина к месту своего важнейшего открытия и, идя по маршруту муравьёв, разбрасывала принесённые с собой крошки от булочек. Муравьи тут же бросились к ним, словно к сокровищу. Один крупный муравей с круглым брюшком, казалось, занимался распределением добычи. Через мгновение муравьи начали переносить пищу в строгом порядке. Чжоу Юймэй и Цзи Бин с увлечением наблюдали за происходящим под комментариями Чжан Сяоин, и постепенно все трое подошли к входу в нору. Вдруг Чжан Сяоин тихо сказала: «Смотрите, эти крупные муравьи, очевидно, являются муравьиными чиновниками, которые сидят здесь и наслаждаются плодами чужого труда».

Чжоу Юймэй задумчиво сказала: «Да, мир так обширен, и у всех животных есть свой особый образ жизни. Муравьям нелегко: их крошечные тельца в любой момент могут оказаться

в смертельной опасности, но они, похоже, всё равно остаются очень оптимистичными и трудолюбивыми. По-настоящему, пока жив — трудись без усталости!»

Цзи Бин вдруг о чем-то вспомнила и воодушевленно сказала: «Кстати, вы слышали историю про муравья и слона? Мне её рассказывал папа, когда я была маленькой».

Чжан Сяоин сразу же ответила: «Если это история, которую рассказывал твой папа, мы обязательно должны её услышать. Давай, рассказывай!»

Чжоу Юймей взглянула на Цзи Бина и улыбнулась. Цзи Бин прочистила горло: «Хорошо, тогда я расскажу вам обоим историю, которую когда-то рассказывал мне мой папа! Слушайте внимательно, она очень забавная. Давным-давно, на тропинке в маленькой деревушке, слон устал от долгой дороги и присел отдохнуть. Одна из ног слона, к несчастью, наступила на огромное муравейное гнездо, и муравьи, которые не погибли под его тяжестью, начали отчаянно выползать наружу, а некоторые даже залезли на слона. Постепенно муравьев на слоне становилось всё больше и больше, ведь этим маленьким муравьям казалось, что слон мягкий и на нём так уютно! Но, видите ли, когда муравьи густо покрыли слона, ему стало неудобно — всё тело ужасно чесалось, и ему пришлось встать и сильно встряхнуть своё огромное тело. Знаете ли вы, что произошла ужасная ситуация: от этой внезапной тряски маленькие муравьи, которые так наслаждались, один за другим свалились на землю. Муравьи, упав, закричали во всю глотку: «Как больно!» «Ай!» В этот момент на шее слона осталась только одна стойкая муравьишка, которая своим крошечным тельцем крепко обхватила шею слона. Увидев это, муравьи, упавшие на землю и без перерыва кричавшие от боли, пересилили боль и хором закричали: «Задуйте её! Задуйте её!»

Цзи Бин ещё не успела закончить, как Чжоу Юймей и Чжан Сяоин уже смеялись так, что не могли выпрямиться.

Цзи Бин продолжала рассказывать историю с серьезным видом: «Это еще не конец. Прошло немало времени, и муравьи, упавшие со слона, не могли смириться с этим. Сдерживая боль, они стали совещаться, как отомстить слону. Один маленький муравей решил, что придумал отличную идею, и вызвался отомстить за всех. Он изо всех сил добежал до слона, залез в небольшую ямку в земле и высунул наружу одну свою тоненькую ножку. Вскоре мимо пробежал маленький кролик. Увидев эту сцену, он очень удивился и спросил муравья: «Что ты делаешь? Почему высунул одну тоненькую ножку наружу?» Муравей огляделся по сторонам и, находясь начеку, тихо прошептал кролику: «Тсс! Не шуми, я собираюсь отомстить за своих друзей и подставить подножку этому ублюдку-слону!»

Когда Цзи Бин дошёл до этого места, Чжоу Юймей и Чжан Сяоин уже хохотали до слёз.

Чжан Сяоин, смеясь, сказала: «Хватит, у меня живот уже болит от смеха. Как твой папа может рассказывать такие истории? Умираю со смеху».

Чжоу Юймей прижалась к Цзи Бину и не могла выпрямиться от смеха: «Это так забавно! Похоже, твой папа не всегда такой строгий».

Чжоу Юймей, Цзи Бин и Чжан Сяоин, хотя и покинули дом и город, постепенно привыкали к отдалённой и однообразной жизни в казарме, одновременно находя в ней удовольствие и обогащая свою жизнь.

Чжоу Юймей была направлена в политический отдел, где помогала сотруднику Лю в пропагандистской работе, включая показ фильмов, организацию выступлений на крупных мероприятиях, вещание, фотографирование, ведение досок объявлений и управление читальным залом. Среди всех этих задач самая простая, но в то же время самая сложная, которая часто приводила Чжоу Юймей в состояние, когда ей было и смеяться, и плакать не знала, и из-за которой она даже не могла спокойно поесть или поспать, — это ответственность за режим дня всего корпуса: сигнализация!

В войсках все моменты распорядка дня обозначаются военным горном — конечно, не путем игры на трубе, а путем точного и безошибочного воспроизведения записи на грампла-

стинке. На первый взгляд это не кажется сложной задачей — разве это не просто проигрывание пластинки?! Простите, но ни в коем случае не стоит недооценивать эту задачу: помимо того, что сама Чжоу Юймей должна была круглосуточно держать руку на пульсе времени, ей также приходилось в каждый момент точно и безошибочно устанавливать иглу на нужную дорожку большой грампластинки — а это действительно нелегкая задача.

В то время солдатам не разрешалось носить часы, поэтому Чжоу Юймей постоянно носила с собой военный рюкзак, в котором лежал будильник, напоминавший ей о времени звучания горна! В течение долгого времени Чжоу Юймей каждый раз нервно просыпалась ранним утром, рано приходила в радиостудию, пристально следила за будильником и ждала, когда запустят граммофон с записью сигнала, пока секундная стрелка часов не укажет на 6 часов, чтобы точно и безошибочно прозвучал громкий сигнал подъёма.

Однажды ранним утром, когда на небе едва забрезжил рассвет, Чжоу Юймей снова внезапно вскочила с постели. Увидев, что на будильнике всего 4 часа 18 минут, она снова легла, решив поспать ещё немного. Едва перевернувшись на другой бок, она, не успокоившись, снова повернулась к будильнику, надеясь ещё раз убедиться, что не ошиблась во времени. Легнув обратно, она снова тщательно обдумала ситуацию: до сигнала пробуждения оставалось менее двух часов. После некоторой внутренней борьбы она в конце концов решила просто встать.

Чжоу Юймей была очень ответственным человеком, серьёзно относилась к работе и предъявляла к себе строгие требования. Закончив умываться и чистить зубы, она привела в порядок военную форму, положила будильник в военный рюкзак и на цыпочках вышла из общежития.

Придя в радиостудию, она открыла окно — свежий воздух обдало лицо, и новый день снова начался. Сразу же она включила оборудование для прогрева, убралась, и вскоре всё было готово.

Прошло полчаса, и Чжоу Юймей вдруг почувствовала, что её клонит в сон, и она склонилась над столом.

Будильник «тик-так, тик-так» отсчитывал каждую минуту и каждую секунду...

Небо постепенно светлело, а Чжоу Юймей, сама того не заметив, погрузилась в сон...

За окном, на недалекой улице, появились люди, идущие на утреннюю смену или возвращающиеся с ночной, и все обсуждали:

«Почему сегодня не слышно звука горна?»

«Сегодня ещё будет утренняя зарядка?»

В этот момент часы уже показывали 6:19...

Чжан Сяоин прибежала в спешке и громко крикнула: «Юймей, Чжоу Юймей, товарищ Чжоу Юймей, как ты могла проспать? Звучит горн! Быстрее!» Торопливый крик Чжан Сяоин мгновенно разбудил крепко спящую Чжоу Юймей. Она подняла голову и посмотрела на будильник: «О нет!»

Чжан Сяоин, стоя рядом, нетерпеливо подгоняла её, а Чжоу Юймей подбежала к магнитофону и с большим огорчением сказала: «Что делать? Уже на 19 минут опоздали, а на утреннюю зарядку — на 4 минуты. Что делать?» Чжан Сяоин только подгоняла её: «Просто дуй уже, чего ты там стоишь как вкопанная?»

В этот момент, задыхаясь от бега, вбежал секретарь Лю и, не заходя в комнату, спросил: «Что тут происходит?»

Чжоу Юймей посмотрела на секретаря Лю и робко прошептала: «Я встала рано, потом немного заснула, прислонилась к столу, и, не зная как, уснула...»

Сотрудник Лю с хуцзянским акцентом, взволнованно и беспомощно, сказал: «Быстрее дуй в рожок».

Чжоу Юймей и Чжан Сяоин почти в один голос спросили: «Что дуть?»

«...» Делопроизводитель Лю взглянул на свои часы и тут же принял решение: «Сигнал к построению!»

Чжоу Юймей тут же взяла иглу и быстро, точно и осторожно установила её на дорожку «Сигнал к построению», но в этот момент Чжан Сяоин, стоявшая рядом с Чжоу Юймей, чихнула и случайно задела её правую руку, в результате чего игла резко соскочила на дорожку «Срочный сбор». Мгновенно по всему институту раздался громкий «Сигнал к срочному сбору».

Деловед Лю ещё больше занервничал: «Что за дела? Почему заиграл сигнал «Срочный сбор»? Теперь у нас большие неприятности».

Чжоу Юймей строго посмотрела на Чжан Сяоин, а та, выглядя совершенно беспомощной, отошла в сторону и тихо пробормотала: «Прости».

Делопроизводитель Лю посмотрел на Чжан Сяоин и сердито сказал: «Как посторонние люди могут так просто входить и выходить из зоны ограниченного доступа?»

В этот момент подошёл начальник политического отдела Юй и сердито спросил: «Что происходит?» Поскольку все на мгновение растерялись, «сигнал к экстренному сбору» продолжал громко звучать снова и снова. Когда начальник Юй торопливо спросил, в чём дело, Чжан Сяоин тихо напомнила: «Быстрее выключите аппарат». Чжоу Юймей, которая в этот момент выслушивала выговор, сразу сообразила и поспешно сняла иглу с пластинки.

Сотрудник Лю с сильным чувством вины доложил директору Ю: «Директор, прозвучал не тот сигнал, это моя ошибка, моя ошибка». Директор Ю взглянул на Чжоу Юймей и Чжан Сяоин: «Что за безобразия!»

Делопроизводитель Лю проводил директора Ю и, вернувшись, строго сказал: «Чего вы тут стоите? Включите музыку. Впредь не допускайте таких ошибок, тщательно проанализируйте свои действия». Сказав это, он недовольно ушел. Как только делопроизводитель Лю ушел, Чжоу Юймей и Чжан Сяоин посмотрели друг на друга, не зная, плакать ли им или смеяться. Чжан Сяоин посмотрела на мучающуюся угрызениями совести Чжоу Юймей: «Давай же включи музыку, чего ты там стоишь как ошеломлённая?» Чжоу Юймей словно вдруг опомнилась, быстро и ловко нашла среди множества пластинок одну с музыкой, поставила её на проигрыватель, и постепенно зазвучала лёгкая мелодия...

На улице за окном люди, полагавшие, что объявлен экстренный сбор, и поспешно бежавшие к спортивной площадке, очевидно, получили ложную информацию о сигнале. Теперь они шли группами по трое-четверо, показывали пальцами, обсуждали и разглядывали происходящее... Чжоу Юймей вдруг что-то вспомнила и сказала Чжан Сяоин: «Ты такая надоедливая! Почему ты чихнула не раньше и не позже, а как раз в самый неподходящий момент? Так поступать неправильно». Чжан Сяоин была очень смущена: «Эх, да, прости, как я только могла...»

На плановом заседании отдела по политическим вопросам Чжоу Юймей подверглась резкой критике. Чжоу Юймей, всегда отличавшаяся сильным характером, на заседании не могла сдержать слёз и, задыхаясь от рыданий, пообещала, что в будущем будет более строго требовать к себе и больше никогда не допустит подобных ошибок. Учитывая производственные нужды, руководство дало Чжоу Юймей специальное разрешение носить часы. Узнав об этом, Чжан Сяоин с огорчением спросила Чжоу Юймей: «Юймей, ты же из деревни, а можешь себе позволить купить часы?» Когда она это говорила, Цзи Бин все время подмигивала Чжан Сяоин: «Слишком прямолинейно, это обидно!»

Глава 2

Войска — это как «революционная большая семья»: все помогают друг другу, поддерживают друг друга, здесь царит напряжённая, но упорядоченная атмосфера, а также строгость и оживлённость. Вскоре «пять военных красавиц» были направлены на обучение в разные учебные курсы.

Цзи Бин и Ван Лин были направлены в медицинскую школу на двухлетнее обучение.

Тянь Сяоси отправилась на годичный курс подготовки фармацевтов для всей армии.

Чжан Сяоин отправилась на шестимесячные курсы связистов в военном округе.

Чжоу Юймей прошла шестимесячный курс подготовки киномехаников в военном округе.

Из простодушных, наивных, солнечных и жизнерадостных студенток они, пройдя подготовку и закалку в войсках, превратились в квалифицированных медсестёр, фармацевтов, телефонисток и киномехаников. Пролетело более трёх лет, каждая из них росла и совершенствовалась, но, как бы то ни было, они по-прежнему оставались озорными и шаловливыми...

В телефонном отделении на пульте то загорался красный индикатор, то зелёный, то сразу несколько красных и зелёных индикаторов чередовались одновременно — царила суматоха, но Чжан Сяоин, несмотря на загруженность, умело и слаженно принимала и переключала каждый звонок.

Вечером дверь телефонной станции медленно приоткрылась, и в щель просунулись две озорные головки. Чжан Сяоин, сосредоточенно и напряженно переключавшая звонки, этого совершенно не услышала и не заметила.

«Мяу, мяу, мяу-мяу», — Чжоу Юймей подражала кошачьему мяуканью, и Цзи Бин не смогла сдержаться и «хмыкнула» от смеха. Чжан Сяоин обернулась, увидела своих двух озорных подруг и немного строго сказала: «Что вы опять вытворяете? Заходите! По дороге не видели секретаря Нин?»

Цзи Бин немного небрежно ответила: «Эх, нет! И ты, только не говори опять: „Серверная — зона ограниченного доступа, посторонним вход запрещен“».

Чжоу Юймей поддержала её: «Именно, мы же не посторонние. Я сегодня привезла диски и заодно заскочила в город, купила несколько пакетиков фасоли с пятиспециями, специально принесла тебе один».

Цзи Бин улыбнулся: «Эти орешки с пятиспециями очень вкусные. Сяо Юнь, ты ешь орешки, а я заменяю тебя на дежурстве».

Чжан Сяоин бросила на них взгляд и сказала: «У вас двоих сегодня опять какие-то коварные планы, да?» Цзи Бин и Чжоу Юймей, улыбаясь, ответили, что просто хотят потренироваться. Чжан Сяоин не поверила и, улыбаясь, сказала: «Давайте так: за то, что вы думали обо мне, когда покупали фасоль с пяти специями, сегодня разрешаю Цзи Бин позвонить домой. А ты, Юймей, в прошлый раз звонила «тете», так что сегодня позвони Ван Лин, но обязательно соблюдайте правила — по 3 минуты на человека». Цзи Бин и Чжоу Юймей радостно хором ответили: «Да, будем строго соблюдать правила!» Обе девушки были в восторге и спорили, кто позвонит первой, но в конце концов все-таки Чжоу Юймей первой дозвонилась до центрального телефона больницы, где работала Ван Лин: «Первое внутреннее отделение? Прошу соединить с Ван Линь». В этот момент одновременно загорелись несколько маленьких зеленых лампочек на дисплее входящих звонков, и Чжоу Юймей растерялась. Чжан Сяоин, которая сидела рядом с Цзи Бинь и ела фасоль с пятиспециями, поспешила на помощь и жестом показала Чжоу Юймей, чтобы та подошла к отдельному телефону в соседней комнате. Цзи Бин действовала быстро, тут же побежала в соседнюю комнату и соединила звонок: «Ван Лин, это я, Юймей сейчас подойдет». Чжоу Юймей вбежала и взяла трубку, а Цзи Бин вернулась в телефонную будку. Увидев, как Чжан Сяоин умело справилась с только что возникшей суматохой, она с восхищением сказала: «Ты всё-таки опытнее! В конце концов, ты прошла специальную подготовку, молодец! Давай я тоже попробую.» Похвалив Чжан Сяоин, она подняла её с места, сама села за пульт, надела наушники и, подражая Чжан Сяоин, стала работать оператором. Чжан Сяоин не забыла о Чжоу Юймей, разговаривавшей по телефону в соседней комнате, взглянула на будильник и громко крикнула: «Время истекло, соблюдайте правила». Чжоу Юймей ответила: «Сейчас, ещё две фразы».

Цзи Бин посидела немного, но ни одного звонка не поступило. Увидев за дверью таз с замоченной в воде одеждой, она велела Сяоин поскорее пойти стирать. Эти слова напомнили Чжан Сяоин о деле, и она сказала Цзи Бин: «Да, я пойду поскорее постираю одежду, она уже почти полдня пролежала в воде. Если что-то понадобится, позови меня». Как раз в этот момент Чжоу Юймэй вошла в телефонную будку, увидела, как Чжан Сяоин поднимает таз с одеждой, и сказала: «Я не превысила время, ровно три минуты. Иди-ка поскорее стирай белье, здесь мы вдвоём, не волнуйся». Чжан Сяоин была вытолкнута за дверь аппаратной, а Чжоу Юймэй и Цзи Бин были в восторге. Чжоу Юймэй попросила Цзи Бина сначала дозвониться до неё домой, а потом до Ван Лин, а сама пошла в соседнюю комнату, чтобы продолжить разговор; Цзи Бин с радостью согласился.

Ван Лин снова получила звонок от Чжоу Юймэй и радостно спросила: «Чем вы занимаетесь? Почему только что связь внезапно прервалась?»

«Ничего страшного, Сегодня у Сяоин дежурство, мы с Цзи Бином отвлекли её, чтобы она пошла стирать бельё, а Цзи Бин сейчас разговаривает по телефону со своей мамой», — ответила Чжоу Юймэй.

Ван Лин, казалось, вдруг что-то вспомнила: «Кстати, Юймэй, хочу тебе кое-что сказать. Мой брат сказал, что в ближайшие дни собирается зайти в вашу больницу, чтобы навестить одного солдата из его части, который там лежит. Но мне почему-то кажется, что он использует это как повод, чтобы увидеться с тобой». Услышав, что речь снова зашла об этом, Чжоу Юймэй ответила: «Какая ты зануда! Что ты имеешь в виду?»

Ван Лин всё же хотела докопаться до правды: «Эй, а что же на самом деле происходит? Уже больше трёх лет, а это остаётся загадкой. Я много раз спрашивала брата, но он ничего не говорит, словно сестра Цзян. Просто расскажи мне».

Услышав это, Чжоу Юймэй невольно выпалила: «На самом деле ничего особенного, но как ты думаешь, мой брат — хороший человек?»

Услышав этот вопрос, Ван Лин тут же ответила: «Да ты что! Мой брат просто супер! Он меня очень оберегает. Знаешь, однажды, когда я шла в школу, несколько мальчиков из нашего класса специально перегородили мне дорогу, а один даже подарил мне шоколадку, в которой была записка с признанием в любви. Я рассказала об этом брату, и угадай, что было?»

Чжоу Юймэй с нетерпением спросила: «И что же?»

Ван Лин продолжила, живо описывая происшедшее: «Мой брат сказал: „То, что тебе кто-то нравится, — это нормально, но тебя нельзя обижать“. Потом он разыскал тех ребят и хорошенько их отчитал, сказав: „Когда меня нет, вам нельзя обижать мою сестру“. А тому мальчику, который подарил мне шоколад, он сказал: „Шоколад впредь оставляй себе, а просто береги мою сестру“».

Чжоу Юймэй с любопытством спросила: «Что значит „его не было“?»

Ван Лин ответила: «Эх, в те времена наша семья жила на станции, в глуши. Родители посовещались и отправили моего брата учиться-проживать в городской школе «Ба-И». Мама тогда очень переживала, часто тайком проливала слёзы, а я ещё и говорила, что она меня не любит».

Чжоу Юймэй невольно воскликнула: «А, так вот в чём дело».

Ван Лин с любопытством спросила: «Что значит „так“? Ты давно знала моего брата?»

Чжоу Юймэй не продолжила тему Ван Лин и спросила: «А куда потом уехал твой брат?»

Ван Лин недоуменно спросила: «Потом? Что значит „потом“? Куда он уехал?»

Чжоу Юймэй поняла, что проговорилась, и отмахнулась: «А, ничего, просто так спросила».

«О, мой брат, не знаю, что с ним случилось, но какое-то время у него внезапно сильно ухудшилось настроение, упали оценки, он перестал играть со мной, когда приезжал домой на каникулы, и целыми днями замыкался в своей комнате. Однажды он внезапно заявил отцу,

что не хочет больше учиться и хочет пойти в армию. Как раз как раз начался набор, и он ушёл служить», — рассказывала Ван Лин о прошлом своего брата.

«А, так вот в чём дело», — невольно вырвалось у Чжоу Юймей.

«Что значит „а, так вот в чём дело“? Что ты имеешь в виду?» — с любопытством переспросила Ван Лин.

«О, ничего!» — отмахнулась Чжоу Юймей.

Ван Лин по-прежнему была любопытна и продолжала расспрашивать: «Ты ещё не сказала мне, знакома ли ты с моим братом?»

Чжоу Юймей была вынуждена сказать: «Мы все были в спортивной команде «Средней школы 8-1». Ван Лин удивлённо спросила: «Что? Ты тоже училась в «Средней школе 8-1»? Разве ты не из какой-то деревни в провинции Шэньси или Сычуань? Как же ты оказалась в «Средней школе 8-1»?

Чжоу Юймей намеренно сменила тему: «О, кстати, я тебе кое-что расскажу. Цзи Бин — настоящая подставочка. Ты же знаешь Ян Лин, ту военнотружашую из Хайчжоу, которая учится в одном отделении с Цзи Бин? Вы с ней ещё и однокурсницы по медицинскому училищу. Цзи Бин постоянно рассказывала мне, как она подлизывается к старшей медсестре, какая она двуличная. А я, раньше у меня с Ян Лин были неплохие отношения, но Цзи Бин постоянно говорила мне об этом, а я решила, что должна твердо стоять на стороне подруги, ведь за друзей нужно идти на всё, и перестала общаться с Ян Лин. Эх, скажи, стоит ли злиться? Позавчера я видела, как они вдвоём шли пообедать, держась за руки и весело болтая, а теперь, когда я встречаюсь с Ян Лин, мне становится неловко — это просто сводит меня с ума». Чжоу Юймей долго жаловалась.

«Ты, да ты настоящая деревенская девчонка, уже больше трёх лет служишь в армии, а как же ты не изменилась, ха-ха, похоже, Цзи Бин точно раньше тебя наденет военную форму с четырьмя карманами», — раздался в трубке смех Ван Лин.

«Что ты там говоришь? Кто обо мне плохо отзывается?» — Цзи Бин тихо вошла, появилась рядом с Юй Мэй, сделала вид, что сжимает ей шею, и в шутку сказала.

«Ван Лин, спаси меня! Кто-то подслушивает наш разговор, спаси меня!» — со смехом закричала Чжоу Юймей.

В трубке снова раздался смех Ван Лин. Цзи Бин и Чжоу Юймей продолжали дурачиться, а Чжоу Юймей, не переставая смеяться, сказала: «Я готова была за друзей и душу отдать, а в итоге меня предали. Как печально».

«Ах да, да, да, есть важная новость», — Ван Лин, словно вдруг что-то вспомнив, поспешила поделиться с подругой, а Чжоу Юймей и Цзи Бин стали перебивать друг друга, пытаясь забрать трубку: «Какая новость?»

«Вы там в глуши, не в курсе новостей. Говорят, что военнотружашим, возможно, разрешат поступать в гражданские университеты», — сказала Ван Лин. Услышав эту новость, Чжоу Юймей нетерпеливо спросила: «Что? Что? Повтори ещё раз?»

«Я слышала, что, возможно, военнотружашим разрешат поступать в гражданские университеты», — повторила Ван Лин.

«Правда? Это правда или выдумка? Откуда ты это слышала? Есть какие-то конкретные подробности?» Чжоу Юймей всегда усердно училась и получала отличные оценки по всем предметам. После поступления на военную службу работа в политическом отделе дала ей больше возможностей следить за важными событиями в стране. Волна реформ и открытости способствовала восстановлению системы вступительных экзаменов в вузы, а перед каждым кинопоказом показывали «краткую сводку новостей», и образ Тан Вэньшэн и Ван Хайжун с их достоинством и изяществом глубоко запечатлелся в её сердце. Она восхищалась такими профессиональными женщинами, и в глубине души у неё зародилась мечта, превосходящая по масштабу «скорейшее повышение до офицерского звания и ношение военной формы с

четырьмя карманами» — это было стремление однажды стать такой же, как они. Хотя она и не знала, что эту профессию называют «дипломат», испытывала к ней глубокое восхищение... Поэтому в повседневной жизни она стала уделять больше внимания чтению газет и изучению новостей, следя за важными событиями в стране и в мире. Она начала лучше понимать, что такое реформы и открытость, какие возможности и изменения они принесут простым людям и всему обществу, а также как военнослужащим следует воспринимать влияние этой волны реформ и открытости. Поэтому, услышав новость о том, что военнослужащим, возможно, разрешат поступать в гражданские университеты, Чжоу Юймэй проявила особый интерес и вновь поинтересовалась: «Ван Лин, откуда ты это слышала? Есть ли какие-то конкретные подробности?»

«В прошлое воскресенье я ездила домой и слышала, как мой папа упомянул об этом в разговоре по телефону. Поскольку я знаю, что ты и Сяоин хорошо учитеесь, я подробнее расспросила об этом у папы. У вас, возможно, есть шанс, а у меня и Цзи Бина, которые только что закончили медицинское училище, скорее всего, нет. Если бы я знала об этом раньше, не пошла бы учиться в медицинское училище».

Чжоу Юймэй сразу же воодушевилась и тут же спросила: «Ван Лин, помоги нам сначала узнать побольше подробностей. Какие конкретные правила? Есть ли официальные документы? Прошу тебя».

«Кстати, пусть Цзи Бин спросит у своего отца, информация должна быть более точной», — предложила Ван Лин.

Цзи Бин, стоявшая рядом, поспешила сказать: «Хорошо, я позвоню домой и спрошу у папы. Ван Лин, мы только что вернулись из учебы, давай поможем этим девочкам. Если они поступят в университет, это будет честью и для нас, «пяти военных цветов», верно? Ладно, я отключаюсь».

Чжоу Юймэй сразу же помогла соединить звонок с домом Цзи Бинь, и та надела наушники: «Мама, это снова я, дайте папу». В трубке раздался ласковый женский голос: «Что такое? В чём дело? Разве мы не только что разговаривали? Не звони так часто, это плохо сказывается на репутации».

«Я знаю, но на этот раз дело важное, я хочу поговорить с папой, нужно спросить об одном», — сказала Цзи Бин.

«Алло, Биньбинь, в чём дело?» — из трубки раздался глубокий голос с сильным акцентом из Сишань. Узнав голос отца, Цзи Бинь сразу спросила: «Папа, разрешают ли военнослужащим поступать в гражданские университеты? Такое бывает?»

Отец Цзи Бинь очень любил дочь: «О, у тебя хорошие источники информации. Ты только что поступила в медицинское училище, не может быть, чтобы ты сразу же собиралась поступать в университет. Подожди два-три года, посмотрим, будет ли у тебя возможность поступить в военно-медицинский институт».

«Дело не во мне, а в моих хороших подругах — Чжоу Юймэй и Чжан Сяоин. Одна из них — стрелок Чжан Сяоин, которую ты когда-то хвалил. Мы только что разговаривали по телефону с Ван Лин, и она нам об этом рассказала», — подчеркнула Цзи Бин.

«О, такие слухи ходят, но официального документа пока нет», — ответил отец Цзи Бинь.

«Значит, такая возможность есть? Верно?» — продолжила спрашивать Цзи Бин, а Чжоу Юймэй, стоя рядом, прижалась ухом к наушнику Цзи Бин, пытаясь уловить хоть какую-то свежую и точную информацию.

«Пока ещё ничего не ясно, всё будет определяться официальным документом. Военные должны соблюдать дисциплину при любых обстоятельствах, понятно?» — чётко заявил отец Цзи Бина.

«Поняла! Папа, когда ты приедешь? Когда приедешь, обязательно привези мне побольше вкусностей», — тон Цзи Бина изменился, и она начала кокетничать.

«Ты должна строго требовать от себя, впредь не звони домой так часто, помни о репутации», — вновь напомнил отец Цзи Бина.

«Поняла, я ещё хочу сказать пару слов маме», — сказала Цзи Бин.

«Биньбинь, стало холодно, обязательно одевайся потеплее и ночью хорошо укрывайся одеялом. Обязательно накрывайся тем военным одеялом, которое я прислала в прошлый раз — в горах холодно», — мама Цзи Бинь взяла трубку и напомнила дочери, чтобы та берегла себя.

«Хорошо, хорошо, когда папа приедет в следующий раз, пусть обязательно привезет мне побольше еды». Пока Цзи Бин продолжала болтать по телефону с мамой, Чжоу Юймэй уже была в восторге. В этот момент Чжан Сяоин вошла, приоткрыв дверь, и, нахмурившись, спросила: «Что происходит? Сколько времени ты уже разговариваешь? Это же нарушение правил». Чжоу Юймэй, не в силах сдержать внутреннее волнение, таинственно сообщила Чжан Сяоин: «Хорошие новости: скорее всего, военным служащим разрешат поступать в гражданские университеты. Это самая свежая информация».

«Что? Что? Что ты сказала?» Чжан Сяоин любила математику, можно сказать, была ею «одержима». Став военнослужащей, она работала телефонисткой и, применяя математические методы для расчёта упорядоченного соединения линий, разработала систему оптимизации, за что была отмечена начальством. Она всегда надеялась, что у неё появится возможность поступить в университет, и время от времени говорила: «Если не будет возможности поступить в университет, я готовлюсь к увольнению со службы». Поэтому, услышав эту неожиданную новость, она перестала обращать внимание на Цзи Бина, который всё ещё разговаривал с мамой, и стала настойчиво расспрашивать Чжоу Юймэй.

Чжоу Юймэй взволнованно сказала: «Сяоин, видишь, как важно, что мы регулярно выходим на связь с внешним миром? Иначе, сидя здесь, в горной глуши, мы бы ничего не знали и, возможно, отстали бы от жизни. Скажу тебе честно: пока ты ушла стирать белье, мы воспользовались моментом и позвонили Ван Лин. Поскольку она была на ночной смене, у неё было достаточно времени, и благодаря этому она смогла своевременно сообщить нам эту новость. Затем Цзи Бин позвонила её отцу. Знаешь, Цзи Бин специально рассказала его отцу, что ты интересуешься поступлением в университет. Сегодня Цзи Бин заслужила похвалу, в следующий раз мы добавим ей 3 минуты в качестве награды».

«Правда? Мы все можем подать заявки? Когда? Как подавать? Можно ли, как в провинции, поступать на любой факультет любого университета?» Чжан Сяоин явно воодушевилась этой хорошей новостью и совершенно не обращала внимания на Цзи Бинь, которая всё ещё разговаривала по междугороднему телефону.

«Пока ещё ничего не ясно, это всего лишь слух, разве Цзи Бин не пытается выяснить подробности?» — сказала Чжоу Юймэй Чжан Сяоин, пытаясь выручить Цзи Бин.

Увидев, что Цзи Бин всё ещё разговаривает, Чжан Сяоин сказала: «Скорее переходи к делу: когда начнётся набор? Как подавать заявки? Расскажи подробнее...»

«Хорошо, мама, тогда я позвоню в следующий раз, повешу трубку!» Цзи Бин, похоже, вообще не услышала слов Чжан Сяоин. Повесив трубку, она совершенно спокойно посмотрела на Чжан Сяоин и с озорной улыбкой сказала: «Видишь, как мы важны! А в следующий раз нас ещё поустят?»

Чжан Сяоин беспомощно ответила: «Конечно, конечно, конечно, но зачем ты повесила трубку? Я ещё не спросила, когда начнётся набор и как подавать заявки?»

Цзи Бин воодушевилась и начала торговаться: «Вот как: ты обещаешь, что впредь раз в две недели я смогу звонить домой, и тогда я расскажу тебе, как у нас дела».

Чжан Сяоин с беспомощной улыбкой ответила: «Хорошо, но ни в коем случае не дай секретарю Нин об этом узнать». Похоже, Чжан Сяоин действительно очень хотела узнать новости, поэтому готова была пойти на нарушение требований о добросовестном выполнении служебных обязанностей и соблюдении правил.

Цзи Бин протянула руку: «Одних слов недостаточно, давай пообещаем». Чжоу Юймей тоже поддержала: «Да, пообещаем». «Хорошо, хорошо, хорошо, пообещаем!» Чжан Сяоин безвольно протянула палец и заключила договор с обеими. Цзи Бин и Чжоу Юймей громко провозгласили условия договора: «Пообещаем, что сто лет не изменимся, а кто изменится, тот будет щенком. Раз в две недели, по 5 минут, нет, по 8 минут». Чжан Сяоин училась на математическом факультете, ко всему относилась со всей серьёзностью и строгостью, и, не дождавшись, пока они закончат завязывать «крестик», поспешно сказала: «5 минут! Это правило! Обязательно! Быстрее, скажите, когда начнётся запись? Как записаться?» Чжоу Юймей и Цзи Бин переглянулись и улыбнулись, а затем хором ответили: «Не знаем!»

«Какие вы противные, вы обе такие противные», — Чжан Сяоин начала гоняться за Чжоу Юймэй и Цзи Бин. После недолгой потасовки Чжоу Юймэй строго сказала Чжан Сяоин: «Ладно, хватит шутить, пока нет конкретной информации, лучше поспеши с подготовкой». Цзи Бин тоже добавила: «Кстати, ждем официального документа, мой папа специально на этом настаивал». Чжан Сяоин, похоже, почувствовала, что её «обманули», так как она так и не поняла ничего, и сказала: «Пообещание не считается». Чжоу Юймей и Цзи Бин хором ответили: «Нельзя менять слова, не смей отказываться!»

Вдруг дверь компьютерного класса открылась, и вошла секретарь Нин с серьёзным выражением лица: «Что здесь происходит? Компьютерный класс — зона ограниченного доступа, почему здесь такая суматоха?»

Все сразу замолчали, и Цзи Бин поспешно сказала: «Извините, извините, мы просто зашли навестить Сяоин, она сказала нам, что чувствует себя не очень хорошо». Говоря это, она все время подмигивала Чжоу Юймей и Чжан Сяоин.

Чжоу Юймей тоже поспешила добавить: «Да, мы просто зашли проведать Сяоин». Цзи Бин улыбнулась секретарю Нин: «Секретарь Нин, мы уходим. Сяоин, пей побольше воды и поскорее прими лекарство». Затем, взяв Чжоу Юймей за руку, она, продолжая говорить, направилась к выходу: «Секретарь Нин, до свидания! Сяоин, хорошо отдохни». Чжоу Юймей подержала её и тоже подмигнула Чжан Сяоин. Как только обе вышли из компьютерного зала, они рассмеялись и как по команде сказали: «Сяоин опять получит выговор!»

Эта группа простодушных, жизнерадостных и веселых военнотружениц отправилась в путь, стремясь учиться друг у друга, помогать друг другу и стремиться к своей мечте. Цзи Бин и Ван Лин во время обучения в медицинском училище два года подряд получали звание «отличниц»; Чжан Сяоин же за добросовестность в работе однажды была награждена поощрительной грамотой; Чжоу Юймей три года подряд признавалась «передовым примером следования примеру Лэй Фэна»; а Тянь Сяоси стала всем известной «поклонницей звезд», то есть, как говорят сегодня молодые люди, «фанаткой знаменитостей». Все «пять военных цветов» втайне напрягали силы, соревнуясь, кто первым получит звание офицера и наденет военную форму с «четырьмя карманами» — в то время это было самым прямым и простым символом «счастья». Достижение цели — это самое большое счастье!

Отец Тянь Сяоси был учителем рисования в средней школе, и под влиянием семейной обстановки она с детства любила рисовать, особенно маслом. Тянь Сяоси, как и следует из её имени, была похожа на тонкий ручеек — чистая, спокойная, прозрачная, обычно не слишком разговорчивая. Во время обучения новобранцев она называла себя «тётей» Чжан Сяоин и доставляла всем много радости. Благодаря своему таланту к рисованию и красивому каллиграфическому почерку она быстро стала активной участницей армейской жизни и часто приглашалась в политический отдел для помощи в работе.

После года обучения Тянь Сяоси стала ловкой и оперативной фармацевткой, а также навела порядок в аптеке, за что часто получала похвалу от руководства. В свободное время Тянь Сяоси увлеклась актерами типа Го Кайминя и Тан Гоцяна, а журнал «Массовое кино» стал для неё любимым чтением, от которого она не могла оторваться.

Вечером Тянь Сяоси дежурила в ночную смену. Завершив все рабочие дела, она села, достала из ящика последний номер журнала «Массовое кино» и с удовольствием стала его листать.

«Выдайте лекарство!» — крикнула медсестра средних лет из окна выдачи аптеки, но Тянь Сяоси, увлечённо читавшая «Народное кино», словно находилась в другом мире и совершенно не слышала... Медсестра за окном занервничала, стала сильно стучать по стеклу и громко кричать: «Выдайте лекарство!»

Тянь Сяоси «очнулся» от звуков за окном, смущённо сунул журнал «Массовое кино» в ящик: «О, простите!» — протянул руку, взял рецепт и поспешил отдать лекарство. Медсестра средних лет с некоторым недовольством сказала: «Молодой человек, так не пойдет, это мешает работе!» Тянь Сяоси, смутившись, смирился с упреком и только повторял: «Извините!» Вскоре Тянь Сяоси забрал лекарства, передал их медсестре за окном и снова искренне сказал: «Простите!» Медсестра средних лет, взяв лекарства, продолжала ворчать: «В рабочее время не работать как следует, быть рассеянной — это недопустимо! Зачем гоняться за звездами? Это бред, мечты наяву!» Провожая взглядом уходящую медсестру, Тянь Сяоси глубоко вздохнула и невольно пробормотала: «Все, меня опять отругают, какая неудача!»

Тянь Сяоси как раз пребывала в унынии, когда пришёл сотрудник политического отдела Цяо. Цяо работал в политическом отделе больницы и раньше всегда страдал от того, что не мог найти в коллективе человека, с которым у него был бы общий язык. С тех пор как талантливая Тянь Сяоси была направлена на работу в больницу, Цяо был в восторге: помимо того, что он привлекал её к помощи при проведении крупных мероприятий, они ещё и часто обменивались мнениями по поводу живописи и каллиграфии. Поэтому, когда Тянь Сяоси была на дежурстве, он часто находил повод зайти к ней поболтать.

Сотрудник Цяо подошёл к окошку выдачи лекарств: «Сяоси, сегодня вечером ты дежуришь?»

Тянь Сяоси ответила раздражённо: «Да, опять мне не повезло».

Секретарь Цяо был очень любопытен: «А что случилось?»

Тянь Сяоси с беспомощной улыбкой ответила: «Эх, не буду об этом говорить! Секретарь Цяо, у вас что-то по делу?»

Сотрудник Цяо улыбнулся: «Я сейчас работаю над одной картиной маслом и хотел бы услышать твоё мнение. Можно зайти?»

«Заходите», — как только Тянь Сяоси услышала, что речь пойдет о живописи, её настроение сразу улучшилось, и она тут же открыла дверь аптеки. Войдя, сотрудник Цяо развернул свою недавно написанную картину. Увидев эскиз картины, рассказывающей весеннюю историю, Тянь Сяоси восторженно и удивлённо воскликнула: «Вау, просто великолепно! Вы мне об этом не рассказывали, а она уже почти готова?»

«Я рисовал его в последнее время, в общей сложности ушло больше двух месяцев, но мне всё время казалось, что картина не идеальна. Поэтому я и хотел попросить вас высказать своё мнение. Я планирую сначала выставить эту картину в нашем институте на «Международный женский день», а затем постараюсь принять участие в выставке военного округа в этом году. Поэтому я хотел бы пригласить вас принять участие в работе над этой картиной — там слишком много моментов, которые нужно доработать и улучшить. Что скажете?» Было видно, что сотрудник Цяо относится к делу очень серьёзно и с нетерпением ждёт мнения Тянь Сяоси.

«Просто великолепно! Эта картина — яркая тема, чёткие цвета, чёткая глубина. М-м-м, мне нравится! Вы уже почти закончили, а мне ещё есть чем заняться?» — Тянь Сяоси, любуясь картиной, высказала своё мнение, а затем с юмором ответила на приглашение секретаря Цяо.

Сотрудник Цяо улыбнулся: «Конечно, есть чем заняться! Пока это всего лишь набросок, есть слишком много моментов, которые нужно доработать и усовершенствовать. У меня

уже иссяк творческий потенциал, поэтому я и хочу, чтобы вы присоединились». Тянь Сяоси с радостью согласилась.

Ранним утром Чжоу Юймэй выкроила время, чтобы почитать вслух иностранный язык в небольшом лесопарке рядом с офисным зданием. Вдали были видны некоторые отдыхающие, вышедшие пораньше на прогулку и зарядку. Недалеко за спиной Чжоу Юймэй подошёл мужчина средних лет: высокого роста, с густыми бровями, бронзовой кожей и благородными манерами. Он приветливо спросил: «Молодой товарищ, доброе утро! Изучаете английский? Редкое дело! Редкое дело!» Чжоу Юймэй подняла голову, увидела этого незнакомого отдыхающего и вежливо кивнула.

«Из какого ты отдела?» — с улыбкой спросил незнакомец, не собираясь сразу уходить.

«Из отдела по политическим вопросам», — ответила Чжоу Юймэй.

«А зачем ты изучаешь иностранный язык? Готовишься поступать в университет?» — поинтересовался незнакомец.

«Да», — улыбнувшись, ответила Чжоу Юймэй и пошла дальше. Не пройдя и нескольких шагов, она невольно обернулась и, увидев, что незнакомец всё ещё смотрит ей вслед, невольно подняла руку и дружелюбно помахала ему; незнакомец тоже помахал ей рукой и улыбнулся в ответ.

После завтрака Чжоу Юймэй рано пришла в читальный зал. Открыв окно, она встретила яркие лучи утреннего солнца и, слушая веселое щебетание птиц за окном, почувствовала себя просто прекрасно! Она ловко приступила к мытью пола, вытиранию столов и уборке читального зала, готовясь встретить новый день. С тех пор как в глубине души у Чжоу Юймэй зародилась новая мечта, она начала тихо и упорно трудиться, прекрасно понимая, что эта мечта очень далека и её можно только хранить в сердце, молчаливо прилагая усилия!

Чжоу Юймэй — девушка с сильным характером. До поступления в среднюю школу она жила в уездном городке Шанчуань вместе с мамой, которая не уехала с войсками. Умная и рассудительная, по манерам и внешнему виду она была типичной «девчонкой из провинции». После поступления в среднюю школу она переехала в интернат «Средняя школа «Ба-И», где усердно училась и стала чемпионкой по спринту. Когда она только поступила на военную службу, её мечта была простой и чёткой: усердно работать, чтобы как можно скорее получить офицерское звание! С приходом волны реформ и открытости, особенно после того, как она услышала новость о том, что военнослужащим, возможно, разрешат сдавать местные вступительные экзамены в вузы, и увидев на экране множество образов карьеристок, в её душе незаметно зажглась искра мечты. Она ценила каждую секунду: носила с собой тетрадь с английскими словами, чтобы в любой момент записывать и заучивать их; по вечерам, после сигнала «отбоя», она зажигала лампу и училась до поздней ночи; утром вставала на час раньше сигнала горна, чтобы заняться утренним чтением...

Вскоре Чжоу Юймэй привела читальный зал в порядок — он стал светлым, аккуратным и чистым.

Пациенты приходили в читальный зал только после утреннего обхода врачей или завершения дневных процедур, поэтому Чжоу Юймэй могла использовать это время для учебы.

Настенные часы в читальном зале показывали 10:30 утра, и пациенты начали постепенно собираться в читальном зале. Кто-то читал газеты, кто-то листал журналы, кто-то возвращал книги, а кто-то брал их напрокат — Чжоу Юймэй работала упорядоченно и с энтузиазмом.

Чжоу Юймэй застряла над одной математической задачей, которую решала утром; она пересчитывала несколько раз, но результаты не сходились, и в корзине для бумаги рядом с её рабочим столом черновики уже сложились в небольшую горку. Двое пациентов, хорошо знакомые с Чжоу Юймэй, начали помогать ей с расчётами. Постепенно к ним присоединилось всё больше людей, и весь читальный зал превратился в класс для повторения уроков. Один из отдыхающих вдруг что-то вспомнил и радостно воскликнул: «Ах да! Два дня назад в наше

отделение поступил старший инженер. Говорят, он окончил известный пекинский университет — один из лучших в стране. Он очень хороший человек, я могу пойти к нему и спросить — наверняка у него найдётся решение». Остальные отдыхающие, помогавшие решать задачу, сразу же стали подбадривать его, чтобы он поспешил обратиться за помощью — все хотели проверить правильность своих рассуждений и вычислений.

Один высокий пациент сказал: «Иди-ка к нему, посмотри, верна ли моя подход». Это был механик Ван, который обычно знал всё на свете, поэтому все называли его «Старый Бык»!

В читальном зале все продолжали спорить, каждый выдвигал свои соображения, но ни один из них не совпадал с правильным ответом. Вскоре курортник, который пошёл спросить у инженера, вернулся: «Говорю вам, инженер сказал, что подход инженера-механика Вана правильный, он считает, что правильный ответ в книге, возможно, является опечаткой». Инженер-механик Ван, услышав это, был особенно доволен: «Я же знал, что мои вычисления верны». «‘«Старый Бык» — это и есть «Старый Бык»!» — кто-то в шутку похвалил «Старого Быка». «Не может быть, в книге же не может быть ошибки», — не согласились некоторые.

«Инженер проводит лечение, утром он, скорее всего, не сможет прийти, но, ознакомившись с задачей, он сказал, что расчёты механика Ван правильные», — ещё раз подчеркнул санитар, который бегал за ответом к инженеру.

Наступил обеденный перерыв, и все разошлись, унося с собой свои вопросы. Медсестра из соседнего отделения прибежала позвать Чжоу Юймэй к телефону, сказав, что звонят из отдела по политическим вопросам, дело срочное. Чжоу Юймэй поспешила ответить на звонок.

«Алло, это Чжоу Юймэй», — сказала Чжоу Юймэй, взяв трубку.

«Чжоу Юймэй, сегодня вечером будет кинопоказ, а днём нужно отремонтировать проектор. Повесьте объявление в читальном зале, что днём он будет закрыт», — сказал сотрудник Лю.

«Поняла. Какой фильм?» — спросила Чжоу Юймэй.

«„Убийство на Ниле“», — ответил сотрудник Лю.

«Правда? Здорово!» Повесив трубку, Чжоу Юймэй услышала, как окружающие медсестры и пациенты тут же стали спрашивать, какой фильм. Она загадочно ответила: «„Убийство на Нило“». Сказав это, она поспешила в читальный зал. Вернувшись в читальный зал, Чжоу Юймэй, следуя просьбе сотрудника Лю, написала объявление и повесила его на дверь читального зала. Затем она собрала учебные материалы, аккуратно сложила их в рюкзак, заперла дверь читального зала и направилась к офису.

Ван Лин, закончив ночную смену и отдохнув полдня, во второй половине дня, взяв таз с чистым нижним бельём, мылом, расчёской и тапочками, направилась в баню. У Ван Лин были распущены волосы; она шла с тазом мимо баскетбольной площадки, где несколько отдыхающих играли в баскетбол. Ван Лин намеренно шла вдоль края площадки и уже почти вышла за её пределы, как вдруг сзади прилетел баскетбольный мяч и «хлопнул» ей по спине. К счастью, она крепко держала таз в руках, иначе всё его содержимое разлетелось бы по полу. Ван Лин очень рассердилась, обернулась и громко сказала: «Какой неприятный!» В этот самый момент невысокий, ловкий и энергичный молодой человек, очевидно, изо всех сил пытаясь догнать мяч, одним рывком подбежал к Ван Лин и стал извиняться: «Простите, простите, простите». Разгневанная Ван Лин и спасший мяч молодой человек встретились взглядами. Ему было, судя по всему, двадцать три-двадцать четыре года, у него была короткая стрижка «под ноль», он был одет в синюю спортивную форму, его лицо было красным, а с него струился горячий пот; он смотрел на раздражённую Ван Лин, готовую взорваться, с видом невинного просьбы о прощении, держа в руках баскетбольный мяч. Не знаю почему, но, глядя на этого мокрого от пота и полного энергии молодого человека, Ван Лин, которая только что собиралась выйти из себя, вдруг решила: «Ничего страшного».

Парень начал извиняться: «Извините, мне очень жаль!» И как раз в тот момент, когда он повернулся, чтобы бежать обратно на баскетбольную площадку, он смело подмигнул Ван Лин, сделав забавную гримасу. Затем, одним быстрым движением, ловко отбивая мяч рукой, он метко забросил его в кольцо.

«Отличный бросок!»

«Кра сиво!»

Взгляд Ван Лин почти следовал за ловкой фигурой парня, пока мяч не оказался в сетке корзины.

Чжоу Юймэй в проекционной комнате тщательно проверяла и обслуживала кинопроектор. Сотрудник Лю, стоявший рядом, был занят рисованием афиши к фильму и время от времени говорил Чжоу Юймэй: «Когда закончишь проверку аппаратуры, подготовь экран — сегодня вечером показ будет на спортивной площадке, людей наверняка соберётся много. Ещё свяжись с бригадой водителей, чтобы они доставили плёнку».

«Поняла». Чжоу Юймэй работала методично, ловко и умело, поэтому, естественно, была хорошим помощником секретаря Лю. Задания, которые он ей поручал, всегда выполнялись на отлично. Поэтому сегодня, согласно указаниям секретаря Лю, Чжоу Юймэй шаг за шагом выполняла все необходимые приготовления.

Было холодно, к тому же дул северо-западный ветер шестой силы, поэтому Чжоу Юймэй и секретарю Лю потребовалось немало времени, чтобы установить экран на спортивной площадке. Затем Чжоу Юймэй расклеила афиши фильма на доске объявлений на спортивной площадке. В мгновение ока весь институт закипел от волнения.

«Сегодня вечером будет новый фильм, зарубежный, — „Убийство на Ниле“».

«Поежинаем пораньше, чтобы занять хорошие места».

Те, кому предстояла ночная смена, узнав о хорошем фильме, были не в восторге, и молодые медсестры изо всех сил пытались договориться со старшими коллегами о смене смен.

В отделении анестезиологии все обсуждали фильм. Цзи Бин, увидев объявление о фильме, была в восторге, ведь сегодня вечером у неё не было дежурства, а на лице Ян Лин явно читалось недовольство, поскольку ей предстояло дежурить ночью.

Цзи Бин умела ладить с людьми, но в кругу близких друзей тоже часто «посплетничала». После смены Цзи Бин радостно побежала к кинопруппе и, увидев Чжоу Юймэй, только что вернувшуюся с установки экрана с покрасневшими щеками, заботливо сказала: «Ты наверняка устала! Холодно, да? Не хочешь выпить горячей воды? Слышала, что сегодня вечером опять придется развозить пленку, но ничего страшного, я приготовлю тебе поздний ужин». Чжоу Юймэй, продолжая заниматься своей работой, ответила: «Да! Показ фильма, и довольно далеко, три дома подряд, мы — вторые». Цзи Бин вдруг не смогла сдержаться самодовольства и сказала: «Эй, как ты думаешь, я должна радоваться? У Ян Лин сегодня ночная смена, он просто в ярости, а я так рада!» «М-м», — только «м-м» ответила Чжоу Юймэй, больше ничего не сказав.

«Ты слышала, что я сказала? У Ян Линя ночная смена, как думаешь, мне стоит радоваться?» — повторила Цзи Бин.

Чжоу Юймэй по-прежнему была занята работой, бросила взгляд на Цзи Бинь и слегка улыбнулась: «Слышала. Ты просто радуешься, что сегодня у тебя нет ночной смены и можно пойти в кино. А у Ян Лин ночная смена?»

«Да, она сейчас занята поиском замены, но я точно не буду этого делать», — Цзи Бин, словно ребёнок, говорила с восторгом, будто это приносило ей особое удовлетворение.

«Правда? А я, знаешь, подозреваю, что, может быть, некто сейчас пойдёт сыграть роль добродетельного человека и заменит её на ночной смене», — нарочито небрежно сказала Чжоу Юймэй.

«О ком ты говоришь? О ком? Говоришь об одном, а имеешь в виду другое», — Цзи Бин начала поддразнивать Чжоу Юймэй, и обе снова устроили небольшую шутовскую потасовку.

«Что я такого сказала? Ты ведешь себя, как виновная», — со смехом ответила Чжоу Юймэй.

«Кто здесь как вор с виноватым сердцем? Ты злая! Больше не буду собирать для вас информацию», — Цзи Бин снова «шантажировала» Чжоу Юймэй, упомянув о сборе информации по поступлению в вузы.

Вошёл сотрудник Лю и сказал Чжоу Юймэй: «Все готовы? Быстрее идите пообедайте, а потом отправляйтесь на обход. Сегодня очень холодно, да ещё и ветер сильный, будьте осторожны на дороге».

«Поняла, секретарь Лю. Тогда я сейчас пойду обедать. До свидания, секретарь Лю», — ловко ответила Чжоу Юймэй.

«До свидания, секретарь Лю», — Цзи Бин тоже вежливо попрощалась с секретарем Лю. Обе вышли из кинозала и, подшучивая друг над другом, направились в столовую.

В столовой в основном обедали те, у кого была ночная смена. Увидев Чжоу Юймэй, одни жаловались на ночную смену, другие спрашивали, когда ещё будет показ — царил оживлённый атмосфера. Цзи Бин выглядела самодовольной и каждому, кого встречала, говорила: «Сегодня у меня нет ночной смены, я пришла пообедать с Чжоу Юймэй. Она сейчас отправляется на обход. Сегодня мы объездим три заведения, и это второе».

В этот момент появилась Ян Лин с недовольным выражением лица. Ян Лин — высокая худенькая девушка с раскосыми глазами; обычно она старалась выглядеть как типичная жительница Хайчжоу, часто говорила на обычном хайчжоуском диалекте, намеренно создавая впечатление «мисс Хайчжоу». Они с Цзи Бин поступили в медицинский колледж одновременно, а после окончания обучения их обеих направили работать в операционную. Цзи Бин была ловкой, умной и способной, к тому же готова была терпеть лишения, из-за чего Ян Лин часто завидовала ей. Но у Ян Лин тоже были свои уловки: она часто удавалось завоевать расположение старшей медсестры, вела себя размеренно и неторопливо, а время от времени дарила небольшие сувениры из Хайчжоу. Поэтому Цзи Бин приходилось постоянно «меряться умом и силой» с Ян Лин.

Увидев самодовольную Цзи Бинь, Ян Лин не обратила на неё внимания и направилась прямо за едой. Цзи Бинь с улыбкой подошла к ней, пытаясь утешить Ян Лин: «Сегодня вечером нужно разносить снимки — целых в три места. Посмотри, какая ужасная погода, на спортивной площадке люди просто замерзнут». Ян Лин бросила взгляд на Цзи Бинь, но ничего не ответила. Цзи Бин почувствовала себя немного неловко, но она умела сохранять лицо, была довольно тактичной в общении и не любила наживать себе врагов, поэтому продолжала улыбаться. Чжоу Юймэй, увидев эту сцену, проявила находчивость и подумала, что «немного поддразнить» Цзи Бин будет своего рода «небольшой мстостью» за то, что та когда-то поставила её в неловкое положение, и громко сказала Ян Лин: «Ян Лин, только что Цзи Бин сказала мне, что ей холодно и она не хочет смотреть фильм. Вы, жители Хайчжоу, наверняка любите смотреть зарубежные фильмы, так что почему бы тебе не поменяться с Цзи Бином местами?» Цзи Бин, услышав это, ошолбенела и сильно ущипнула Чжоу Юймэй.

Чжоу Юймэй, сдерживая боль, громко рассмеялась: «Ян Лин, Цзи Бин ещё и стесняется». Окружающие всё поняли и тоже громко рассмеялись, а некоторые даже подхватили шутку.

«Цзи Бин — очень хороший человек, всегда готова помочь другим. Ян Лин, поспешి поблагодарить её».

«Точно, Цзи Бин в прошлый раз даже заменила меня на воскресной смене».

Лицо Ян Линия изменилось, и он с улыбкой сказал: «Биньбинь, ты согласна? Тогда сегодня вечером ты меня заменишь, а я отработаю твою воскресную смену».

«Цзи Бин — хороший пример для подражания, как Лэй Фэн!» Чжоу Юймэй зааплодировала и запела песню «Учись у Лэй Фэна», что вызвало бурные аплодисменты и смех всех присутствующих. В операционную зашла старшая медсестра Ли. Услышав, как все оживлённо обсуждают вечерний сеанс кино и то, что Цзи Бин предложила заменить его, она сразу же сказала: «Цзи Бин действительно замечательная, она уже несколько раз добровольно заменяла коллег, всем стоит брать с неё пример. Ян Лин, поблагодари Цзи Бин поскорее». Услышав эти слова старшей медсестры Ли, Цзи Бин почувствовала себя в затруднительном положении и сердито бросила косой взгляд на Чжоу Юймэй.

«Спасибо, Биньбинь, спасибо! В воскресенье я заменяю тебя», — подхватив слова старшей медсестры Ли, Ян Лин несколько раз поблагодарил Цзи Бина.

Чжоу Юймэй похлопала Цзи Бина по плечу и самодовольно улыбнулась: «Цзи Бинь, учись у Леи Фэна — хорошего примера! Мне пора пойти покушать и обойти палатки». Сказав это, она вклинилась в очередь за едой, а затем быстро присела вместе с остальными, чтобы пообедать и поболтать.

Наступила ночь, и завыл северный ветер. Люди, одетые в военные пальто, с шарфами и масками, рано собрались на спортивной площадке. Кто-то занимал места с помощью маленьких табуреток, а кто-то даже клал кирпичи, чтобы зарезервировать место...

Чжоу Юймэй, одетая в военное пальто и военную ватную шапку, в полной боевой готовности, вместе с секретарем Лю откатила проектор в центр спортивной площадки, установила его, отрегулировала фокус и поставила скамейку для оператора позади проектора — всё было готово. Секретарь Лю включил проигрыватель, и зазвучала лёгкая музыка. Мгновенно на спортивной площадке воцарилась оживлённая атмосфера.

Чжоу Юймэй сказала секретарю Лю: «Секретарь Лю, я пошла».

Делопроизводитель Лю ответил: «Будь осторожна в дороге».

Чжоу Юймэй в мгновение ока вскочила на трёхместный военный мотоцикл, который уже ждал у края спортивной площадки, ловко опустила уши ватной шапки и надела маску. «Тут-тут, тут-тут» — мотоцикл в мгновение ока умчался со скоростью молнии и быстро исчез в ночной тьме.

Цзи Бин с безразличным видом несла вещи для ночной смены, направляясь в отделение, и в душе у неё действительно царила невыразимая горечь. По дороге люди приветствовали её: «Ночная смена, какая досада!» «Опять ночная смена, как тяжело!» Цзи Бин не знала, смеяться ей или плакать, и про себя подумала: «Ты, деревенская девчонка, некрасиво поступаешь, я с тобой ещё рассчитаюсь». Придя в отделение, она увидела, что в коридоре пусто — все практически ушли в кино. Цзи Бин про себя надеялась, что сегодня ночью лучше бы не было операций, тогда она смогла бы «слушать» фильм из окна.

Время сеанса приближалось, а на спортивной площадке уже собралась огромная толпа, и вокруг царил шум.

В специально отведенной зоне для пациентов сидел мужчина средних лет в сером шерстяном пальто, закутанный в длинный темно-серый шарф. В сопровождении медсестры, помогавшей ему нести стул, он направлялся к зоне для пациентов. Он был высокого роста, с густыми выразительными бровями, и вежливо шептал окружающим: «Извините», «Не беспокойтесь», «Простите, пропустите».

Медсестра поставила стул на отведенное место, помогла мужчине сесть и сказала: «Мастер Чжун, когда фильм закончится, я вас заберу».

«Спасибо, Го», — вежливо поблагодарил мастер Чжун. Медсестра улыбнулась и махнула рукой, давая понять: «Не за что», — а затем направилась к медицинскому корпусу.

Вскоре на спортивной площадке раздался взрыв аплодисментов, за которым последовала тишина, прожекторы постепенно потемнели, и фильм начался...

Цзи Бин, услышав звуки фильма, поспешно собрала все свои вещи и быстро подошла к окну на шестом этаже, чтобы посмотреть в сторону спортивной площадки...

Северный ветер дул с шумом, но зрители в кинозале были полностью поглощены захватывающими сценами и колоритом зарубежного фильма... Наступил момент интриги: «Кто убийца?»

В зале зажглись все прожекторы. «Фильм ещё не прибыл, просим всех оставаться на своих местах и подождать», — с сожалением сообщил всем сотрудник Лю. Едва он закончил говорить, как в зале раздались голоса, полные разочарования и беспокойства; многие встали и стали смотреть в сторону входа, ожидая появления мотоцикла с фильмом...

Цзи Бин воспользовалась моментом, чтобы сбежать в дежурную комнату и оглядеться: всё было в порядке, и она про себя вздохнула с облегчением.

В комнате Ван Лин стояли четыре односпальные кровати, каждая аккуратная и чистая, но прикроватные тумбочки, стены и письменные столы у каждой девушки были оформлены по-своему. В этот момент Ван Лин, закинув руки за голову, лежала на кровати и безучастно смотрела в потолок...

Через мгновение она начала беспокойно ворочаться...

То глаза загорались, словно она о чем-то мечтала...

Ее соседка по комнате Ян Пин читала книгу, но из-за беспокойства Ван Лин ей было трудно успокоиться, и она вынуждена была встать, подойти к кровати Ван Лин, посмотреть то влево, то вправо: «Что такое? Что-то случилось? Почему ты ведешь себя так необычно?»

«Отвали!» — сказала Ван Лин и перевернулась на другой бок.

«Что такое? Что-то случилось? Ну, у молодых людей иногда бывают такие моменты, это нормально. Расскажи, и тебе станет легче», — Ян Пин любил принимать вид «учителя» и обычно говорил неторопливо.

«Ты такой надоедливый, уйди!» — раздражённо сказала Ван Лин.

«Странно, утром всё было в порядке, а после того, как ты пошла принять душ и вернулась, тут же начались проблемы. Хм, наверняка что-то случилось, да? Расскажи, ну, расскажи, хм, расскажи, я помогу тебе преодолеть все препятствия и добиться победы», — Ян Пин по-прежнему терпеливо уговаривал её.

Ян Пин — девушка с немного запутанными чертами лица, высокого роста; когда она говорит, мимика половины её лица необычайно выразительна. Поскольку она часто пишет прозу и стихи, чтобы выразить свои чувства, все считают её самой «мелкобуржуазной» из современных военнослужащих-женщин. Она ещё и очень отзывчивая, всегда любит помогать другим решать проблемы, а когда говорит, то любит принимать вид «учительницы», причём «это вот», «м-м» — её любимые выражения.

«Тебе это не надоедает? Куда, туда и уходи, где прохладнее!» — Ван Лин начала терять терпение.

«Наверняка что-то случилось, ведь первым признаком является нервозность, я ведь не ошибся?» — пробормотал Ян Пин про себя.

«Ян Пин, ты меня раздражаешь, уйди в сторону», — Ван Лин действительно раздражилась, резко приподнялась и строго, раздражённо сказала громким голосом.

«Ладно, с тобой не поспоришь, успокойся». Сказав это, Ян Пин вернулся к своему столу и снова начал читать, при этом тихо бормоча: «Что-то происходит, точно что-то происходит». Затем он тихо и доброжелательно пробормотал про себя: «Надо быть осторожным, скоро наступит решающий момент с повышением, нужно держать себя в руках. Впрочем, ты неплохо рассчитал: сейчас начинается движение, и как только тебя повысят, можно будет перейти к официальной стадии. М-м, неплохо».

Ван Лин легла и закрыла глаза, но в голове у неё по-прежнему невольно всплывала сцена, произошедшая днём на спортивной площадке...

Баскетбольный мяч летел с неба...

«Чёрт!»

Невысокий, но ловкий и проворный парень с небольшими, но блестящими глазами стремительным движением бросился ей навстречу...

«Извини!» — его озорное, шаловливое, улыбочное выражение лица, «гримаса», которую он сделал, уходя с мячом, дальний бросок в прыжке... У Ван Лин возникло какое-то необъяснимое, странное ощущение, которого она никогда раньше не испытывала...

На площадке, где должен был проходить кинопоказ, по-прежнему царил суматоха и шум нетерпеливого ожидания. Некоторые пожилые люди, не выдержав холодного ветра, увлекли и успокоили детей и, взяв с собой табуретки, ушли домой; некоторые отдыхающие не могли больше терпеть и колебались, оставаться ли или уйти; а большинство ходило кругами вокруг кинопроектора, повторяя один и тот же вопрос: «Почему до сих пор не привезли пленку?» Чжун Гоу, сидевший рядом с проектором в зоне для отдыхающих, болтал с окружающими, время от времени поднимая воротник пальто, чтобы защититься от ветра. Все с нетерпением ждали, когда раздастся звук мотоцикла, и когда появится фигура киномеханика Чжоу Юймэй...

Вдруг снаружи спортивной площадки кто-то громко крикнул: «Едет! Едет!» Практически одновременно все на площадке как один вскочили на ноги и устремили взоры к главным воротам; звук мотоцикла становился всё ближе, В холодном ветре Чжоу Юймэй, в военной ватной шапке, маске и военном пальто, сидела на мотоцикле, одной рукой крепко прижимая три кассеты с пленкой, словно опасаясь, что мотоцикл из-за слишком высокой скорости опрокинется. С шипением мотоцикл остановился возле кинопроектора, Чжоу Юймэй ловко спрыгнула с него, подняла три кассеты с пленкой и быстро побежала на спортивную площадку. Уже давно ожидавший у проецирующего устройства сотрудник Лю принял кассеты, внимательно прочитал номера на них и быстро начал перематывать пленку, при этом заботливо говоря: «Спасибо за труд!»

«Ничего страшного!» — ответила Чжоу Юймэй, открывая лоток для кассет в проекторе, готовясь к загрузке плёнки.

Сотрудник Лю быстро перемотал пленку и передал кассеты Чжоу Юймэй, которая ловко приступила к их установке.

«Я пойду выключу свет в зале», — сказал сотрудник Лю и побежал к пульту управления освещением.

Чжоу Юймэй быстро закончила загрузку пленки, а затем ещё раз умело и быстро проверила всё сверху донизу, повернулась и дала знак стоящему вдали сотруднику Лю — освещение в зале и показ фильма переключились почти одновременно и безупречно.

Чжоу Юймэй, стоя на своём рабочем месте на холодном ветру, была хладнокровной, спокойной, изящной и ловкой... Всё это — каждая мелочь, каждое движение — попало в поле зрения сидящего рядом мастера Чжуна, и он невольно бросил на эту солдатку с ещё детским лицом взгляд, полный восхищения и уважения!

На другом конце плаца, рядом с джипом, стоял человек: Ван Фэй, одетый в военное пальто и военную ватную шапку, тихо наблюдал за главной героиней всего плаца — Чжоу Юймэй. Он не отрывал от неё взгляда, смотря на неё с восхищением и симпатией. Стоявший рядом водитель украдкой улыбнулся.

Ван Лин провела ночь в полудреме, как в тумане. Проснувшись утром, она тщательно привела себя в порядок, рассматриваясь в маленьком зеркале то с одной стороны, то с другой. Все это не ускользнуло от внимания соседки по комнате Ян Пин, которая все время наблюдала за изменениями в поведении Ван Лин, и она с полной уверенностью заключила: «Что-то происходит!»

В отличие от обычного, Ван Лин не пошла на завтрак вместе с соседями по комнате, а дождалась, пока все уйдут, и в одиночку специально обошла спортивную площадку, чтобы пройти в столовую. Не знаю почему, но когда она подошла к тому месту, где вчера её сбил баскетбольный мяч, она невольно остановилась, оглянулась в сторону кольца, словно надеясь что-то увидеть... Обернувшись, она увидела, что вокруг царила полная тишина: ни души, пусто. Вдруг ей самой стало немного смешно: «Зачем я сюда пришла?» Не умея объяснить, она молча, немного смущаясь, ускорила шаг и пошла в столовую.

В отделении акушерства и гинекологии Цзи Бин была необычайно взволнована, ведь именно в этот вечер она впервые в жизни прошла серьезное испытание — приняла роженицу с тяжелым течением родов, и после чрезвычайных трудностей в конце концов мать и ребенок остались живы и здоровы.

Впервые она участвовала во всем процессе тяжелого появления на свет новой жизни, особенно когда у роженицы началась сильная кровопотеря и потребовалась экстренная переливание крови. В тот момент, когда жизнь роженицы висела на волоске, оказалось, что группа крови Цзи Бинь идеально подходила ей. В этот решающий момент между жизнью и смертью Цзи Бинь без колебаний предложила сдать кровь для роженицы. Когда Цзи Бин увидела, как её кровь течёт в вены роженицы и рождается новая жизнь, она была потрясена! Внезапно у неё появилось совершенно новое понимание жизни и материнства! Особенно когда она впервые взяла на руки это мягкое, крошечное существо, Цзи Бин расплакалась! Она почувствовала, что эта смена стоила всех усилий!

Целая ночь напряжённой работы не вызвала у неё ни капли усталости. Утром, завершив все дела, связанные со сменой смены, Цзи Бин решила ещё раз заглянуть к тому маленькому существу, рождение которого она помогла принять своими руками! Идя по коридору, она чувствовала на себе восхищённые взгляды всех окружающих — Цзи Бин в одно мгновение стала «центральной фигурой» всей больницы!

Поскольку вчера вечером киносеанс закончился очень поздно, Чжоу Юймей вернулась в общежитие, чтобы отдохнуть, почти в полночь, она совершенно не знала о великом поступке Цзи Бинь. И вот, пока она ещё спала, раздались звуки: «Бум-бум, бум-бум!»

«Юймэй, товарищ Чжоу Юймэй, вставай, быстро открой дверь, важные новости», — с силой стучала в дверь Чжан Сяоин.

«Да что тебе, я же хочу спать, не мешай!» — сонно ответила Чжоу Юймей.

«Товарищ Чжоу Юймей, быстрее открывай, важная новость, сенсация!» — взволнованно сказала Чжан Сяоин.

Чжоу Юймей пришлось бороться с силами, встать, побежать открыть дверь, а потом вернуться в постель и залезть под тёплое одеяло. Как только Чжан Сяоин вошла, она взволнованно воскликнула: «Ты знаешь? Цзи Бин стал героем». Чжоу Юймей подумала, что Чжан Сяоин опять с ней шутит, и, не обратив внимания, продолжила спать.

Чжан Сяоин вдруг строго и серьезно воскликнула: «Товарищ Чжоу Юймей, слушай внимательно: Цзи Бинчэн стал великим героем!» Чжан Сяоин специально добавила слово «великий» и подчеркнула его, чтобы вызвать реакцию Чжоу Юймей. Чжоу Юймей по-прежнему не обращала внимания на Сяоин.

Чжан Сяоин подошла к изголовью кровати Чжоу Юймей и снова тихо и таинственно прошептала: «Скажу тебе, Цзи Бин родил...»

«Что? Что? Что ты сказала?» — Чжоу Юймей резко перевернулась и села, удивлённо спросив.

«У Цзи Бина родилась девочка», — загадочно сказала Чжан Сяоин.

«Что? Что? Что ты сказала?» — ещё более удивлённо спросила Чжоу Юймей.

Чжан Сяоин вдруг осознала, что оговорилась, и поспешила пояснить: «Нет, нет, я ошиблась, я сказала, что приняла роды девочки».

Чжоу Юймей внезапно вздохнула с облегчением: «Ты меня до смерти напугала. Какая ты надоедливая, даже говорить не можешь внятно — как ты вообще стала связисткой? Повтори ещё раз, что там произошло?»

«О, речь не о родах, как это вообще возможно?» — сказав это, Чжан Сяоин высунула язычок, а затем продолжила: «Дело в том, что вчера вечером Цзи Бин дежурил вместо Ян Лина, и тут, как на зло, привезли беременную с тяжелыми родами. У неё началось сильное кровотечение, она едва не умерла. Именно в этот критический момент Цзи Бин выступил вперед, протянул руку — да, правую руку — и без колебаний сказал: „Возьмите мою кровь, группа крови совпадает“. Так кровь товарища Цзи Бина попала в кровеносные сосуды роженицы...» Чжан Сяоин, казалось, полностью погрузилась в описываемую ею сцену.

«Ладно, ладно, переходи к сути, зачем ты тут разыгрываешь сценку?» — сказала Чжоу Юймей, поспешно одеваясь и надеясь узнать больше подробностей.

«После сдачи крови Цзи Бин, совершенно не заботясь о собственной безопасности, сразу же полностью посвятила себя процессу принятия родов», — продолжала живо рассказывать Чжан Сяоин.

«И что в итоге?» — с нетерпением спросила Чжоу Юймэй.

«В результате мать и ребёнок в порядке, девочка, 6,7 цзиня», — с теплотой сказала Чжан Сяоин.

«А как сейчас дела у Цзи Бина?» — с заботой поинтересовалась Чжоу Юймей.

«О, товарищ Цзи Бин после напряжённой ночной борьбы теперь, наверное, уже в порядке, но стала настоящей героиней всей больницы. Жаль только, что Ян Лин упустил шанс проявить себя и, возможно, сейчас очень недоволен», — с долей сплетничанья заметила Чжан Сяоин.

«О, ладно, подожди меня минутку, пойдём вместе навестить Цзи Бина», — сказала Чжоу Юймей, одновременно одеваясь, умываясь и приводя в порядок военную форму, а затем вместе с Чжан Сяоин побежала к медицинскому корпусу.

Чжоу Юймей и Чжан Сяоин подошли к операционной и увидели, что Ян Лин чем-то занята. Они переглянулись, Чжан Сяоин высунула язычок и толкнула Чжоу Юймей, давая понять: «Спроси ты». Чжоу Юймей набралась смелости и тихо спросила: «А где, пожалуйста, Цзи Бин?» Ян Лин безжизненно ответила: «Ушла с работы». Чжоу Юймей сказала Чжан Сяоин: «Пойдем, заглянем к ней в общежитие».

Ян Лин вдруг немного испугалась, что Чжоу Юймей и Чжан Сяоин зря потратили время и, вернувшись, будут ругать её, поэтому тихо сказала: «Хотя, возможно, она сейчас ещё в отделении акушерства и гинекологии». Чжоу Юймей оглянулась на Ян Лин и вежливо сказала: «Спасибо тебе! Сяоин, пошли, в отделение акушерства и гинекологии». Чжоу Юймей взяла Чжан Сяоин за руку и побежала в сторону отделения акушерства и гинекологии.

В отделении акушерства и гинекологии было тихо, чисто и аккуратно. Две роженицы тихо беседовали, а ещё три стояли у окна детской палаты и заглядывали внутрь.

Чжоу Юймей и Чжан Сяоин никогда раньше не бывали в акушерско-гинекологическом отделении, и, впервые оказавшись здесь, почувствовали некую таинственность — или, точнее, «страх». Обе девушки на цыпочках вошли в отделение, осторожно подошли к посту медсестер, но, не увидев там никого, направились прямо к детской палате. Едва войдя в детскую, через стеклянную стену они сразу же увидели Цзи Бинь, держащую на руках крошечного младенца, а на её лице отразилось невиданное ранее выражение нежной материнской любви — нежное, ласковое, прекрасное. Девушки были ошеломлены! Потрясены!

В сопровождении Чжоу Юймей и Чжан Сяоин Цзи Бин покинула отделение акушерства и гинекологии. По дороге обратно в общежитие Цзи Бин живо и красочно описывала Чжоу Юймей и Чжан Сяоин весь процесс, в котором она впервые приняла участие — приветствие новой жизни. Чжоу Юймей и Чжан Сяоин то и дело восклицали, выражая восхищение и удив-

ление, и время от времени вырывалось у них «вау». В одно мгновение Цзи Бин как будто повзрослела, и Чжоу Юймей с Чжан Сяоин стали относиться к ней с гораздо большим уважением.

Чтобы выразить своё восхищение, Чжоу Юймей сказала: «Я отдам тебе свою двухмесячную надбавку, чтобы ты могла поправить здоровье».

Чжан Сяоин добавила: «Я даю специальное разрешение: в этот период ты можешь звонить домой по междугороднему телефону каждый вечер без ограничений по времени». Сказав это, она не могла не добавить: «Но только когда секретаря Нинга нет на месте».

Всю дорогу трое шли, болтая и смеясь. Все, кто встречал Цзи Бинь, не скупилась на слова похвалы. В тот же миг Чжоу Юймей и Сяоин, казалось, тоже почувствовали и разделили ауру «героя». Как раз когда трое шли, болтая и смеясь, им навстречу подошли Ван Фэй и водитель. Чжоу Юймей была очень удивлена: хотя Ван Лин и сообщила ей об этом по телефону два дня назад, неожиданно встретив его ранним утром, она действительно растерялась. Цзи Бин сразу же проявила радость и удивление и спросила: «Вы... вы же брат Ван Лин? Что вы здесь делаете?»

Ван Фэй ответил непринуждённо: «Здравствуйте! Один из наших коллег по работе попал в больницу, я пришёл его навестить».

Цзи Бин поспешно спросила: «Правда? В каком отделении?»

Ван Фэй бросил взгляд на стоящего рядом солдата: «В первом хирургическом отделении, верно?»

Солдат ответил: «Да, первая хирургическая».

Цзи Бин заботливо спросила: «О, ты так рано идёшь в отделение, ещё слишком рано. Ты уже поел?»

Ван Фэй ответил Цзи Бину, но время от времени поглядывал на Чжоу Юймей: «Позавтракал в гостевом доме. Сегодня будет операция, поэтому хочу прийти пораньше».

Цзи Би с некоторым любопытством спросил: «Кого? Аппендицит?»

Ван Фэй ответил: «Да!»

Цзи Бин поспешила продемонстрировать свою осведомленность: «Понятно, Чжан Цзяньго, верно? Сегодня он первый пациент на операционном столе».

Ван Фэй не ответил Цзи Бину, а вместо этого посмотрел на Чжоу Юймей: «Вчера вечером посмотрел фильм, который ты поставила. Довольно тяжело, наверное, менять кассеты!» Чжоу Юймей как раз собиралась ответить, но Цзи Бинь перехватила тему: «Ты приехала еще вчера? Почему нам не сказала?»

Ван Фэй спокойно ответил: «Приехал вчера вечером, как раз успел посмотреть фильм, который ты показывала». Ван Фэй, казалось, намеренно сделал ударение на словах «показ фильма» и всё время смотрел на Чжоу Юймей.

Цзи Бин с энтузиазмом продолжил: «Ван Лин просто должна была нам сказать. Давайте так: сегодня у меня выходной, давайте в обед вместе поедим лапшу — я приготовлю, как вам?»

Ван Фэй с улыбкой ответил: «Не утруждайся! А может, пообедаем вместе в гостевом доме?»

Чжан Сяоин сказала: «Отлично! Отлично! Как раз можно подкрепить Цзи Бина, а мы тоже сможем полакомиться, правда?»

Ван Фэй ответил: «Хорошо, так и решено».

Цзи Бин сказал: «Хорошо, увидимся в обед в гостевом доме. Кстати, если что-то понадобится, обращайтесь ко мне, без проблем».

Ван Фэй сказал: «Хорошо, вы пока занимайтесь своими делами, увидимся в обед».

Цзи Бин радостно сказала: «Увидимся в полдень!»

Ван Фэй снова посмотрел на Чжоу Юймей и особо подчеркнул: «Увидимся чуть позже!»

В главной больнице военного округа, где работала Тянь Сяоси, началась подготовка к мероприятиям, посвящённым «Международному женскому дню», поэтому её снова временно перевели в политический отдел для помощи. Что касается рисования и написания текстов, то Тянь Сяоси, во-первых, была в этом хорошо осведомлена, во-вторых, очень любила эту работу, и, в-третьих, считала, что во всей больнице именно с секретарём Цяо у неё найдётся общий язык. Поэтому, когда заведующий отделением сообщил ей, что она должна помочь в работе политического отдела, Тянь Сяоси с радостью согласилась и, бегом направилась в политический отдел, чтобы явиться на службу. Сотрудник Цяо, увидев, что Тянь Сяоси пришла, очень обрадовался и сразу же приступил к работе. В первую очередь он поручил Тянь Сяоси как можно скорее собрать информацию о подготовке художественных номеров в различных отделениях, а также попросил её подготовиться к совместной работе над рекламной картиной, которая будет использована на «церемонии награждения по случаю Международного женского дня». В конце концов они решили доработать и усовершенствовать картину, нарисованную ранее сотрудником Цяо. Обмен мнениями проходил очень оживлённо, и время от времени раздавался весёлый смех.

В столовой гостевого дома больницы Ван Фэй заказал четыре блюда и суп, готовясь к приходу гостей. Молодой солдат суетился рядом и с любопытством спросил: «Техник Ван, ты что, заинтересовался той киномеханичкой?» Ван Фэй ответил: «Не говори ерунду». Молодой солдат улыбнулся: «Я знаю, просто заметил, что другая, похоже, к тебе равнодушна».

Ван Фэй ответил: «Чего ты там понимаешь?» Молодой солдат сказал: «Ладно, тогда решать тебе». Ван Фэй ответил: «Вот так-то правильно, не говори ерунды».

Цзи Бин тщательно прихорашивалась в общежитии. Внимательно расчесав две косички, она начала разглаживать свою военную форму с помощью военной термочашки, при этом весело напевая песню «На полях надежды». «Отгладив» форму, она ловко надела её, быстро привела в порядок военный причёс, надела фуражку и, глядя в зеркало, улыбнулась неопределённой, трудноописуемой улыбкой.

В это время Чжоу Юймей в кабинете была занята сортировкой недавно приобретённых книг, регистрируя каждую из них и ставя на них печать.

Цзи Бин тихонько приоткрыла дверь и, подойдя к Чжоу Юймей сзади, таинственно прошептала: «Все еще занята?» Чжоу Юймей вздрогнула: «Да что ты, как воровка! Ну как? Какие ощущения? Тебе же нужно как следует отдохнуть, великий герой!»

Цзи Бин улыбнулась: «Всё в порядке». Чжоу Юймей сказала: «Я тебе действительно восхищаюсь». Цзи Бин же с некоторой грустью ответила: «Я до сих пор дрожу, когда об этом вспоминаю. Быть женщиной — это действительно нелегко». В этот момент вошла Чжан Сяоин: «Цзи Бин пришла? Довольно рано, о чём вы разговариваете?»

«Уже почти 12. Как только Юймей закончит дуть в горн, пойдём в гостевой дом. Как говорится, если не хочешь есть, то у тебя проблемы с головой, правда, Юймей?» — радостно сказала Цзи Бин.

Ровно в 12 часов раздался громкий сигнал к обеду. Затем Чжоу Юймей, Цзи Бин и Чжан Сяоин втроем весело шли, болтая и смеясь, время от времени приветствуя прохожих. Чжан Сяоин то и дело поддразнивала Чжоу Юймей — она была живой и милой. Среди шуток и веселья они добрались до гостевого дома при больнице.

Ван Фэй радушно поприветствовал троих: «Заходите, садитесь, где удобно». Ван Фэй особенно обратил внимание на Чжоу Юймей и сказал: «Садись!»

На столе уже стояли четыре блюда и суп: яйца, обжаренные с зелёным луком, тофу по-мапо, угри, тушёные в соусе, ломтики лотоса в кисло-сладком соусе и кисло-острый суп. Ван Фэй радушно сказал: «Давайте, не стесняйтесь, ешьте, сколько хотите».

Цзи Бин нарочито сделала вид, что они хорошо знакомы, и сказала: «Здорово, я обожаю яичницу с зеленым луком, я уже проголодалась». Чжан Сяоин не забыла о «великом поступке»

Цзи Бин и заботливо сказала: «Точно, Цзи Бин, ешь побольше, нужно как следует подкрепиться».

Ван Фэй сам начал накладывать всем еду, сначала положив Чу Юймэй немного рыбы.

Чжоу Юймэй смущённо ответила: «Спасибо, я сама».

Ван Фэй снова наложил еду Чжан Сяоин: «Давай, съешь немного рыбы, чтобы как следует подкрепиться».

Чжан Сяоин сказала: «Цзи Бин — из нас троих больше всех нуждается в том, чтобы как следует подкрепиться».

Ван Фэй, похоже, не понял смысла слов Чжан Сяоин и, руководствуясь принципом равного отношения ко всем, сказал: «Вам всем нужно как следует подкрепиться. Давай, Цзи Бин, возьми кусочек рыбы».

Чжан Сяоин вдруг осознала, что, возможно, Ван Фэй вообще не знает о «великом поступке» Цзи Бина, и взволнованно воскликнула: «Ой, ах да, ты что, ещё не знаешь? Цзи Бин вчера вечером героически сдал кровь, спас роженицу, жизнь которой висела на волоске, и теперь он — настоящий герой всей нашей больницы». Цзи Бин тоже очень хотел, чтобы Ван Фэй узнал об этом, но притворился, что потянул Чжан Сяоин за подол платья, давая ей знак промолчать.

«Да, Цзи Бину нужно побольше поесть», — сказала Чжоу Юймэй и передала Цзи Бину большой кусок рыбы, который Ван Фэй отложил для себя.

«Не надо, тут и так много», — сказал Ван Фэй, а затем внимательно посмотрел на Цзи Бина: «Правда? Герой! Неудивительно, что утром в отделении все обсуждали, как вчера вечером одной роженице с осложнениями помогла медсестра из нашей больницы, которая добровольно сдала кровь. Так это была ты? Неплохо! Давай, возьми ещё один большой кусок». Сказав это, он снова наложил Цзи Бину большой кусок рыбы.

Четверо весело беседовали...

Во второй половине дня Чжоу Юймэй пришла на дежурство в читальный зал, все время думая об инженере, о котором вчера упомянул один из отдыхающих во время решения задач. Она подумала: «Как только этот отдыхающий придет, обязательно попрошу его познакомить меня с инженером. У меня слишком много вопросов по повторению материала, мне действительно нужно к нему обратиться за помощью». Вскоре в читальный зал постепенно стали заходить пациенты: одни обсуждали вчерашний фильм «Убийство на Ниле», другие — историю о том, как Цзи Бин сдал кровь, спасая жизнь роженице, а третьи — по-прежнему возвращались к теме решений задач... Читальный зал был для отдыхающих важным местом проведения досуга помимо лечения, особенно учитывая, что Чжоу Юймэй была красивой, радушной, любознательной, искренней и открытой, что, естественно, делало её очень популярной среди всех; поэтому всякий раз, когда Чжоу Юймэй дежурила, в читальном зале всегда было многолюдно, оживлённо и весело.

Пришёл инженер. Едва подойдя к дверям читального зала, он сразу же заметил эту военнослужащую, которая утром читала иностранную литературу и бегала по участку в морозный ветер, и невольно воскликнул: «О, так это же она!»

«Инженер пришёл», — один из отдыхающих, увидев инженера, радушно поздоровался с ним. Чжоу Юймэй как раз разговаривала с остальными, но, услышав слово «инженер», невольно обернулась. Её блестящие большие глаза встретились с доброжелательным взглядом инженера Чжуна, который смотрел на неё: «Вы... вы инженер Чжун? Тот самый инженер Чжун, который вчера помогал мне решать задачу?»

Инженер с сильным акцентом города Вэньчэн вежливо ответил: «Да, так вчерашняя задача по геометрии была твоей? Ну как, разобралась? Вчера у меня была процедура, поэтому я не смог прийти, прости!»

Чжоу Юймэй ответила с ещё большей вежливостью: «Это я должна поблагодарить вас!»

Инженер с улыбкой спросил: «А что, я видел, как ты утром читала по-английски? Готовишься к поступлению в университет?»

Чжоу Юймэй тихо ответила: «Я лучше начну готовиться заранее».

Инженер с некоторым недоумением спросил: «Что это значит?»

«Военные пока не знают, смогут ли они сдавать вступительные экзамены», — ответил за Чжоу Юймэй один из отдыхающих, сидевший рядом.

«Правда? Военным не разрешают поступать в университет?» — спросил инженер.

«Не знаю, но я пока буду готовиться», — сказала Чжоу Юймэй.

«А, так вот в чем дело, нелегко! Я видел, как ты вчера ездила на мотоцикле за фильмами — ловко и быстро, не боишься трудностей, это не просто!» — невольно похвалил инженер.

«Маленькая Чжоу в прошлом году снова стала «передовым борцом за подражание Лэй Фэну» в нашем отделении, и так уже три года подряд», — вставил в разговор один из пациентов, давно находящийся в стационаре, поделившись тем, что ему было известно.

«Молодец!» — похвалил инженер и, словно ещё больше укрепившись в своём мнении, добавил: «Если возникнут какие-то вопросы, обращай ко мне в любое время, пока я нахожусь в больнице. Мне очень нравятся молодые люди, которые любят учиться и читать».

«Здорово! У меня столько вопросов, но я не могу найти учителя, к которому можно было бы обратиться за помощью, и всегда вынуждена сама что-то выдумывать, что очень отнимает время и часто не приносит результата», — от радости Чжоу Юймэй почти сразу же высказала все свои переживания.

«Хорошо, с этого момента тебе не придётся больше переживать — если возникнут вопросы, спрашивай в любое время», — сказал инженер с улыбкой.

«Здорово! Инженер, а как долго вы, примерно, будете здесь находиться?» — спросила Чжоу Юймэй.

«Я приехал пройти медицинское обследование, так что не надолго», — пояснил инженер.

«О!» Услышав это, Чжоу Юймэй невольно проявила легкое разочарование.

Инженер смотрел на стоящую перед ним юную солдатку и вдруг почувствовал к ней особую симпатию; он с улыбкой наблюдал за каждым её движением и выражением лица. Увидев, что инженер так пристально её разглядывает, Чжоу Юймэй немного смутилась: «Инженер, можно я сейчас задам вам несколько вопросов по английскому и математике?»

«Конечно, можно», — улыбнулся инженер.

Чжоу Юймэй быстро достала из военного рюкзака учебные материалы: в книгах были всевозможные пометки, а на пустых полях рядом с текстом — плотно исписанные записи. Она аккуратно открыла страницы с вопросами и начала задавать их один за другим.

Другие отдыхающие активно помогали Чжоу Юймэй оформлять процедуры выдачи и возврата книг; в читальном зале царил порядок. Стрелки часов на стене читального зала бежали быстро, и Чжоу Юймэй успела задать всего несколько вопросов, как уже подошло время окончания рабочего дня. Инженер улыбнулся Чжоу Юймэй и сказал: «Продолжим завтра. Кстати, меня зовут Чжун, зовите меня просто инженер Чжун».

«Спасибо, инженер Чжун, меня зовут Чжоу Юймэй», — с улыбкой ответила Чжоу Юймэй, после чего попрощалась с инженером Чжуном и другими отдыхающими, закрыла окна читального зала, заперла дверь и поспешила в столовую.

В рабочей комнате, где шла подготовка к мероприятию, посвящённому «Международному женскому дню», Тянь Сяоси полностью погрузилась в творчество, она была необычайно возбуждена и полна энтузиазма.

Наступила ночь, во всём офисном здании воцарилась тишина, и Тянь Сяоси очень ценила эту первую с момента поступления на военную службу возможность проявить себя в творчестве. Она тщательно обдумывала замысел, тщательно прорабатывала детали, и особенно после

нескольких бесед с секретарём Цяо почувствовала, что многие её идеи совпадают с его, что ещё больше воодушевило её, и она про себя решила: «Обязательно создам шедевр!»

Тянь Сяоси сидела, склонившись над столом, то вставала, хмуря брови и глубоко задумываясь; то вносила поправки кистью; то тихо про себя говорила: «Хм, неплохо, но что касается цвета, нужно добавить немного градации, да, именно градации!»

«Тук-тук, тук-тук» — Тянь Сяоси была настолько поглощена работой, что вообще не услышала стука в дверь. Дверь тихо приоткрылась, и вошёл сотрудник Цяо. Увидев, как Тянь Сяоси сосредоточенно работает, он на цыпочках подошёл к столу, поставил на него свой ланч-бокс, а затем молча стоял в стороне и наблюдал...

Сотрудник Цяо, уроженец Цзяньаня, 33 года, талантливый человек, прекрасно владеющий музыкой, шахматами, каллиграфией и живописью. Высокого роста, он всегда следил за своим внешним видом, и его военная форма каждый день сидела безупречно и выглядела безупречно. После работы он часто надевал бордовый спортивный костюм, что в то время считалось очень модным нарядом. У него были характерные для мужчин из района Цзяньань однослойные веки, пронзительный взгляд, белая кожа и интеллигентный вид. Сотрудник Цяо умел писать и рисовать, он был широко известен не только в больнице, но и во всем военном округе. У него также был большой успех у женщин, а ещё он умел готовить рыбу с самыми разными соусами, чем прославился на всю больницу! В те годы за ним ухаживали многие красивые медсестры, и ходило немало сплетен. В конце концов он женился на девушке из Хуцзяна, работавшей в лаборатории — лаборантке Ху, которая прекрасно пела и была миниатюрной и изящной. Пройдя через все бури и испытания, пережив множество перипетий, романтических и забавных моментов, ссор и разлук, они наконец поженились и вскоре у них родился сын. Однако после свадьбы жена по-прежнему не доверяла ему, часто строго следила за ним, время от времени устраивая «внезапные визиты», «тайные проверки» и «скрытые расследования»... Это часто доставляло секретарю Цяо головную боль, ставило его в неловкое положение и заставляло чувствовать себя неловко.

Г-н Цяо, любуясь Тянь Сяоси и её рисунками, невольно выдал восторженное «восхищение». Тянь Сяоси услышала звук, обернулась и мельком увидела г-на Цяо: «Г-н Цяо, это же вы! Я чуть не умерла от испуга! Как вы вошли, я ведь ничего не слышала?»

«Ты была так увлечена! Я сегодня приготовила рыбу и специально принесла тебе немного — попробуй, как у меня получилось», — сказала секретарь Цяо, открывая ланч-бокс. Аромат жареной рыбы сразу же заставил Тянь Сяоси почувствовать «голод», и она подняла ланч-бокс и глубоко вдохнула: «Как вкусно пахнет! Я проголодалась! Здорово, наконец-то попробую рыбу, приготовленную секретарем Цяо. Наверное, я уже не первая в нашем дворе, кому посчастливилось отведать вашу рыбу». Сказав это, Тянь Сяоси приступила к еде.

Секретарь Цяо быстро прибрал со стола, поставил коробку с рыбой на стол и аккуратно разложил специально принесенную ложку. Тянь Сяоси, не стесняясь, взял ложку из рук секретаря Цяо и начал есть, не переставая восклицать: «М-м-м, вкусно! Вкусно!» Секретарь Цяо, глядя на то, как Тянь Сяоси жадно уплетает рыбу, сказал: «Помедленнее, помедленнее, осторожно, кости!»

«Очень вкусно, секретарь Цяо! Я давно слышала, что вы отлично готовите рыбу. Эх, как же мне повезло, что, придя помочь, я смогла насладиться таким лакомством! В аптеке у меня бы никогда не было такой возможности, правда? Очень вкусно! В будущем давайте чаще будете просить меня помочь, хорошо?» — говорила Тянь Сяоси, продолжая есть.

«Хорошо, договорились, мне как раз не хватает рук», — улыбнулся секретарь Цяо.

«Договорились!» — радостно воскликнула Тянь Сяоси, а затем добавила: «Секретарь Цяо, поделитесь, пожалуйста, своим мнением о нашем шедевре на данный момент».

Сотрудник Цяо подошёл к холсту, над которым шла работа, и с глубоким волнением сказал: «Сяоси, мне кажется, у тебя просто блестящая идея. То, как ты сосредоточилась и как

выглядела, когда творила, было очень красиво и трогательно — это само по себе уже прекрасная картина... Для меня настоящая честь работать над этой картиной вместе с тобой. Ты придала ей жизнь и энергию, благодаря чему на холсте буквально оживает весна, а смысл картины стал ещё глубже! Эта картина обязательно будет успешной!»

После ужина Ван Лин почувствовала себя немного скучно, при этом испытывая какое-то необъяснимое беспокойство и растерянность, поэтому решила прогуляться по улице. Случайно она оказалась у небольшого магазина во дворе и, подумав: «Как раз можно купить что-нибудь перекусить и предметы первой необходимости», зашла внутрь. Она купила несколько закусок и предметы первой необходимости, расплатилась и, повернувшись, уже собиралась выйти, как в магазин вошли трое отдыхающих, оживлённо болтающих и смеющихся. Среди них она случайно заметила того самого отдыхающего, с которым несколько дней назад столкнулась на баскетбольной площадке и который в последние дни по непонятной причине не давал ей покоя. У Ван Лин вдруг сердце «бух-бух, бух-бух», и, немного смутившись, она вышла, прикрыв лицо рукой. Выйдя за дверь, она невольно обернулась — и как раз в этот момент тот пациент тоже смотрел на неё. Увидев, что Ван Лин оглянулась, он великодушно поднял руку и улыбнулся ей. В этот момент один из пожилых пациентов, стоявший рядом с ним, в шутку заметил: «Это же та медсестра, которую ты последние два дня искал, да?» Пациент, который всё это время не спускал глаз с Ван Лин, кивнул. «Давай же, чего стоишь как вкопанный, Амир, вперед!» — произнес пожилой пациент, пародируя классическую фразу из фильма «Гость с айсберга», и толкнул молодого пациента. Молодой пациент, улыбаясь, ответил: «Тогда я пойду». Он взволнованно выбежал и догнал Ван Лин: «Эй, привет! Мне было действительно неловко в тот день. Я всё эти дни тебя искал, и сегодня наконец-то нашёл».

«О, привет!» — ответила Ван Лин, тоже немного нервничая.

«Можно спросить, как тебя зовут?» — очень открыто спросил молодой пациент и, не дожидаясь ответа, сразу представился: «Меня зовут Ли Юн, я пилот транспортного самолёта, сейчас лечусь во втором терапевтическом отделении. На самом деле я в полном порядке, просто во время одного из полётов у меня немного закружилась голова, и меня отправили в больницу на обследование. Но это даже к лучшему — можно отдохнуть и привести себя в порядок. Я всё рассказал, а ты?»

«О, меня зовут Ван Лин, я медсестра первого терапевтического отделения», — представилась Ван Лин.

«Значит, наше отделение находится прямо напротив вашего — мы соседи», — радостно сказал Ли Юн. Увидев, что Ван Лин чувствует себя немного неловко, время от времени приветствуя знакомых, проходящих мимо, но при этом не желая сразу расставаться, он как раз собирался сказать ещё что-нибудь, как услышал, как Ван Лин сказала: «Извините, мне нужно идти в отделение». Ли Юн тут же подхватил: «Как раз кстати, я тоже возвращаюсь в отделение. Пойдем вместе, можно?» Ван Лин тихо ответила: «О!»

В этот ранневесенний вечер лунный свет был особенно прекрасен, и Ван Лин, казалось, намеренно замедлила шаг. Да, это был первый раз в её жизни, когда она прогуливалась с представителем противоположного пола; трудно описать, что это было за чувство, но в любом случае — никогда раньше она не испытывала такого сердцебиения, такой застенчивости... Ли Юн всю дорогу был в отличном настроении и болтал без умолку... Когда они подошли к зданию отделения внутренних болезней, Ли Юн с непринуждённостью сказал: «Сестра Ван, посмотрите, какая сегодня прекрасная ночь. Давайте ещё немного прогуляемся и поболтаем, как вам?»

В душе Ван Лин, похоже, тоже очень хотела, чтобы путь был подольше, и чувствовала особое удовольствие от беседы с Ли Юном, но в то же время боялась, что столь легкое согласие может показаться слишком легкомысленным. Она как раз собиралась вежливо отказаться, но не успела и слова сказать, как Ли Юн уже угадал её мысли и смело-шаловливо сказал: «Прошу

медсестру Ван Лин ещё раз поупражняться после еды вместе с пациентом Ли Юном. Поворот назад, пожалуйста!» Ван Лин не смогла сдержать улыбку и сказала: «Вы такой шутник!»

Они прогуливались и беседовали, как старые друзья, прекрасно ладя друг с другом и весело проводя время, и, не заметив, как прозвучал сигнал отбоя. «Ой, уже прозвучал сигнал отбоя, тебе пора возвращаться в палату, медсестра скоро начнёт обход, извини». Услышав сигнал отбоя, Ван Лин занервничала и поспешила поторопить Ли Юна вернуться в палату. Ли Юн сделал вид, что ему всё равно: «Эй, ничего страшного, я здесь уже больше недели, каждую ночь остаюсь в палате один, остальные возвращаются очень поздно, я самый приличный, всё в порядке». «Иди уже, пора отдыхать». Хотя Ван Лин в душе тоже чувствовала, что время пролетело слишком быстро, и очень хотела поболтать ещё, — она испытывала такое счастье, какого никогда раньше не знала, — но всё же посоветовала этому пациенту поскорее вернуться в палату.

«Ладно, подчиняюсь приказу», — сказал Ли Юн, выпрямившись и отдав честь, а затем добавил: «Тогда и ты поскорее возвращайся в общежитие. Далеко? Может, я тебя провожу?»

«Не надо, ты скорее возвращайся, до свидания!» — ответила Ван Лин.

«Ладно, будь осторожна. Не „до свидания“ — увидимся завтра вечером, прямо здесь, в семь часов. Так и решено, не пропустим!» Сказав это, Ли Юн, не дожидаясь ответа Ван Лин, побежал трусцой, сделал движение с высоким подъёмом ноги, затем ловко развернулся на 360 градусов, имитировал бросок в баскетбол и исчез в ночной тьме... Ван Лин смотрела на подтянутую фигуру Ли Юна, и в её сердце внезапно возникло чувство, от которого она покраснела: «Эй, что со мной происходит?» — тихо спросила она себя и, смутившись, направилась в сторону общежития...

Через неделю инженер Чжун должен был выписаться из больницы! Секретарь Лю нес багаж инженера Чжуна, сопровождая его, чтобы поблагодарить и попрощаться с провожавшим его медицинским персоналом, а затем подошёл к джипу, припаркованному у входа в медицинский корпус. Секретарь Лю открыл дверь, и инженер Чжун уже собирался сесть в машину, но вдруг остановился и поднял голову, глядя в сторону библиотеки... Секретарь Лю, много лет работавший с инженером Чжуном, знал, как тот ценит талантливых людей, и в последнее время не переставал хвалить Чжоу Юймей за её усердие, любознательность, энтузиазм и жизнерадостность, поэтому сказал: «Инженер Чжун, вы, наверное, хотите попрощаться с маленькой Чжоу?»

«Да, давайте ещё раз заглянем к маленькой Чжоу!» — сказал инженер Чжун и направился к библиотеке. Секретарь Лю в сопровождении инженера Чжуна вернулся к медицинскому корпусу и подошёл к входу в читальный зал.

Чжоу Юймей как раз суетливо оформляла документы для пациентов, стоящих в очереди, чтобы взять или вернуть книги. Увидев, что пришёл инженер Чжун, все хотели поздороваться, но он несколько раз махнул рукой, давая понять: «Не беспокойте, подождите, пока она закончит!» Инженер Чжун стоял в стороне и наблюдал за каждым движением этой молодой девушки. Чжоу Юймей случайно подняла голову, увидела мастера Чжуна, поспешно отложила всё, что держала в руках, и подбежала к нему: «Мастер Чжун, сегодня вы выписываетесь из больницы, вы уже уходите?» Мастер Чжун улыбнулся: «Да, я как раз пришёл попрощаться с тобой». Чжоу Юймей с благодарностью сказала: «Я хочу поблагодарить вас, вы мне так много помогли.» Мастер Чжун похлопал Чжоу Юймей по плечу и ободряюще сказал: «Маленькая Чжоу, я думаю, если у тебя впредь возникнут какие-то вопросы, приходи ко мне домой по выходным. В общем, активно готовься. Позволь подарить тебе одну фразу: „Возможность никогда не обманывает того, кто готов“. Старайся! Удачи!»

Чжоу Юймей ответила: «Запомню, спасибо вам!»

«Не за что, ты — человек с идеалами и амбициями, старайся!» С этими словами инженер Чжун крепко пожал руку Чжоу Юймей и попросил секретаря Лю оставить ей номер телефона и

адрес своего дома. Чжоу Юймэй взяла номер телефона и адрес инженера Чжуна, с нежеланием глядя ему вслед, а отдыхающие в библиотеке тоже один за другим встали и помахали инженеру Чжуну на прощание...

«Инженер Чжун — настоящая знаменитость в авиационной отрасли нашей страны, известный эксперт в области авиационных двигателей, выпускник престижного пекинского университета. Просто потрясающе!»

«Да, он совсем не высокомерный, очень простой и доступный».

«Настоящий профессионал!»

«Маленькая Чжоу, взять мастера Чжуна в учителя — это верный выбор, так что старайся изо всех сил».

Один из заботливых отдыхающих сказал Чжоу Юймэй: «Маленькая Чжоу, теперь тебе нужно усердно готовиться к экзаменам, а с делами в библиотеке мы тебе поможем, не волнуйся!» Многие отдыхающие тоже очень любили эту простодушную, жизнерадостную, трудолюбивую и усердную в учебе маленькую Чжоу и надеялись, что её «мечта сбудется»!

Как раз в этот момент Цзи Бин в белом халате вбежала в комнату и таинственно сказала: «Последние новости, официальное сообщение: военнослужащим разрешено поступать в гражданские университеты, есть официальный документ».

«Правда?» — невольно воскликнула Чжоу Юймэй.

«Я просто прибежала, чтобы тебе первая сказать — не теряй времени. И ещё: вечером загляни ко мне в комнату, моя мама попросила сотрудников рабочей группы принести много вкусного. Пошла». С этими словами Цзи Бин убежала.

Чжоу Юймэй посмотрела на календарь на стене: «Эх, осталось меньше трёх месяцев, что же делать?»

Тянь Сяоси была срочно вызвана обратно в аптеку для помощи в работе на неделю. Во время ночной смены она открыла ящик стола, достала фотографии своего кумира, которых не видела уже несколько дней, и стала их рассматривать... Вскоре она взяла кисть, чтобы выразить свои «мечты» и «фантазии», и про себя спросила: «Когда же мне посчастливится встретить своего кумира?»

«Лекарство! Почему ты опять задумалась?» — крикнула с улицы медсестра средних лет, держа в руках корзинку для лекарств.

«Извините!» — Тянь Сяоси поспешно встала, быстро сверила рецепт, набрала лекарства, с улыбкой передала их медсестре средних лет и несколько раз повторила: «Извините! Извините!» Медсестра проверила лекарства и уже собиралась уходить, но вдруг обернулась к окошку выдачи и сказала: «Сяоси, не мечтай весь день, очнись уже!»

«Тот, у кого даже снов нет, наверное, ещё более жалок!» — тихо пробормотала Тянь Сяоси и показала язык уходящей в спину медсестре средних лет.

«Дзинь-линь... дзинь-линь...» Тянь Сяоси подняла трубку, и из динамика раздался голос: «Уведомление администрации больницы: просим все подразделения провести генеральную уборку перед «Международным женским днём», через неделю администрация организует конкурс». «Поняла». Положив трубку, Тянь Сяоси подошла к доске у входа, написала на ней четыре больших иероглифа «Уведомление администрации», а затем очень художественно оформила это обычное и скучное «уведомление о генеральной уборке», и в мгновение ока «уведомление» на маленькой доске превратилось в настоящее произведение искусства!

В выходные Чжоу Юймэй встала рано, привела в порядок комнату, а затем рассортировала задачи по английскому, математике и физике. Записки с задачами, закреплённые скрепками, она разложила по разным книгам и аккуратно сложила в военный рюкзак. Наконец, она привела в порядок военную форму, поправила фуражку и с радостью направилась к автобусной остановке у ворот комплекса.

Добравшись до автобусной остановки у главных ворот, она вскоре увидела, как из двора выехал джип. В связи со своей работой, которая часто требовала доставки и получения кинофильмов, а также благодаря своему открытому характеру, Чжоу Юймей поддерживала хорошие отношения со всеми водителями автопарка.

Водитель по прозвищу «Маленький Ло», солдат из Западного Сычуаня, был открытым и прямолинейным человеком. Как только автомобиль выехал за ворота, он заметил Чжоу Юймей, ожидающую автобус на остановке, остановился и высунул голову из окна: «Куда едешь?»

«А ты куда едешь?» — переспросила Чжоу Юймей.

«Я еду на вокзал встречать заведующего медицинским отделом Чжана», — ответил Маленький Ло.

«Здорово! Мне нужно на завод № 702, можно с тобой прокатиться?» — радостно спросила Чжоу Юймей.

«Конечно, давай, быстрее, садись!» — радушно ответил Сяо Ло.

Чжоу Юймей перебежала дорогу с противоположной стороны, все время радостно повторяя: «Какая удача!»

Маленький Ло с западно-сычуаньским акцентом спросил: «А зачем ты едешь на завод № 702?»

Чжоу Юймей с улыбкой ответила: «Секрет!»

«Чего тут секретничать передо мной? Разве не для того, чтобы поступить в университет? Если в будущем тебе понадобится моя помощь, просто дай знать — я тебя поддержу!» — сказал Сяо Ло с улыбкой.

«Хорошо! Раз ты уже знаешь, то я тебе расскажу: главный инженер завода № 702 выписался из больницы. Он настоящий знаток своего дела, помог мне разобраться со многими вопросами. А теперь у меня накопилось ещё несколько вопросов, так что мне придётся снова к нему зайти за советом», — сказала Чжоу Юймей.

«Так вот как. Ладно, время ещё есть. Завод № 702 находится довольно далеко, так что сегодня я специально отвезёшь тебя туда, чтобы ты смогла насладиться „привилегиями руководства института“. Как тебе? Неплохо, да?» — улыбнулся Сяо Ло.

«Огромное тебе спасибо!» — поблагодарила Чжоу Юймей.

«Когда поступишь в университет, не забудь обо мне!» — пошутил Сяо Ло.

«Конечно, не забуду!» — улыбнулась Чжоу Юймей.

Машина бодро мчалась по дороге, преодолев несколько серпантинов, и прибыла на завод № 702, расположенный в горной долине. Это были крупные важные предприятия, которые государство размещало в горах; в народе их называли «заводами третьей линии». На этих предприятиях работало много высококвалифицированных специалистов. Инженер Чжун был авторитетной фигурой в области авиационных двигателей. Уроженец города Вэньчэн, он был выдающимся выпускником Пекинского университета — эрудированным, талантливым, серьёзным и скрупулёзным, при этом доступным и дружелюбным. Всё это произвело на Чжоу Юймей очень глубокое впечатление. Вскоре они подъехали к главным воротам завода № 702. Чжоу Юймей вышла из машины и поблагодарила Сяо Ло, на что тот ответил: «Не за что, если что-то понадобится, просто дайте знать», — после чего уехал в сторону железнодорожного вокзала.

Чжоу Юймей впервые пришла в дом инженера Чжуна, с которым познакомилась менее месяца назад, и не могла не чувствовать некоторого волнения и даже страха. Придя в приемную, Чжоу Юймей прошла тщательную регистрацию. Дежурный в приемной позвонил по телефону в дом инженера Чжуна: «Инженер Чжун? У главного входа вас ищет военная женщина. О, хорошо, я введу её, до свидания». Дежурный повернулся к Чжоу Юймей и сказал: «Можете идти! Идите прямо, у шестого ряда зданий поверните направо, вторая дверь, второй этаж, комната 201 — инженер Чжун ждёт вас». Чжоу Юймей вежливо ответила: «Спа-

сибо». Поблагодарив его, она привела в порядок военную форму и направилась к дому инженера Чжуна!

Завод № 702: ряды белых, аккуратных четырёхэтажных зданий, построенных у подножия горы, полностью соответствовали системе управления военными казармами. Улицы были особенно чистыми, стволы тополей, уже лишенные листьев, колыхались на холодном ветру; вдали смутно виднелись ещё одни ворота, по обе стороны от которых дежурили солдаты с оружием — наверное, это и была настоящая территория завода.

Чжоу Юймей, считая дома, подошла к шестому ряду зданий. Как раз когда она собиралась повернуть направо, она заметила худощавого высокого юношу с правильными чертами лица и изящной внешностью, характерной для жителей Вэньчэн, лет шестнадцати-семнадцати. Он был одет в модный в то время синий спортивный комплект: на спортивной кофте и штанах по бокам были две белые полосы, что делало его фигуру стройной и привлекательной; на ногах у него были белые кроссовки «Хуэйли», которые тогда были очень популярны. Увидев, что к нему идет военная служащая, он очень радушно и вежливо подошёл к ней и спросил: «Вы из полевого госпиталя, верно? Идете к инженеру Чжуну, да?»

Чжоу Юймей была немного удивлена, но тоже очень вежливо ответила: «Да, а вы...?»

«Я сын инженера Чжуна, меня зовут Чжун Нань. Инженер Чжун, то есть мой папа, нет, мой отец, попросил меня вас встретить». Мальчик, казалось, хотел выглядеть как взрослый.

«О, спасибо вам!» — вежливо ответила Чжоу Юймей.

«Не за что! Дорога не заставила вас долго искать?» — очень вежливо спросил юноша.

«Сегодня мне особенно повезло: как только я вышла из больницы, сразу наткнулась на машину, которая ехала на вокзал, и водитель по дороге подвез меня прямо к главному входу», — сказала Чжоу Юймей.

«Эй, вам действительно повезло! Это говорит о том, что у вас хорошие отношения с людьми. Если все начинается с такой удачи, то в будущем у вас, наверное, всё пойдёт гладко», — заметил мальчик, намеренно стараясь выглядеть взрослым.

Прошло не больше трёх минут с момента их знакомства, но между ними, казалось, уже не осталось никакой неловкости, и они, идя, совершенно естественно беседовали. Незаметно для себя Чжоу Юймэй и Чжун Нань подошли к комнате № 201. Чжун Нань только собрался открыть дверь, как она автоматически распахнулась, и инженер Чжун уже ждал у входа.

Инженер Чжун был одет в бежевый шерстяной кардиган и с улыбкой стоял у двери, встречая гостей: «Добро пожаловать, добро пожаловать! Старик Юй, малышка Чжоу пришла!» — радостно произнес инженер Чжун, одновременно позывая кого-то из внутренней комнаты.

Женщина средних лет в темно-зелёном шерстяном свитере с распахой, с простой и элегантной короткой причёской — с первого взгляда было видно, что она интеллигентка, — приветливо вышла из внутренней комнаты и с улыбкой, говоря с южно-пекинским акцентом, сказала: «Добро пожаловать, добро пожаловать!» В этот момент Чжун Нань, шёл за Чжоу Юймей, тихо представил: «Это моя мама». Затем он с легкой шутливостью добавил: «Все уважительно называют её „тётя Ю“».

«Здравствуйте, инженер Чжун! Здравствуйте, тетя!» Услышав это, Чжоу Юймей тут же добавила: «Здравствуйте, тетя Ю!»

Инженер Чжун радостно сказал: «Давайте, давайте, заходите в дом. Маленькая Чжоу, вы же наш почетный гость». Тетя Ю с теплотой добавила: «Быстрее в гостиную, на улице же холодно! Старик Чжун, как только вернулся из больницы, сразу же рассказал нам много всего о вас и призвал Чжун Нана брать с вас пример!» Услышав это, Чжун Нань, стоявший рядом, показал Чжоу Юймей язык — судя по всему, между ними существовала какая-то естественная, непринужденная близость!

«Чжун Нань, иди-ка, принеси тете Чжоу Юймэй вымытые фрукты». Мастер Чжун, дойдя до этого места, замолчал и бросил взгляд на Чжоу Юймэй: «Ты, наверное, всего на три-четыре

года старше нашего Чжун Наня. Хотя ты и носишь военную форму, уже являешься солдатом Народно-освободительной армии, наверное, все-таки стоит называть тебя «сестрой из Народно-освободительной армии», верно?» Чжоу Юймэй очень смущенно ответила: «Просто зови меня Юймэй». Чжун Нань очень озорно заметил: «Именно, какая тут тетя? Если бы ты не была в военной форме, мы были бы одноклассниками, верно?» Тетя Ю посмотрела на сына, с нежной любовью слегка похлопала Чжун Наня по плечу и полуукорительно сказала: «Чжун Нань, будь вежливым с гостями!» Чжун Гонг улыбнулся и обратился к Чжоу Юймэй: «Давайте так: Чжун Нань будет называть тебя «сестра Мэй», а мы — «Юй Мэй», как тебе?» Затем он очень демократично посмотрел на жену и сына и спросил: «Вы же не против?» Жена улыбнулась и кивнула, а Чжун Нань поднял правую руку в знак «согласия». После этого все вместе сели на диван в гостиной.

На передней стене гостиной висела впечатляющая картина с изображением горного орла, а на ряде антикварных шкафчиков под ней аккуратно выстроились модели самолётов разных типов — выглядело очень величественно! На средней полке стояли несколько фотографий. Гостиная была аккуратной и чистой, мебели было не много, но в ней чувствовался хороший вкус хозяина! На небольшом квадратном столике рядом с журнальным столиком лежали четыре-пять толстых специализированных книг на иностранных языках, а рядом с ними — лупа и скромный термос; очевидно, это было рабочее место инженера Чжуна.

«Давай, Юймэй, выпей чашечку черного чая, согрейся — на улице же холодно!» — сказала госпожа, подойдя с чашкой, из которой поднимался пар. Не успела она договорить, как Чжун Нань поспешил перебить: «Кстати, вы знаете, как сестра Мэй сегодня сюда добралась? Папа, её встретили с такими же почестями, как и тебя — прислали специальный автомобиль». Сказав это, он подделал гримасу и рассмеялся.

Инженер Чжун с интересом спросил: «Правда? А как это было?» Чжоу Юймэй смущенно ответила: «Нет, просто я ждала автобус у главного входа, а как раз в это время из двора выезжала машина, которая ехала на вокзал за руководителем нашего института. Узнав, что я еду сюда, они просто подвезли меня по пути — всё не так преувеличено, как он говорит».

Чжун Нань загадочно заметил: «Вот поэтому это хороший знак, верно?» Чжун Гоу, глядя на то, как его сын так быстро сблизился с гостьей, с которой только что познакомился, улыбнулся и сказал: «Я и не подозревал, что у нашего Чжун Наня такие сильные коммуникативные навыки. Прошло всего несколько минут, а он, кажется, уже очень хорошо знаком с Юй Мэй. Отлично». Сказав это, он ласково похлопал сына по подлокотнику дивана.

«Юймэй, через минутку пообедаем у нас дома», — улыбнувшись, сказала тетя Ю Чжоу Юймэй, а затем обратилась к Чжун Го: «Я сначала сбегая за продуктами». Наконец она сказала Чжун Нану: «Иди, тебе тоже пора за уроками». Чжун Нань, казалось, не очень хотел уходить: он посмотрел на отца, потом на Чжоу Юймэй, а затем немного «кокетливо» сказал маме: «Я же и здесь учусь, правда, папа?»

Чжун Гоу с улыбкой велел сыну сначала заняться чтением. Чжун Нань с большой неохотой вернулся в свою комнату, но перед тем, как закрыть дверь, с нежеланием бросил Чжоу Юймэй озорной взгляд.

В гостиной сразу воцарилась тишина. Чжун Гонг надел очки, а Чжоу Юймэй аккуратно достала учебники с заданиями, а затем из военного рюкзака вынула обычный, немного поношенный пенал, из которого достала красную шариковую ручку и синюю шариковую ручку, и с почтением приготовилась к «уроку». Чжун Го внимательно наблюдал за каждым движением Чжоу Юймэй, на его лице появилась легкая улыбка удовлетворения, а затем он заботливо спросил: «Как прошло повторение материала за последние дни? С какого предмета начнем сегодня?»

Чжоу Юймэй, похоже, была готова заранее: она ловко открыла учебник по математике, на страницах которого было несколько больших вопросительных знаков. Как только она собра-

лась указать на один из них и задать вопрос, вдруг что-то вспомнила и сразу же просияла от восторга: «Инженер Чжун, я чуть не забыла — у меня хорошая новость: сверху пришел официальный документ, согласно которому военнослужащим разрешено поступать в университет».

«Правда? Уже есть официальный документ?» — радостно спросил Чжун Гонг.

«Да! Просто времени осталось очень мало — всего 63 дня, а мне ещё предстоит повторить столько глав», — сказала Чжоу Юймэй.

«Не беспокойся, сегодня мы сначала разберём те вопросы, которые у тебя уже есть, а потом я помогу тебе составить план подготовки, как тебе?» — ободряюще сказал Чжун Гоу.

«Здорово! Спасибо вам, инженер Чжун!» — с благодарностью сказала Чжоу Юймэй.

«Не за что. Ты — трудолюбивая, усердная, целеустремлённая и амбициозная девочка, я помогу тебе добиться успеха!» Сказав это, мастер Чжун снова с теплотой посмотрел на Чжоу Юймэй, сжал кулак и решительно произнес: «Удачи!»

Чжоу Юймэй посмотрела на инженера Чжуна и тоже решительно ответила: «Я справлюсь, инженер Чжун!»

Нависшие на стене часы показывали 9 часов 11 минут. Инженер Чжун начал заниматься с ней по каждому предмету: математика, физика, английский...

Часы тикают, тикают, и вскоре показывают 11:10. Тетя Ю, неся в руках свежие овощи и фрукты, тихонько вошла в дом, а затем так же тихонько направилась прямо на кухню.

Тик-так, тик-так — часы показали 12:15. Инженер Чжун внимательно и тщательно помогал Чжоу Юймэй с каждым вопросом: то доставал заранее подготовленный черновик для расчетов и анализа, то вставал, чтобы взять толстый англо-китайский словарь и посмотреть значение слова...

Чжоу Юймэй то кивала, то хмурила брови, то улыбалась с облегчением... Чжун Нань тихо вышел из своей комнаты, встал в стороне и, вытянув шею, стал наблюдать. Тетя Ю как раз открыла дверь кухни, чтобы взять тарелки из столовой, и жестом дала понять Чжун Наню: «Не мешай». Чжун Нань, пригнувшись и на цыпочках, последовал за матерью на кухню и тихо закрыл за собой дверь. На кухне был накрыт обильный стол. Чжун Нань схватил кусочек только что снятого с огня тушеного свинины и сунул его в рот: «Пахнет! Как же пахнет!» Чжун Нань внимательно смаковал тушеное мясо, а затем добавил: «Сегодня у нас дома как будто Новый год!»

«Твой папа специально попросил: она так рано ушла из дома, ей было так тяжело, давайте устроим ей дополнительный ужин!» — сказала тетя Юй и ловко приступила к приготовлению блюд. Через некоторое время еда была готова, и она попросила Чжуннана пойти посмотреть, закончили ли они повторять уроки, чтобы можно было садиться за стол!

«Хорошо!» — ответил Чжун Нань и вышел из комнаты.

Занятия закончились, и господин Чжун увидел, как Чжун Нань вышел из кухни: «Мы закончили повторять материал, ужин готов?»

«Готово!» — ответил Чжун Нань.

«Хорошо, давайте садимся за стол!» — сказал Чжун Гоу, обращаясь к Чжоу Юймэй, и при этом встал, чтобы размять спину.

«Чжун Го, не беспокойтесь, я пойду домой!» — сказала Чжоу Юймэй.

«Еда уже готова, не беспокойтесь. Как же можно не пообедать, когда пришло время? Чжун Нань, быстро накрывай на стол», — тетя Ю с энтузиазмом, держа в обеих руках две тарелки с блюдами, поспешно стала накрывать на стол.

«Пора обедать, пора обедать! Тётя Ю всё приготовила. Юймэй, у тёти Ю просто великолепные кулинарные навыки! Обязательно попробуй!» — с улыбкой сказал инженер Чжун.

«Точно, моя мама трудилась всё утро, всё уже готово, я накрою стол», — сказал Чжун Нань.

«Да, давайте вместе пообедаем!» — сказал инженер Чжун.

Все сели за уже накрытый стол. Мастер Чжун достал бутылку «лимонникового вина», налил всем и радостно сказал: «Старик Ю, Юймей только что сказала, что в армии появился официальный документ, разрешающий военнослужащим поступать в гражданские университеты. Это отличная новость! Реформа и открытость действительно дают молодым людям прекрасные возможности. Давайте вместе подбодрим Юймей и пожелаем ей поступить в университет, чтобы её мечта сбылась!»

«Правда? Это действительно отличная новость. Юймей, не теряй времени, если возникнут вопросы — обращайся в любое время», — сказала тетя Юй и, повернувшись к Чжун Наню, добавила: «Ты тоже не отставай, у тебя такие хорошие данные, обязательно учишься у сестры Мэй».

«Понял, не волнуйся!» — ответил Чжун Нань.

После того как все подняли бокалы, инженер Чжун и его жена взяли общие палочки, лежавшие на каждой тарелке, и наложили еду Чжоу Юймей, а затем наложили своим сыновьям.

«Эй, что сегодня такое, почему-то стали так вежливы со мной? Сама, сама!» — шутливо сказал Чжун Нань.

«Спасибо, спасибо, я сама, хватит, хватит!» — ответила Чжоу Юймей.

«Юймэй, сколько детей в вашей семье? А ты какая по счету?» — спросила тетя Ю.

«У нас трое детей, я самая младшая», — ответила Чжоу Юймей.

«Ты самая младшая? Значит, ты мамино сокровище. А где ты живёшь?» — снова спросила тетя Ю.

«В уезде Шанчуань», — ответила Чжоу Юймей.

«О, так рано покинуть родителей — это нелегко. Как питание в интернате? Привыкла? Давай, ешь побольше», — говорила тетя Юй, снова накладывая в миску Чжоу Юймей разные блюда.

«Спасибо, тетя Ю, всё хорошо, спасибо, я сама!» — сказала Чжоу Юймэй.

«Юймей, ты уже решила, на какую специальность поступить? В прошлый раз в больнице ты говорила, что хочешь изучать английский. Решила уже?» — спросил инженер Чжун.

«Я хочу изучать иностранные языки», — ответила Чжоу Юймей.

«Отлично. В таком случае при подготовке к экзаменам нужно сосредоточиться на английском, китайском, истории и географии. Физику и химию можно отложить в сторону, а математике уделять меньше времени — главное, чтобы она не тянула оценку вниз. Так что над английским придётся потрудиться», — сказал Чжун Гоу.

«Я тоже так думаю», — ответила Чжоу Юймей.

После обеда Чжун Нань предложил родителям отдохнуть, а сам отправился провожать сестру Мэй от имени родителей. Чжун Гоу и тетя Ю согласились и напутствовали Чжун Наня, чтобы он обязательно дошёл до автобусной остановки.

Чжоу Юймей и Чжун Нань вышли из дома и направились к главным воротам. Чжун Нань радостно сказал: «Мои родители были так рады, что ты сегодня пришла к нам, у них такое редкое веселое настроение». Чжоу Юймей ответила: «Правда? Я, наверное, доставила вам хлопот». Чжун Нань продолжил: «Какие тут хлопоты? Ты просто принесла радость в нашу семью. Ты даже не представляешь, как мои родители любят девочек. В детстве мама всегда наряжала меня как девочку, я до пяти лет ходил с косичками... Эх, у меня просто «Ужасная жизнь»!» Чжоу Юймей спросила: «Правда?» Чжун Нань ответил: «Еще бы! Я даже не могу показать людям свои фотографии до пяти лет». Чжоу Юймей посмотрела на Чжун Наня и смущённо улыбнулась. Чжун Нань сказал: «Эй, хватит об этих постыдных вещах. Знаешь, я люблю физику и мечтаю специализироваться в области низкотемпературной сверхпроводимости. Что ты об этом думаешь?» Чжоу Юймей честно ответила: «Я совсем не разбираюсь в этих сложных физических вопросах». Чжун Нань улыбнулся: «Ничего страшного, девушкам слишком тяжело изучать такие предметы, лучше изучать иностранные языки». Не заметив, как подошли

к главным воротам, Чжун Нань вдруг о чем-то вспомнил и, притворившись загадочным, сказал: «Знаешь, на самом деле наш завод находится совсем рядом с вашей больницей — есть горная тропинка, перейди через гору — и ты уже на месте! А на автобусе приходится ехать большим кругом. В следующий раз попробуй пройти по горной тропе, как тебе? Конечно, не ходи одна — безопасность превыше всего!» Для Чжоу Юймэй это было первое общение со школьником после окончания средней школы. Трудно объяснить, но она почувствовала некую близость — возможно, потому что у них было много общего.

Как раз в этот момент подошёл автобус, Чжоу Юймэй села в него, а Чжун Нань, словно взрослый, напутствовал её: «Будь осторожна, до свидания!» Чжоу Юймэй улыбнулась: «Иди домой, спасибо тебе!» Чжун Нань смотрел на Чжоу Юймэй в автобусе, махал рукой и провожал взглядом уезжающий автобус: «До свидания! До следующей встречи!» Глядя на удаляющийся автобус, Чжун Нань, сам не зная почему, высоко подпрыгнул и сделал красивый бросок в корзину.

Чжоу Юймэй была в кабинете, когда Цзи Бин вбежала, запыхавшись, и сказала, что брат Ван Лин получил травму и сейчас находится на операции в первой хирургической палате. Чжоу Юймэй с беспокойством спросила, что именно случилось и насколько серьёзно, а затем сказала Цзи Бин: «Позвони Ван Лин».

Чжан Сяоин накануне ночью была на дежурстве и ещё спала. Чжоу Юймэй и Цзи Бин вошли в комнату Чжан Сяоин, на цыпочках подошли к кровати. Увидев, что Чжан Сяоин крепко спит, они переглянулись и вдруг одновременно крикнули: «Срочный сбор!» Чжан Сяоин тут же села, даже не открывая глаз, и стала одеваться. Чжоу Юймэй, глядя на взволнованную Чжан Сяоин, улыбнулась и сказала: «Ладно, ладно, это мы». Только тогда Чжан Сяоин открыла глаза и, выражая разочарование и раздражение, воскликнула: «Какие вы надоедливые! Вы меня до смерти напугали!» Чжоу Юймэй внезапно стала серьёзной и сказала: «Извини, но тебе нужно немедленно встать и выполнить задание!» Цзи Бин тоже торопливо добавила: «Извини, что потревожили твой сладкий сон, но у нас действительно важное задание».

Сначала Чжан Сяоин не хотела ничего слушать, но как только услышала слово «задание», снова открыла глаза и спросила: «Какое задание? Есть новости о поступлении в университет?» Цзи Бин с некоторым раздражением ответила: «Почему ты сразу думаешь только о поступлении? Нет, дело в том, что брат Ван Лин получил травму и сейчас его спасают в операционной. Вставай побыстрее, нам нужно позвонить Ван Лину». Услышав об этом, Чжан Сяоин сразу же села и спросила: «Серьёзно? Как он пострадал? Как это могло случиться? Не так давно мы вместе обедали, и с ним всё было в порядке, как так могло случиться?» Чжоу Юймэй и Цзи Бин вместе помогли Чжан Сяоин и поспешно отвезли её к телефонной будке.

Чжоу Юймэй, Цзи Бин и Чжан Сяоин, неся фрукты, вошли в палату. Ван Фэй лежал с капельницей, и все трое вошли на цыпочках, а Цзи Бин шла впереди. Увидев подруг сестры, Ван Фэй обрадовался: «Вы пришли».

Цзи Бин первая заботливо спросила: «Как ты себя сейчас чувствуешь? Слышала, ты пострадала, спасая людей от несчастного случая — настоящая героиня!» Чжан Сяоин сказала: «Сейчас по всей больнице ходят слухи о твоём героическом поступке! Мы уже позвонили Ван Лин, она попросила нас хорошо о тебе позаботиться». Чжоу Юймэй лишь слегка улыбнулась, ничего не сказав.

Ван Фэй говорил, не отрывая взгляда от Чжоу Юймэй: «Ничего страшного, и вы рассказали об этом моей сестре, спасибо». Ван Фэй всё время смотрел на Чжоу Юймэй, словно чего-то ожидая.

Цзи Бин тепло сказала: «Я только что спросила у доктора Ли, он сказал, что с тобой всё в порядке. Хорошо отдохни, мы о тебе позаботимся, не волнуйся». Чжан Сяоин подхватила: «Да, да, у Цзи Бин отличные отношения со всеми в Первой хирургической клинике, не волнуйся». Чжоу Юймэй по-прежнему лишь слегка улыбалась.

Пришёл врач на обход, и трое поздоровались с ним и ушли. Идя по коридору медицинского корпуса, Цзи Бин обратилась к Чжоу Юймэй и Чжан Сяоин: «С братом Ван Лин всё в порядке, я спросила — ничего серьёзного. Вы занимайтесь своими делами, я здесь останусь».

«Хорошо, спасибо, что позаботишься о нём. А я пойду домой, ещё немного посплю», — сказала Чжан Сяоин. Но тут она вдруг словно о чём-то вспомнила, загадочно посмотрела на Цзи Бин и сказала: «Почему-то в последнее время героини появляются один за другим». Затем она перевела взгляд на Чжоу Юймэй и в шутку добавила: «Тебе нужно постараться, а то отстанешь». Чжоу Юймэй не дождалась, пока Чжан Сяоин договорит: «Да, да, да, героини появляются один за другим, Сяоин, мы с тобой действительно не можем с ними сравниться». Затем она посмотрела на Цзи Бин и сказала: «Цзи Бин, прошу тебя, позаботься о героине! Мы с Сяоин пошли». Сказав это, она показала язык. На лице Цзи Бин мелькнуло волнение, но он сказал: «Какая ты надоедливая!» Чжоу Юймэй, взяв Чжан Сяоин за руку, весело убежала.

После ужина остальные пациенты из палаты вышли на прогулку, только Ван Фэй лежал на кровати и пристально смотрел на дверь, словно очень надеясь, что придёт лучшая подруга его сестры. Ван Фэй закрыл глаза и вспомнил сцены из школьных лет...

На спортивной площадке полные энергии фигуры мчались по беговой дорожке.

На пьедестале почёта запечатлелся незабываемый момент, когда они вместе с Чжоу Юймэй получали награду.

На территории школы он осторожно признался Чжоу Юймэй: «Я тебя люблю», но получил в ответ «хулиган», что безмерно опечалило его.

На плацу для новобранцев он случайно увидел Чжоу Юймэй, похожую на маленькую ласточку, и в его душе вновь разгорелось страстное желание.

Он смотрел, как Чжоу Юймэй возвращалась с пробежки, уставшая, с покрасневшим от ветра лицом...

Как раз когда Ван Фэй погрузился в бесконечно прекрасные воспоминания, раздался звук открывающейся двери, и в комнату вошла Цзи Бин с ланч-боксом в руках. Ван Фэй открыл глаза, вообразив, что перед ним стоит Чжоу Юймэй, но постепенно появилось улыбающееся лицо Цзи Бин, и выражение лица Ван Фэя мгновенно сменилось с восторженного на спокойное. Цзи Бин радушно сказала: «Ну как? Питание в нашей больнице не очень, да? Я приготовила тебе лапшу с яйцом и помидорами, попробуй?» Ван Фэй пришёл в себя и вежливо ответил: «О, это ты... Я уже поужинал». Цзи Бин продолжала с энтузиазмом: «Наверняка не наелся, я приготовила не много, съешь немного». Не успел Ван Фэй ничего сказать, как Цзи Бин уже пересыпала лапшу с яйцом и помидорами из ланч-бокса в принесенную с собой маленькую миску и подала её Ван Фэю. До него донёсся аромат кунжутного масла «Сяомо», и Ван Фэй, казалось, не смог отказаться, поэтому привстал. Цзи Бин, наблюдая за тем, как ест Ван Фэй, удовлетворённо улыбнулась.

Чжоу Юймэй занималась в кабинете; на столе лежали стопки учебных материалов, но, почему-то, в душе у неё царил суматоха, и она невольно встала и посмотрела в окно... Раздался стук в дверь, и Чжан Сяоин заглянула внутрь, осторожно спросив: «Чем занимаешься? Я столько времени стучала, а ответа не было. О чём думаешь?» Увидев Чжан Сяоин, Чжоу Юймэй раздражённо ответила: «Это ты? Почему ты не дежуришь как положено, а прибежала сюда?»

Телефонная служба и политический отдел находились в одном здании, а радиостудия Чжоу Юймэй и телефонная служба располагались буквально на соседних этажах, поэтому сотрудники часто заглядывали друг к другу. Чжан Сяоин спросила: «О чём ты думала?» Чжоу Юймэй не ответила. Чжан Сяоин с лёгкой интригой сказала: «Ты не заметила, что Цзи Бин, кажется, немного... к Ван Фэю?» Чжоу Юймэй по-прежнему не отвечала, и Чжан Сяоин, понизив голос, добавила: «В прошлый раз, когда Ван Фэй приезжал навестить товарищей из их подразделения, Цзи Бин проявила особый энтузиазм, а в этот раз, кажется, ещё больше...» Чжоу

Юймей по-прежнему молчала. Увидев, что Чжоу Юймей по-прежнему не проявляет особого интереса к этой теме, Чжан Сяоин разочарованно ушла. Чжоу Юймей, сама не зная почему, почувствовала какое-то неопишное раздражение, скомкала несколько листов черновиков на столе, сжала их в кулаке, подошла к окну и испытала какое-то труднообъяснимое чувство: «Как так получилось? Почему именно брат Ван Лин? Мир действительно тесен!»

На следующий день Чжоу Юймей, как обычно, рано пришла в читальный зал. Открыла окна, убралась, и, когда всё было готово, села, пока ещё было рано, достала материалы для повторения английского и стала тихо читать вслух.

Стрелки маленьких будильников на столе показали 10 часов. Чжоу Юймей встала, подошла к двери, открыла её — за дверью уже ждал один из пациентов. Как только Чжоу Юймей собралась сказать «Проходите», их взгляды встретились, и Ван Фэй непринуждённо сказал: «Здравствуйте! Сегодня врач быстро закончил обход, поэтому я пришёл пораньше. Вы так красиво читаете по-английски». Чжоу Юймей, слегка смутившись, посмотрела на Ван Фэя и ответила: «Здравствуйте! Проходите!» Ван Фэй вошёл в читальный зал, и вскоре пришло ещё много пациентов. Ван Фэй сел недалеко от рабочего стола Чжоу Юймей и издали наблюдал за каждым её движением...

Узнав о том, что военнослужащим разрешено поступать в университет, инженер Чжун часто думал: «На Юймей, наверное, лежит огромная нагрузка из-за подготовки к экзаменам, да ещё и работа... Нам нужно поддержать её и помочь осуществить её мечту». Поэтому он попросил тётушку Ю специально приготовить куриный бульон и поручил сыну Чжун Нану отнести его Чжоу Юймей, чтобы она лучше питалась. Сын Чжун Нань с большим удовольствием принял это почётное и радостное «поручение».

Вечером Чжоу Юймей была очень удивлена неожиданным визитом Чжун Нана, а когда узнала, что мастер Чжун послал сына принести ей куриный бульон, была безмерно тронута и поспешила пригласить Чжун Нана зайти в общежитие.

Чжун Нань, впервые оказавшийся в общежитии противоположного пола, был взволнован и любопытен, внимательно осматривая всю комнату... Две односпальные кровати — лаконичные, аккуратные, чистые; зелёные военные одеяла, сложенные аккуратно, как кубики тофу, лежали у изголовья каждой кровати; рядом с каждой кроватью стоял письменный стол, на правом из которых аккуратно лежали три стопки книг — с первого взгляда было件нятно, что это стол Чжоу Юймей; рядом с книгами стояло круглое зеркало и фотография пяти военнослужащих-женщин. Оглядев комнату, Чжун Нань невольно воскликнул: «Как здесь чисто!»

Чжоу Юймей не переставала благодарить: «Спасибо тебе, папа и мама, вы так потрудились. У нас здесь питание просто отличное, в будущем, пожалуйста, не утруждайте себя так». Чжун Нань вел себя очень «взросло», подражая обычному тону отца, и сказал: «Ты слишком стесняешься, правда? Это же проявление искренней заботы инженера Чжуна и твоей тети Ю. Не стоит так церемониться! Конечно, это и искренность Чжун Наня — ведь он, несмотря на огромную учебную нагрузку, по поручению специально выкроил драгоценное время из своего учебного графика. Как ты собираешься его отблагодарить?» Чжоу Юймей улыбнулась: «Ты такой шутник!» Двое всё более непринуждённо болтали и смеялись. Все это застал Ван Фэй, специально пришедший навестить Чжоу Юймэй, и, не зная почему, он почувствовал настоящую ревность. Наблюдая со стороны, как Чжоу Юймэй проводила Чжун Нана до общежития, Ван Фэй последовал за ней.

«Тук-тук, тук-тук!» «Кто там? Дверь не закрыта», — сказала Чжоу Юймей.

Ван Фэй осторожно приоткрыл дверь, и Чжоу Юймей, увидев его, очень удивилась: «Как ты сюда попал? Тебе уже лучше? Что-то случилось?» Ван Фэй улыбнулся и сказал: «Извини, у меня было кое-какое дело, но, похоже, я пришел совсем не вовремя — ты только что проводила гостя».

Чжоу Юймей, не зная почему, поспешила объяснить: «О, это сын инженера Чжуна, он пришёл принести мне куриный бульон по поручению инженера Чжуна. Он учится в средней школе, на три-четыре года моложе меня». Чжоу Юймей сама не понимала, зачем она это сказала. Ван Фэй с горькой улыбкой сказал: «А было ли необходимо такое объяснение? Вы же так весело болтали». Чжоу Юймей с некоторым раздражением спросила: «Почему ты так говоришь?» Ван Фэй внезапно понизил голос и сказал: «Твое поведение совершенно неуместно. Он всего лишь школьник, а ты теперь уже военнослужащая». Услышав эти слова, Чжоу Юймей очень рассердилась: «Что ты несешь? Это просто смешно». Чжоу Юймей не могла понять смысл сегодняшнего разговора и была очень раздражена. Она громко сказала: «Это просто скучно. Если у тебя нет никаких дел, то, пожалуйста, уходи!» Ван Фэй, похоже, тоже почувствовал, что его слова были неуместны. Выйдя за дверь, он уже собирался обернуться, чтобы что-то сказать, но Чжоу Юймей уже с силой захлопнула дверь.

Глава 3

«Международный женский день» — важный ежегодный праздник в больнице, отмечаемый многочисленными торжественными мероприятиями. Через неделю после возвращения на работу в аптеку Тянь Сяоси снова вернулась в политический отдел, чтобы помочь в подготовке мероприятий к «Международному женскому дню». Делопроизводитель Цяо и Тянь Сяоси, не теряя ни секунды, работали день и ночь над завершением картины, надеясь «прославиться с первого раза». Тянь Сяоси про себя подумала, что эта картина и сам процесс её создания — самое значимое дело, которым она занималась с тех пор, как уехала от родителей. Впервые за всё это время она ощутила ценность самостоятельного творчества, а также поняла, насколько важно приятное сотрудничество. Плод этого сотрудничества и его результат скоро увидят свет, и это вызывало у неё особое волнение и восторг, которые трудно описать словами; точнее говоря, в них была ещё и доля самодовольства. Ведь Тянь Сяоси всё время ломала голову над тем, как сказать об этом отцу, как устроить ему большой сюрприз: в день собеседования или в день вручения премии? Что сказать в благодарственной речи? Тянь Сяоси находилась в состоянии невиданного ранее возбуждения.

Тянь Сяоси — очень простодушная девушка, которая живет ради своих невинных мечтаний. Ее отец — учитель рисования в средней школе; хотя его доход невысок, в семье царит гармония, а вся обстановка пропитана художественной атмосферой. Под руководством отца Тянь Сяоси часто выходит на пленэр вместе со своим младшим братом, который тоже любит рисовать, и испытывает безграничную любовь к природе. Горы, вода и люди, изображённые её кистью, всегда солнечные, свежие, красивые и изящные — без недостатков, без загрязнения, без печали... Такова Тянь Сяоси! Родители всегда заботливо опекают дочь, боясь, что ей может быть причинен вред.

Тянь Сяоси — ещё и забавная девочка, в чьей невинности проскальзывает немного озорства. В сериале «Пять военных цветов» она называет себя «тётей» Чжан Сяоин и часто ведёт себя как настоящая «тётя». И действительно, очень серьезно настроенная Чжан Сяоин всегда слушается «тёти»: что бы ни попросила «тётя», Чжан Сяоин никогда не возражает, делает всё, что ей говорят, — словно подчиняется строгому приказу. Даже после окончания новобранческой подготовки, когда они были распределены по разным подразделениям, при любой проблеме Чжан Сяоин всегда в первую очередь обращалась за помощью к «тёте», находящейся далеко. Если честно, это действительно забавно: каким бы сложным и запутанным ни было дело, стоит только «тёте» дать совет, как Чжан Сяоин сразу же с радостью выполняет его! В этом и заключается очарование Тянь Сяоси!

Работая вместе с сотрудницей Цяо над созданием картины, Тянь Сяоси активно помогала ей в подготовке к церемонии награждения по случаю «Международного женского дня» — это было одно из главных ежегодных событий в институте. Вместе они оформляли информационные стенды, украшали зал, обсуждали и дорабатывали эскизы картин, а также много-

кратно репетировали весь ход церемонии... Невинная, простая и добрая Тянь Сяоси ни за что не могла бы догадаться или заметить тонкие изменения в настроении сотрудника Цяо, тем более не предчувствовала, что на неё незаметно надвигается роковой удар...

Утром Тянь Сяоси размышляла, какое название придумать для картины: «Весенний рассвет»? «Песня весны»? «Зов весны»? Или... Она написала эти названия на листе белой бумаги, используя для каждого название свой шрифт, а в конце добавила: «Какое бы вы выбрали?» — и нарисовала рядом пару ожидающих, круглых, милых девчачьих глаз...

Во второй половине дня Тянь Сяоси суежилась в актовом зале, развешивая баннер «Торжественное собрание по случаю Международного женского дня», еще раз проверяя и тестируя звуковое оборудование, время от времени бормоча про себя: «Теперь осталось только принести сюда ту картину... нет, скорее, шедевр».

Вернувшись в мастерскую, Тянь Сяоси снова стала любоваться картиной, написанной маслом, которую она создала вместе с секретарём Цяо. Она написала имя секретаря Цяо над своим именем и подумала: «Когда придет секретарь Цяо, мы вместе определим название картины, и это название обязательно должен написать он сам». Подумав об этом, она невольно пробормотала: «Чем же ты занималась весь день? Какой терпеливый человек!» Тянь Сяоси возлагала большие надежды на эту работу, ведь это была картина, в которую она вложила всю душу, а также произведение, которым она особенно хотела удивить своего отца.

Постепенно сгущались сумерки, раздался сигнал к ужину, но секретарь Цяо так и не появился. Тянь Сяоси зашла в соседний кабинет и увидела, что секретарь Сун всё ещё занят доработкой речи руководства для завтрашнего собрания. Поколебавшись, она всё же тихо спросила: «Секретарь Сун, извините, что беспокою вас, вы не видели секретаря Цяо?»

Сотрудник Сун поднял глаза на Тянь Сяоси и сказал: «Разве вы не вместе готовили зал для собрания сегодня днём?»

Тянь Сяоси ответила: «Сегодня я так и не видела сотрудника Цяо, не знаю, может, руководство поручило ему какую-то другую работу». Сотрудник Сун знал, что Тянь Сяоси ответственно подходит к работе, и обычно все очень любили эту простодушную и талантливую девушку, поэтому сказал: «Спасибо за твой труд, Сяоси! Похоже, сегодня не было никаких других поручений, все с полной отдачей готовятся к завтрашнему мероприятию».

Тянь Сяоси с улыбкой ответила: «Да, я тоже так думаю, но за весь день я ни разу не видела сотрудника Цяо. Ничего страшного, у него, наверное, какие-то дела. Я просто хотела бы, чтобы он проверил, как идёт работа». Сотрудница Сун предложила: «Может, тебе спросить у директора? Может, сотруднику Цяо поручили какую-то срочную работу?»

Тянь Сяоси улыбнулась: «Хорошо, сотрудник Сун, уже так поздно, вам пора домой».

Сотрудник Сун с улыбкой ответил: «Да, давайте сначала поспешим поужинать, а потом, насытившись, приступим к работе. Мне тоже пора домой, до завтра».

Тянь Сяоси вежливо ответила: «Сотрудник Сун, до завтра».

Тянь Сяоси пришла в столовую, взяла свою миску и приборы и встала в очередь за едой. Столовая часто служит источником информации в коллективе: хорошие и плохие новости, сплетни и всевозможные слухи — практически всё сначала распространяется именно отсюда.

В очереди несколько медсестёр, стоя в очереди, обсуждали последние сплетни.

Медсестра Ван, невысокого роста, но считавшаяся одной из самых активных сотрудниц учреждения, с некоторой загадочностью сказала остальным медсестрам, стоявшим в очереди: «Вы знаете? Деловод Цяо и Ху снова подрались. Эта пара — настоящая головная боль, у них почти никогда не бывает спокойствия, уф!»

Медсестра Ли ответила: «Говорят, на этот раз они действительно подрались, шума было много, и немало вещей разбили. Я живу прямо под его окнами — просто мучение, похоже, разбили немало бутылок и банок».

Медсестра Ся, стоявшая в двух последних рядах, тоже подошла ближе и сказала: «Да, уже почти сутки как дверь наперёд закрыта, слышен только плач Маленького Ху. Эх, ну и этот Маленький Ху, совсем не боится, что соседи будут смеяться, а его плач просто душу вырывает. Эх, интересно, из-за чего это снова?»

Медсестра Ли, стоявшая в первом ряду, повернула голову и сказала: «Маленький Ху, когда он в хорошем настроении, очень симпатичный, но когда начинает капризничать, от него просто мурашки по коже бегут. Он целыми днями во всем видит подвох. Эх, эти двое... Если можно так сказать, им вообще не следовало соединяться».

Медсестра Ван подхватила: «Да, даже после рождения ребёнка у них не было покоя».

Между секретарём Цяо и его женой, лаборанткой Ху, с самого начала их отношений, от влюблённости до рождения ребёнка и по сей день, ссоры не прекращались, и весь госпиталь уже давно привык к этому. Но что именно произошло сегодня, никто, похоже, не знал точно — в любом случае, это была очередная громкая ссора. Услышав это, Тянь Сяоси, хотя и слышала раньше некоторые слухи о секретарё Цяо, всегда с презрением относилась к сплетням, не слушала, не интересовалась, не участвовала и не вмешивалась. Но, услышав это, в её душе всё же возникло ощущение: «Секретарю Цяо действительно нелегко, по возможности не стоит заставлять его беспокоиться о рабочих делах». Подумав об этом, Тянь Сяоси поспешила пообедать, а затем быстро вернулась в кабинет, чтобы тщательно проверить всю работу, надеясь не упустить ни одной детали. Наивная, добрая и искренняя Тянь Сяоси и не подозревала, что эта «война» имеет к ней прямое отношение.

Тянь Сяоси снова и снова проверяла все задачи в офисе, надеясь, что секретарь Цяо найдет время заглянуть к ней, чтобы ещё раз чётко распределить необходимую работу, а она затем займётся её выполнением. Время шло секунда за секундой, часы на стене уже показывали 20:36, а сотрудник Цяо так и не появился. Тянь Сяоси подумала: «Может, сходить к сотруднику Цяо домой, проконсультироваться по поводу работы и заодно утешить их? Что такого страшного может случиться в семье?»

Тянь Сяоси всегда жила в теплой и дружной семье, поэтому ей было совершенно невозможно представить, что в семье могут происходить ссоры, и она никогда не сталкивалась с семейными конфликтами. В её представлении, из-за чего вообще могут ссориться члены одной семьи? Тянь Сяоси, движимая добрыми и благородными намерениями, решила зайти к секретарю Цяо, чтобы спросить его мнение о названии картины и сама доработать его, чтобы секретарь Цяо не беспокоился и не тратил на это силы. Подумав об этом, Тянь Сяоси встала, вышла из кабинета и направилась к жилому кварталу.

Тянь Сяоси знала только, что дом секретаря Цяо находится в 5-м корпусе, но не знала ни номера этажа, ни номера квартиры. Вечером на улице никого не было. Она долго кружила вокруг 5-го корпуса, но никого не увидела. Спустя некоторое время из подъезда № 3 вышла женщина средних лет в фартуке с мешком мусора в руках — очевидно, домработница. Тянь Сяоси поспешила подойти к ней и спросила: «Здравствуйте, тетя! Не могли бы вы сказать, в каком подъезде живёт сотрудник Цяо?» Няня остановилась и, посмотрев на Тянь Сяоси, спросила: «Сотрудник Цяо? Ты имеешь в виду семью того лаборанта Ху?»

Тянь Сяоси поспешно ответила: «Да, да, да». Няня с сильным южноречным акцентом, подумав, сказала: «Кажется, в 5-м подъезде, на втором этаже. А какой именно номер — спроси, когда поднимешься. Похоже, эта пара сегодня опять поссорилась. Эх, жизнь и так нелегкая, зачем же ссориться? По-настоящему не понимаю этих горожан». С этими словами она ушла. Тянь Сяоси поспешно сказала: «Спасибо».

Тянь Сяоси подошла к 5-му подъезду. Это был многоквартирный дом старого образца, двери всех квартир были плотно закрыты, да и время уже было за восемь вечера, в общей кухне никого не было — вокруг царила тишина. Тянь Сяоси бродила туда-сюда, надеясь увидеть кого-нибудь, чтобы спросить номер квартиры. И вот в этот момент вдали появился свет, дверь

открылась, и кто-то изнутри приподнял занавеску своей квартиры, словно пропуская другого человека.

Тянь Сяоси быстро подошла и спросила: «Извините, что беспокою, скажите, пожалуйста, под каким номером живет секретарь Цяо?» Вышедший человек поднял голову — это был сам секретарь Цяо, который тихо бормотал: «Ладно, ладно, больше никогда не думай о ерунде. Пойдем, прогуляемся». Секретарь Цяо одной рукой держал занавеску, а другой — за руку жену, собираясь выйти на улицу. Услышав вопрос и увидев подбежавшую Тянь Сяоси, он сразу же сильно занервничал и почувствовал неловкость, выразив на лице крайнее удивление и спросив: «Ты? Как ты здесь оказалась?» — удивлённо и взволнованно спросил секретарь Цяо. Тянь Сяоси тоже была удивлена, но радостно сказала: «Секретарь Цяо, вы здесь живете? Я как раз вас искала, уже целую вечность». Не успел секретарь Цяо ответить, как его жена выскочила из-за двери и, словно обезумев, стала истерично кричать на Тянь Сяоси: «Как ты осмелилась преследовать меня аж до дома? У тебя просто нет границ, ты слишком нагло себя ведешь, просто бесстыдница!» Не успела она договорить, как, словно овладев какой-то злобной силой, она бросилась на Тянь Сяоси, схватила его за волосы и стала бить без разбора.

Тянь Сяоси совершенно не понимала, что происходит и почему, и лишь инстинктивно обхватила голову обеими руками...

Секретарь Цяо поспешил подбежать, обнял жену, а затем громко крикнул Тянь Сяоси: «Что ты здесь делаешь? Уходи, уходи!» Тянь Сяоси была совершенно ошеломлена и по-прежнему прижимала руки к голове. Секретарь Цяо не переставал кричать: «Уходи, уходи, почему ты до сих пор не ушла?» Тянь Сяоси была полностью сбита с толку этой внезапной побоищей и руганью! Секретарь Цяо крепко обнимал свою сошедшую с ума жену и продолжал кричать: «Чего ты тут стоишь, уходи же!»

Одновременно открылись двери нескольких квартир. Увидев происходящее, все, казалось, поняли причину сегодняшней «войны» в семье Цяо и начали перешептываться.

«Так вот в чём дело, эти молодые люди совсем не уважают себя».

«Так вот в чём дело — секретарь Цяо изменяет жене, разве можно винить Хун?»

«Похоже, на этот раз громкая ссора произошла не из-за того, что Малышка Ху снова устраивала истерику. Как она осмелилась прийти домой так поздно? У неё просто слишком большая смелость».

На другом конце многоквартирного дома открылась дверь, и оттуда быстрым шагом вышла женщина с короткими волосами — доктор Чжан. Она подбежала к совершенно ошеломлённой Тянь Сяоси, которая только крепко прижимала голову к груди, взяла её за ледяную руку и тихо сказала: «Пойдём, быстрее, чего ты тут стоишь как ошеломлённая?» Говоря это, доктор Чжан вытащила Тянь Сяоси из подъезда, одновременно обращаясь к остальным зевакам, которые обсуждали происходящее: «Не смотрите, не обсуждайте. Дело ещё не выяснено. Какой смысл в беспочвенных домыслах? Все разбегайтесь».

Доктор Чжан, уроженка Пекина, 34 года, входила в первую группу студентов из числа рабочих, крестьян и солдат, специализировалась на внутренних болезнях. Она была сдержанной и спокойной, в больнице её все признавали врачом с высокими профессиональными качествами и безупречной медицинской этикой. Обычно она не любила лезть в чужие дела, была немного высокомерна и никогда не участвовала ни в каких больничных сплетнях и склоках. Что касается сегодняшнего инцидента, она действительно не совсем понимала, что именно произошло, и не знала, кто виноват, но интуиция подсказывала ей, что, возможно, это просто недоразумение. К тому же, хотя она и не очень хорошо знала Тянь Сяоси и редко с ней общалась, из обычных разговоров сотрудников больницы она знала, что «Тянь Сяоси — многогранная и утончённая дама». Поэтому, хотя обычно она не любит лезть в чужие дела, в сегодняшней ситуации она всё же решила вмешаться, поспешила к дрожащей Тянь Сяоси, утешала её и помогла подняться, чтобы увести из того места, где разгорелся скандал.

Тянь Сяоси совершенно не понимала, что произошло, и без конца повторяла: «Что со мной? Что со мной? Почему? Почему меня ругают и бьют? Что со мной? Почему? Что со мной?»

Доктор Чжан сопровождала Тянь Сяоси обратно в общежитие. Соседка по комнате Чжан Янь, увидев её в таком состоянии, испугалась и поспешно спросила: «Что случилось? Что произошло?» Доктор Чжан дала знак не задавать лишних вопросов и, опасаясь, что может случиться что-то плохое, сказала Чжан Янь: «Быстро позови заведующего аптекой». Чжан Янь была немного ошеломлена, не понимая, что произошло. Она посмотрела на Тянь Сяоси, которая дрожала всем телом, с растрепанными волосами и ужасным выражением лица, затем взглянула на доктора Чжана. Как только она хотела спросить что-то ещё, доктор Чжан остановил её несколько повелительным жестом, давая понять, что нужно немедленно найти руководителя аптеки.

Тянь Сяоси только и повторяла: «Что со мной? Почему? Почему меня ругают и бьют? Что я такого сделала?» Доктор Чжан подвёл Тянь Сяоси к кровати и усадил её. Едва он собрался встать, чтобы налить горячей воды, как Тянь Сяоси крепко обняла его и вдруг стала громко кричать: «Что со мной? Почему меня ругают и бьют? Что со мной не так?» Доктор Чжан поспешно обернулся, крепко обнял Тянь Сяоси, нежно погладил её растрепанные волосы и тихо утешил: «Сяоси, всё в порядке, успокойся. Они всегда так ссорятся, наверное, это просто недоразумение. Не обращай внимания на лаборанта Ху!» Тянь Сяоси по-прежнему повторяла: «Что со мной не так? Почему меня ругают и бьют?» Доктор Чжан очень переживал, что простодушная и наивная Тянь Сяоси переживает из-за этого, и продолжал тихо утешать её: «Сяоси, всё в порядке, через минуту придет ваш заведующий, я расскажу ему, что произошло». Тянь Сяоси по-прежнему без перерыва бормотала: «Что я такого сделала? Почему они ругают меня и бьют?» Доктор Чжан нежно погладила Тянь Сяоси по голове и тихо утешила: «Всё в порядке, тебя обидели. Эх, как вообще могло произойти такое?»

Вскоре Чжан Янь привела сюда и заведующего аптекой Чжана, и помощника Ван. Увидев эту сцену, они были очень удивлены.

Тянь Сяоси по-прежнему без умолку повторяла про себя: «Что со мной? Почему меня ругают и бьют?» Заведующий аптекой Чжан похлопал Тянь Сяоси по плечу и одновременно спросил доктора Чжан: «В чём дело? Что произошло?» Доктор Чжан рассказала заведующему аптекой Чжану и помощнику Вань о том, что ей было известно: «Я тоже не совсем понимаю, просто услышала шум в коридоре, вышла посмотреть, что происходит, и сразу же увидела, как секретарь Цяо обняла Ху, а Ху ругала и била его. Эта пара уже в полдень сильно поссорилась, не знаю, из-за чего, но на этот раз ссора была особенно жестокой — они ругались и бросали вещи. Эх, эти двое, ну и люди... Маленький Ху тоже очень мстительный человек, целыми днями во всем видит подвох. Но странно, почему Тянь Сяоси оказалась в коридоре. Когда я её увидела, она, похоже, чем-то испугалась — вся дрожала. Вот я и отвезла её обратно в общежитие. Это всё, что мне известно. А что на самом деле произошло и почему Тянь Сяоси оказалась в нашем 5-м корпусе в такое время, я не знаю».

Увидев руководителя своего отделения, Тянь Сяоси — не ясно, от страха, от чувства несправедливости или от обиды — внезапно разрыдалась, плача так, что душа разрывалась на части... Доктор Чжан крепко обнял Тянь Сяоси и стал её утешать...

Помощник Ван сказал доктору Чжану: «Доктор Чжан, спасибо вам. Уже поздно, может, вам лучше сначала пойти отдохнуть? Мы здесь всё уладим, спасибо вам».

Доктор Чжан всё время утешала Тянь Сяоси, говоря: «Сяоси, всё будет хорошо, хорошенько отдохни и не переживай». Затем она поручила Чжан Янь хорошо позаботиться о Тянь Сяоси; Чжан Янь кивнула, словно до сих пор не понимая, что же произошло.

Директор Чжан и помощник Ван вместе с доктором Чжаном вышли за дверь; перешептываясь несколько слов, помощник Ван и доктор Чжан ушли, а директор Чжан вернулся в

палату и, мягко похлопав Тянь Сяоси по плечу, сказал: «Тянь Сяоси, успокойся, не волнуйся так сильно. Если что-то случилось, обратись в организацию, пусть она решает эту проблему, хорошо?»

Услышав это, Тянь Сяоси почувствовала себя ещё более обиженной и заплакала ещё сильнее... Чжан Янь нежно обняла Тянь Сяоси и сказала: «Сяоси, не плачь, если что-то случилось, поговори с директором».

Заведующий Чжан, видя, что Тянь Сяоси находится в крайне возбуждённом состоянии и о разговоре не может быть и речи, обратился к Чжан Янь: «Вечером обязательно позаботься о Тянь Сяоси. О любой ситуации немедленно докладывай мне. Ты должна гарантировать, что никаких проблем не возникнет».

Такие серьёзные слова директора Чжана заставили Чжан Янь сильно занервничать; она понятия не имела, что же на самом деле произошло, и, немного испугавшись, пробормотала: «Я? Только я одна?» Директор Чжан, заметив опасения Чжан Янь, сказал: «Через некоторое время помощник Ван позвёт к нам фармацевта Е, не волнуйся». Узнав, что придет опытный сотрудник, Чжан Янь сразу почувствовала себя гораздо лучше и ответила: «О, я позабочусь о Сяоси. Будьте спокойны».

После того как доктор Чжан и Тянь Сяоси ушли, секретарю Цяо пришлось приложить немало усилий, чтобы затащить жену в дом. Маленькая Ху снова начала как сумасшедшая швырять вещи по дому, громко плакать и кричать. Секретарь Цяо был в полном отчаянии — он сам не понимал, как Тянь Сяоси оказалась у его порога, и все его усилия, потраченные на уговоры жены в течение всего дня, оказались напрасными.

Дело обстояло так: в последние дни, увлечённый работой над картиной, секретарь Цяо был в приподнятом настроении и время от времени хвалил Тянь Сяоси в присутствии жены. Именно эти похвалы вызвали у неё ревность и стали причиной «войны». Только на этот раз секретарь Цяо поступил иначе, чем раньше: он практически не уступал жене, а напротив, без устали рассказывал, насколько Тянь Сяоси способна и умна, и насколько креативна их совместная картина. Жена, слушая это, всё больше злилась и высказала много оскорбительных слов, на что секретарь Цяо строго ответил: «Не говори ерунду». Это вывело жену из себя, она пришла в ярость: и без того полная ревности, она решила, что, раз муж так хвалит и защищает Тянь Сяоси, то здесь точно что-то не так, и чем больше она об этом думала, тем больше убеждалась, что «дело нешуточное», — так и разразилась «война». За обедом секретарь Цяо сказал: «После обеда мне нужно будет зайти в офис, чтобы поручить Тянь Сяоси кое-какую работу, но она очень ответственная и способная, возможно, большую часть работы уже выполнила, так что я просто пойду проверю...» Не успел он договорить, как жена снова начала нести чушь. Деловой секретарь Цяо был в полном отчаянии: он понял, что не следовало проявлять свою симпатию к Тянь Сяоси перед женой, и, опасаясь, что она может обидеть ни в чем не виновную Тянь Сяоси, сразу же извинился перед женой и стал её успокаивать. Именно по этой причине он весь день не пошёл в офис, надеясь, что всё обойдётся.

В течение всего дня сотрудник Цяо то убалтывал, то умолял, то заискивал, то подлизывался — он испробовал практически все возможные способы. На ужин он даже специально приготовил любимую женкой рыбу в кисло-сладком соусе, и, наконец, эта «война» улеглась. Изначально он хотел еще раз пойти с женой на прогулку, чтобы заверить её, что завтра, когда их совместная картина с Тянь Сяоси будет представлена публике, всё пройдет гладко, ведь жена знала лишь то, что Тянь Сяоси постоянно помогала с этой картиной, но ещё не знала, что это совместная работа. Однако, как ни странно, все его усилия за весь день вновь пошли насмарку из-за неожиданного появления Тянь Сяоси... Секретарь Цяо был в шоке, он чувствовал себя беспомощным и совершенно обессиленным. Он беспомощно сел в угол, позволяя жене кричать и бросать вещи... Внезапно секретарь Цяо подумал: «Сможет ли Тянь Сяоси выдержать все эти непонятные приставания? Она такая чистая и наивная, она так увлечена творчеством,

она ничего не знает...» Подумав об этом, секретарь Цяо тут же встал, не задумываясь ни о чем, и решительно вышел из дома.

Увидев издалека свет в окне своего кабинета, секретарь Цяо как будто почувствовал некоторое облегчение — как же он хотел, чтобы всё было в порядке! Подойдя к двери кабинета, он сначала прислушался, нет ли внутри каких-то звуков, но обнаружил, что там царила полная тишина; тогда он осторожно постучал, но никто не ответил; он осторожно толкнул дверь, повернул ручку, но дверь была заперта; как раз собирался развернуться и уйти, как вдруг вспомнил о завтрашнем дневном собрании и о создаваемой картине, поэтому достал ключ из кармана, открыл дверь, и перед его глазами предстала та яркая, величественная картина, в которую он вложил свою давно утраченную страсть; он вошел внутрь и с глубокой нежностью смотрел на эту картину, долго-долго... Когда он обернулся, его взгляд случайно упал на лист белой бумаги, лежавший на столе, с написанными на нём словами, а рядом с ними — на пару ожидающих, круглых, милых глаз маленькой девочки... «Весенний рассвет», «Песня весны», «Зов весны»... Секретарь Цяо глубоко и долго вздохнул, и по его щекам потекли горькие слёзы...

В этот самый момент в дверях яростно появилась его жена, в правой руке сжимая кухонный нож...

Услышав шум, секретарь Цяо обернулся, увидел эту картину и остолбенел, поспешно сказав: «Сяоли, успокойся, не делай глупостей, выслушай меня». Говоря это, он жестами призывал жену успокоиться и опустить кухонный нож. Жена секретаря Цяо во время ссор всегда вела себя очень бурно, любила швырять вещи, но с кухонным ножом в руках она оказалась впервые. Поэтому секретарь Цяо действительно немного испугался и не переставал повторять: «Успокойся, ладно? Между нами ничего нет, разве я тебе не говорил? Почему ты всегда мне не веришь? Опусти нож, послушайся, Сяоли. У нас же есть сын. Я очень люблю тебя и нашу семью, не делай ничего опрометчивого». Услышав слова «Я очень люблю тебя и нашу семью», жена невольно смягчилась и поспешила сказать: «Тогда поклянись мне!» На самом деле жена, похоже, понимала, что с момента свадьбы муж очень заботился о семье, но она просто не могла терпеть ни малейшей ненадлежащей мысли и ни малейшей похвалы в адрес других, особенно молодых женщин, и именно это часто вызывало у секретаря Цяо чувство беспомощности. Секретарь Цяо вздохнул и сказал: «Хорошо, я клянусь, я соглашусь на всё, что ты скажешь, только отдай мне нож».

Как раз в тот момент, когда Ху Сяоли собиралась протянуть кухонный нож приближающемуся к ней мужу, она случайно заметила листок бумаги в его руке и взгляд девушки на этом листе. Она выхватила его у него из рук. Как только секретарь Цяо собрался что-то объяснить, у Ху Сяоли, которая только что успокоилась, вновь вспыхнула ярость, и она громко воскликнула: «Что это значит? Вот почему ты каждый день ходишь как в трансе, да? Ты ещё и обманывать меня хочешь? Я такая дура!»

Сотрудник Цяо поспешил объяснить: «Эх, ты, ну и ну! Что я от тебя скрывал? Дело в том, что для завтрашнего собрания руководство института поручило создать картину маслом. Тянь Сяоси имеет талант в этой области, поэтому её временно прикомандировали, чтобы помочь с работой. Картина практически готова, осталось только придумать название — вот и всё». Жена, похоже, была твёрдо убеждена, что её обманывают: «Тогда зачем рисовать именно такую маленькую девочку? Это точно что-то нечистое». Деловой сотрудник Цяо начал терять терпение: «Разве люди, разбирающиеся в искусстве, иногда не рисуют просто так, от руки? Что это может означать? Ты, да ты слишком много думаешь! Почему ты стала такой чувствительной, такой узколобой, такой ревливой и такой склонной выдумывать проблемы из ничего?!» Услышав эти слова, жена пришла в ярость: «Что? Ты называешь меня чувствительной? Узколобой? Ревливой? Любящей выдумывать проблемы из ничего?» Не слушая ни слова, она подняла кухонный нож и замахнулась на картину. Сотрудник Цяо был потрясён: «Сяоли, Ху Сяоли, ты

действительно сошла с ума! Прекрати немедленно!» Секретарь Цяо совершенно не ожидал, что жена набросится с ножом на эту картину, над которой он и Тянь Сяоси так долго трудились. Он запаниковал, бросился к ней, чтобы вырвать кухонный нож из рук жены, и между ними завязалась драка. В ходе схватки жена наносила удары всё сильнее, и прекрасная картина в мгновение ока превратилась в испещрённый шрамами «бросок».

Сотрудник Цяо больше не смог сдерживать накопившуюся в нем ярость и громко воскликнул: «Ху Сяоли, что ты, в конце концов, собираешься делать? Ты действительно сошла с ума!» Ху Сяоли полностью потеряла рассудок и с холодной улыбкой ответила: «Что? Ты говоришь, я сошла с ума? Да, я сошла с ума, я действительно сошла с ума». Еще более яростно она стала рубить картину, словно только полностью разорвав её на куски, она сможет избавиться от гнева, и она продолжала рубить как сумасшедшая...

Секретарь Цяо был полностью ошеломлён поведением этой женщины — своей жены. Он просто не мог поверить, что перед ним стоит его жена, и совершенно не мог поверить в её поступки. У него не хватило сил ни на слово, ни на то, чтобы остановить её; он просто стоял в стороне, глядя и слушая жестокие звуки ударов по картине. Его сердце разбилось, разбилось на куски... Он не вмешивался, не кричал, не злился, а просто стоял в стороне и ошеломлённо смотрел... Жена тоже была измотана до предела; отчаянно взглянув на своего мужа, ошеломлённо стоящего в стороне, она подняла кухонный нож и нанесла удар по себе. Секретарь Цяо остолбенел, как ошеломлённый, и одним рывком бросился вперёд, обняв падающую жену. Кровь жены окрасила одежду секретаря Цяо в красный цвет, стекала на пол и брызгала на и без того изрезанную шрамами картину.....

«Помогите!» — крикнул секретарь Цяо, собрав все силы. Больничная скорая помощь срочно доставила Ху Сяоли в отделение неотложной помощи. Секретарь Цяо в сопровождении другого секретаря, понутив голову и измученный, сидел у дверей отделения.

Руководство больницы наблюдало за ходом реанимационных мероприятий из палаты неотложной помощи. Дверь палаты открылась, и заведующий отделением неотложной помощи доложил руководству: «К счастью, лезвие кухонного ножа было не острым, серьёзных повреждений нет».

Руководство больницы строго раскритиковало сотрудника Цяо, потребовав от его отдела тщательно проанализировать случившееся, извлечь уроки и принять меры по предотвращению подобных инцидентов в будущем; одновременно было предписано лаборатории выделить специального сотрудника для сопровождения пациентов, чтобы больше не допускать никаких ошибок, и дано указание: «Необходимо принять строгие меры».

Тянь Сяоси, измождённая и похудевшая, молча стояла перед изрезанной шрамами картиной и смотрела на всё происходящее. Она не понимала, почему так вышло, и снова и снова спрашивала себя: «Что со мной такое? Что я такого натворила? Почему так вышло? Почему?»

С тех пор как она подверглась непонятному унижению со стороны секретаря Цяо, Тянь Сяоси была в глубокой депрессии, часто плакала в одиночестве в общежитии, так и не понимая «почему», особенно когда видела, как ее масляная картина, над которой она так усердно трудилась, превратилась в испачканный кровью, слезами и шрамами мусор — её сердце страшно болело... Она никак не могла понять, что она сделала не так, почему эта, казавшаяся довольно спокойной, женщина вела себя так безумно... Её сердце кровоточило и плакало, и она решила больше никогда не прикасаться к масляной живописи, больше никогда не встречаться с секретарём Цяо, больше никогда...

Сотрудница Цяо несколько раз пыталась найти возможность объясниться и извиниться перед Тянь Сяоси, но каждый раз Тянь Сяоси безжалостно отшивала её. Она не понимала, почему сотрудница Цяо не объясняется со своей женой, ведь между ними были только работа и творчество! Тянь Сяоси не понимала, почему такая умная и способная женщина, как сотрудница Цяо, в столь простом деле оказывается в таком затруднительном положении, ведет себя

так беспомощно и безысходно... Она не знала, что сказать, не хотела видеть ни секретаря Цяо, ни, тем более, Ху Сяоли.

В течение долгого времени у Тянь Сяоси часто болела голова, и она даже не могла выходить на работу. Чжан Янь не раз выражала беспокойство по поводу того, что Тянь Сяоси не может больше так закрываться в себе, но Тянь Сяоси часто не произносила ни слова, молча сидя в оцепенении.

Однажды днём, увидев, что Тянь Сяоси снова сидит в задумчивости, Чжан Янь решила вытащить её на прогулку. Тянь Сяоси, не имея выбора, последовала за Чжан Янь за дверь общежития. Издалека они увидели идущего навстречу доктора Чжана, и Чжан Янь радостно помахала ему рукой. Доктор Чжан подошёл, тепло взял Тянь Сяоси за руку и заботливо спросил: «Как у тебя дела в последнее время? Я давно хотел тебя увидеть, но был слишком занят. С тобой всё в порядке? «Доверяй руководству, доверяй организации. Смотри, руководство больницы специально выступило по этому поводу на общем собрании и объявило о мерах наказания. Всё в порядке, возьми себя в руки и вернись к той солнечной, простодушной и милой Тянь Сяоси, ладно?» Тянь Сяоси молча кивнула.

Доктор Чжан посмотрел на стоящую рядом Чжан Янь и ласково спросил: «Чжан Янь, спасибо, что так много помогала в это время. Куда вы собираетесь?»

Чжан Янь ответила доктору Чжану, что просто сопровождает Сяоси на прогулку. Доктор Чжан радушно предложил: «Заходите сегодня вечером ко мне домой, я приготовлю вам что-нибудь вкусненькое, как вам такая идея?» До этого доктор Чжан практически не общался с Тянь Сяоси, к тому же они работали в разных отделениях. У доктора Чжана был довольно однообразный образ жизни: отделение — столовая — дом. Он очень серьёзно относился к своей работе. Хотя он и был студентом из числа рабочих, крестьян и солдат, всё же окончил известный Бинцзянский медицинский институт, где всегда был одним из лучших студентов. Он был гордым и требовательным человеком, в том числе и в отношении своей одежды: даже военную форму он всегда слегка подгонял, чтобы она сидела идеально и выглядела безупречно. Её муж, доктор Ли, был её сокурсником по университету и работал офтальмологом; обоих в больнице считали «высокомерными людьми».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.